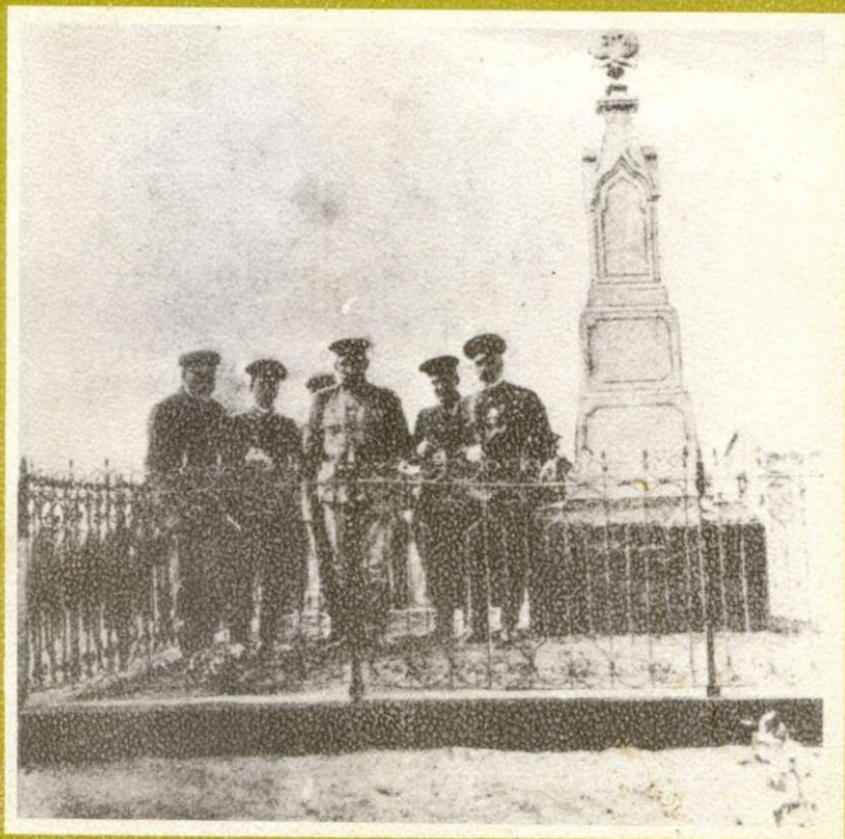

Иван Шеленберг

ИСТОРИЯ СЕЛА ОРЛОВО

Rußlanddeutsche
Российские немцы

Internationaler
Verband
der Deutschen
Kultur

IVDK

Международный
союз
немецкой
культуры

Серия:

История и этнография российских немцев

Иван Шеленберг

ИСТОРИЯ СЕЛА ОРЛОВО

GOTIKA

Москва 1996

УДК 957. 115
ББК 63.3(253.7)
Ш42

Иван Шеленберг. История села Орлово. — М.: «Готика»,
1996. — 144 с.

***Рецензирование и научное редактирование:
доктор исторических наук,
профессор Л. В. Малиновский***

Издание осуществлено при поддержке
Генерального консульства Федеративной
Республики Германия в Новосибирске

Gefördert durch das Generalkonsulat
der Bundesrepublik Deutschland in Nowosibirsk

ISBN 5-7834-0013-0

© И.Шеленберг, 1996
© Международный союз
немецкой культуры
(IVDK), 1996
© Издательство «Готика», 1996

К ЧИТАТЕЛЯМ ЭТОЙ КНИГИ

Дорогие друзья! Вы держите в руках краткую историю села Орлово Немецкого национального района Алтайского края. Каждый человек должен знать, откуда идут его корни, кто были его предки и как они жили. Ибо, не зная прошлого, человек не почувствует цену сегодняшнему, не определит будущего. Развернувшиеся в стране события сделали для всех очевидной потребность в переосмыслении настоящего через прошлое и прошлого через настоящее.

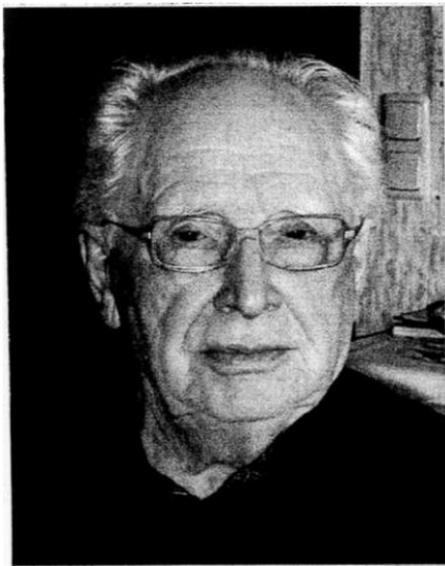
Эта книга поможет вам узнать прошлое сел Орлово, Александровка, Лесное, Дворское и других, уже не существующих деревень, вошедших в свое время в волость и ныне в Немецкий район. Книга повествует о переезде далеких предков современных немцев из Германии в Россию, об их переселении с Украины и Поволжья в Кулундинскую степь и основании там поселков. Вы узнаете, как крестьяне жили в этой степи в прошлом, какой большой и сложный путь ими пройден.

В книге кратко отражаются все этапы развития крестьянских хозяйств, мелких кооперативов, артелей и колхозов, превращения их в крупное многоотраслевое хозяйство. Как известно, история развития села в сталинско-брежневские времена сильно искажалась. Теперь наступило время, когда правдивую историю можно и необходимо знать, какой бы горькой она ни была. Автор книги не старался обходить и замалчивать сложности, ибо сегодня, когда российская деревня переживает коренные перемены, осознать ошибки и противоречия прошлого очень важно. Это поможет решить проблемы нового подъема сельского хозяйства и продовольственного снабжения страны.

В основу истории села Орлово положены подлинные документы, архивы, фотографии, воспоминания перво-поселенцев, старожилов и ветеранов колхоза. Многие из того, что изложено в книге, дали автору его личные наблюдения и воспоминания того периода, когда он в конце 30-х годов учительствовал в Орловской неполной средней школе и длительное время (1957—75 гг.) работал в редакции межрайонной газеты «Роте Фане» (ныне «Цайтунг фюр дих»)

Автор благодарен всем старожилам села и колхозным ветеранам за их воспоминания, предоставленные документы и фотографии, а также будет признателен всем, кто пришлет ему свои отзывы и замечания по этой книге.

И.И.Шеленберг
16 мая 1996 года

Johann Scheilenberg, geboren 1920 in Grünfeld, Altairegion, war nach Beendigung des Slawgoroder Deutschen Pädagogischen Technikums im Jahr 1937 zunächst Dorfschullehrer. Während des Krieges - Arbeit in verschiedenen Baukolonnen des Gulag. Darauf Baumeister in einem Betrieb und Deutschlehrer in einer Abendschule für Erwachsene in Slawgorod. Mit dem Erscheinen der ersten deutschsprachigen Nachkriegszeitungen «Arbeit» in Barnaul und «Rote Fahne» in Slawgorod wurde er Journalist und arbeitete 15 Jahre als Chefredakteur der Zeitung «Rote Fahne» und über 10 Jahre als Redakteur des deutschen Rundfunks in Barnaul. Auch als Rentner arbeitete J. Schellenberg vor seiner Ausreise mehrere Jahre als ehrenamtlicher Korrespondent der deutschsprachigen Medien in Russland. Seit 2001 lebt er in Bochum.

ДАВНО МИНУВШИЕ ВРЕМЕНА

Более 230 лет тому назад в России появились первые немцы-поселенцы. Переселение их из Германии в Россию осуществлялось царским правительством при императрице Екатерине II и в годы царствования Павла I и Александра II с целью заселения степей Поволжья и юга Украины, откуда вытеснялись кочевники и уже ушли турецкие завоеватели. По примеру многих европейских монархов Екатерина II издала манифест 1763 года «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться, в которых губерниях они пожелают».

Обученному в московской Немецкой слободе князю Григорию Потемкину и немке Екатерине Второй нетрудно было найти общий язык с немецкими переселенцами-колонистами. Обнародованный в Германии манифест российской императрицы произвел на жителей германских княжеств большое впечатление. Многие бедные немцы, не имевшие крова и пищи, записывались в колонисты. В истерзанной междоусобицами, опустошенной семилетней войной феодальной Германии было много недовольных жизнью крестьян и ремесленников. В России им была обещана свободная земля. В романе «Фаворит», посвященном Потемкину, писатель Валентин Пикуль подробно пишет о причинах, экономических и социальных, которые вызвали мощную волну немецких переселенцев в Россию, где они энергично обживали пустынные степи Поволжья и Причерноморья.

Первый поток переселенцев из германских княжеств Вюртемберг, Баден, Гессен и Пруссии был направлен в Поволжье, в Саратовскую и Самарскую губернии. За три года, с 1764 по 1766, в этих местах было основано больше сотни немецких колоний.

Крестьянские волнения в России и восстание Пугачева на некоторое время отвлекли внимание императрицы Екатерины II и ее приближенных от проблем колонизации юга страны. Но потом взоры ее чиновников и фаворитов снова обратились к иностранцам на Западе, в том числе и к менонитам, которые снискали славу примерных тружеников.

Первые немецкие менониты прибыли в Россию в 1789 году

из Западной Пруссии и поселились на берегах Днепра около Александровки. Заселение Приднепровья менонитами длилось с перерывами до 1870 года. Царское правительство предоставляло колонистам ряд льгот: освобождение от воинской повинности и от налогов, земельные наделы по 65 десятин на семью, долгосрочные кредиты. Колонисты в России не знали крепостного права и рекрутчины, им не надо было при переселении менять ни религию, ни язык. И поскольку они были переселены и поселены от русских и других народностей отдельно, они имели свою особую систему общественного и государственного управления.

В приднепровских степях земли было много, шли новые волны переселенцев. В 1800 году около реки Молочной (юго-восточнее Запорожья) поселились 150 менонитских семей. Вместе с обосновавшимися здесь ранее менонитами Хортицкого округа они образовали колонию молочанских менонитов в Мелитопольском уезде Таврической губернии. В 1865 году здесь насчитывалось более 50 менонитских сел. Об уровне развития этой менонитской колонии в энциклопедии Брокгауза и Ефрона 1895 года говорится следующее: «В короткое сравнительно время пустынная местность Молочанского округа наполнилась рощами плодовых, тутовых и лесных деревьев, богатыми нивами и стадами отличной породы скота». В период 1855—73 гг. новые менонитские поселения образовались также в Самарской и Оренбургской губерниях.

Но довольно скоро в новых колониях возник земельный вопрос. Все больше становилось безземельных колонистов. Стоимость земли в немецких колониях и в целом на Юге стала настолько высокой, что большинство безземельных не могло рассчитывать на улучшение своего положения. И тогда безземельные колонисты повернули свои взоры на восток великой и обширной России.

НА ПРОСТОРАХ СИБИРИ

В колониях распространилась молва о пустующих землях в Западной Сибири. И в конце XIX века крестьянство Центральной России и юга Украины большими потоками двинулось в Сибирь, оставляя родные места.

Этому переселению позднее способствовала и столыпинская земельная реформа 1906 года. В степных просторах юга Западной Сибири, тогдашней Томской губернии, не было помещичьего землевладения. Пустовавшие здесь земли были собственностью царской семьи. Ими управлял самодержавный «Кабинет Его Величества».

Переселившись в Сибирь, немецкие колонисты сохранили ряд своих особенностей. Каждая этническая группа продолжала говорить на своем языке — нижненемецком или верхненемецком диалекте и придерживалась своего вероисповедания. Немцы расселялись строго обособленными группами: в Орлове, Синеозерном, Дягилевке, Ясном, Дворском, Александровке поселились менониты; в Ольгине, Барском, Отрадном, Малышевке — католики; в Новеньком, Пришибе, Кругленьком — лютеране. Большинство немецких поселков в Кулундинской степи было основано в 1907—1909 годах.

Переселение менонитов в Кулундинскую степь началось после принятия Государственной Думой и Госсоветом царской России закона от 19 сентября 1906 года о передаче переселенческому управлению свободных земель Алтайского округа Томской губернии.

Из воспоминаний бывшего учителя села Краснодол Гергарда Фаста, напечатанных в книге «В степях Сибири», мы узнаем, что в начале 1907 года в менонитской колонии Тиге Заградовской волости Херсонской губернии состоялся волостной сход. На сходе была избрана комиссия из ходоков в количестве трех человек (Ф.Буллер, И.Вибе и А.Дик). Они представляли 180 семей общим числом 882 человека, желавших переехать в Сибирь. Каждая семья внесла по 6 рублей на дорожные расходы ходокам. Царское правительство в это время уже предоставило ходокам право проезда по железной дороге за одну треть тарифа.

4 мая 1907 года ходоки выехали железной дорогой до Новониколаевска (ныне Новосибирск), а оттуда пароходом до

города Камень-на-Оби. Здесь они наняли извозчика и на тарантасе отправились в глубь Кулундинской степи, на те земли, которые тогдашний премьер-министр царского правительства П.А.Столыпин выделил для новых поселений. Проехав около 150 верст, ходоки сошли с подводы и глазами знатоков осмотрели отведенные земли. Они шагали по нетронутой целине, где по колону росли степные травы и цветы. То тут, то там подкапывали землю, брали пробы почвы в мешочки, измеряли толщину гумусного слоя и пришли к выводу, что земли Кулундинской степи вполне пригодны для возделывания сельскохозяйственных культур.

Немецкие ходоки потратили целую неделю на осмотр переселенческих участков. Они ночевали то в Подсоснове, то в Желтеньком или в Богатском (эти поселки были основаны несколько раньше). На обратном пути они заехали в село Карасук к уполномоченному переселенческого управления и оформили заявки на отвод земельных участков под поселки. Возвращаясь затем в Камень-на-Оби, ходоки были вынуждены заехать в окружной центр Барнаул для получения разрешения на поселение в тогдашней Тополинской волости. Получив такое разрешение, ходоки тут же сели на пароход и поехали в Новониколаевск, а оттуда по железной дороге в свои колонии, чтобы готовиться к переселению в Сибирь. Кроме приятных известий о наличии свободной и плодородной земли, они везли сообщение об относительно низких ценах на скот: корова стоила 15 рублей, лошадь — 20—30.

Надо заметить, что в Сибири побывали в то время немецкие ходоки также и из Оренбуржья, Самары и других колоний. Благодаря этому заявлений от колонистов на переезд в Барнаульском переселенческом управлении оказалось одновременно много из разных мест, чем и объясняется близость будущих сел друг к другу. Некоторые ходоки поехали даже смотреть свободные земли на Амуре. Там они обнаружили плодородные земли, но частые дожди и влажный климат отпугнули колонистов.

О начале переселения в Кулундинскую степь один чиновник Томского переселенческого управления писал: «Вскоре после образования первых участков в северо-восточном углу Кулундинской степи, куда не шли даже киргизы (так назывались тогда казахи-кочевники), пугаясь глубокого залегания грунтовых вод, явились ходоки от немцев-менонитов Таврической, Херсонской и Самарской губерний. Они тща-

тельно осмотрели запроектированные участки, измерили даже глубину залегания грунтовых вод и изъявили желание занять эти земли.

Получив разрешение на поселение, менониты в 1907 году начали переселяться из Европейской России в Кулундинскую степь. Большая часть переселилась в 1908—1909 годах, когда и было основано большинство деревень немцев-менонитов».

Для новых немецких поселений в Кулундинской степи было выделено 60 тысяч десятин земли. Чиновники из переселенческого управления предостерегали ходоков, что на этой земле нет ни озер, ни рек, из-за чего здесь русские поселенцы не селятся. Но на это предостережение ходоки ответили: «Дайте нам землю, а воду из нее мы достанем».

Желание безземельных крестьян иметь свой участок было так велико, что уже осенью 1907 года из оренбургских менонитских колоний в Сибирь переселилось 22 семьи. Вместе с ними прибыл и землемер Давид Блок, который разметил участки по 2000 десятин на каждое село. Но так как новоселы на новых местах не успели построить себе жилье, они зимовали в Подсоснове, Богатском или в других ранее основанных поселках.

Первым серьезным испытанием для переселенцев была сама дорога, хотя они и пользовались некоторыми льготами. Например, проезд по железной дороге стоил 25% от обычного тарифа, дети до 10 лет ехали бесплатно. Колонисты пользовались также освобождением от налогов в течение первых пяти лет, освобождением от воинской службы первые три года, получали беспроцентную ссуду в 160 рублей на покупку скота, инвентаря и семян.

Количество переселенцев, хлынувших в Сибирь, значительно превышало возможности нормальной перевозки и обеспечения на переселенческих пунктах Челябинска, Омска, Каргата и др. Переселенцы добирались с Украины, Оренбуржья и Самары в Сибирь разными путями. Основная масса ехала по Транссибирской железной дороге до Омска, Барабинска и Каргата, отчасти дальше пароходами по Иртышу до Павлодара. А из Каргата, Барабинска и Павлодара они ехали до выбранных мест на подводах. Приходилось преодолевать большие трудности. Дороги весной и осенью становились почти непроходимыми, телеги садились в грязь по самые оси.

Основной поток немецких переселенцев двинулся в Сибирь в 1908 году. Один поселок за другим появлялись в Кулундин-

ской степи. Уже в конце 1909 года возник вопрос о выделении новых населенных пунктов из Тополинской волости в отдельную волость с центром в Орлове. Жителям Орлова, Дворского, Александровки и Лесного небезынтересно будет узнать основателей их поселков. В Томском государственном архиве сохранились списки первопоселенцев этих деревень. На участке «Безымянный лог» в 1908 году были заложены поселки Орлово, Дворское (Розенгоф), Ясное (Шенау) и Луговое (Фриденсфельд). Первыми в них поселились:

Франц Абраме, Франц Гардер, Франц Шредер, Абрам Кооп, Генрих Бошман, Иоганн Вурмс, Исаак Варкентин, Яков Леткеман, Корней Дик, Вильгельм Ремпель, Исаак Пеннер, Эдуард Гамм, Генрих Валл, Петр Левен, Гергард Бошман, Яков Шредер, Бенямин Унру, Петр Геддерт, Франц Квириг, Абрам Тевс, Франц Дик, Абрам Левен, Мартин Ремпель, Франц Шредер, Исаак Левен, Иоганн Тиссен, Петр Реннпенинг, Гергард Левен, Франц Варкентин, Яков Цахариев, Яков Гибнер, Николай Плетт, Петр Фаст, Петр Рацлаф, Иоганн Дик, Петр Дик, Герман Фризен, Петр Тиссен, Петр Классен, Герман Каздорф, Яков Реннпенинг, Петр Дик, Петр Левен, Яков Левен, Гергард Дик, Гергард Левен, Корней Больд, Петр Паульс, Петр Шульц, Петр Корнельзен, Абрам Янцен, Вильгельм Корнельзен, Генрих Изаак, Франц Фаст, Генрих Дик, Абрам Нейфельд, Яков Петкер, Яков Эннс, Арон Винс, Корней Реймер, Иоганн Винс, Генрих Левен, Абрам Левен, Анна Классен, Генрих Тейхриб, Абрам Варкентин.

Из протокола сельского схода переселенцев села Александровка (участок Складровка), состоявшегося 13 сентября 1909 года, мы узнаем имена первых жителей этого села. Ими были:

Корней Паульс, Вильгельм Пауль, Исаак Дридигер, Абрам Гиберт, Абрам Блок, Франц Гиберт, Франц Нейфельд, Абрам Классен, Дитрих Ниссен, Дитрих Ремпель, Давид Пеннер, Давид Блок, Франц Ниссен, Корней Гизбрехт, Яков Берген, Корней Пеннер, Генрих Браун, Генрих Генрихс, Яков Унгер, Гергард Пеннер, Абрам Гиберт, Антон Левен. В протоколе говорится: «Мы, нижеподписавшиеся, переселенцы, водворенные в селе Александровка Тополинской волости Барнаульского уезда Томской губернии, были сего числа на сельском сходе в присутствии нашего сельского старосты Иоганна Давидовича Унру, имели суждение об образовании самостоятельной Орловской волости и после совещания постановили: при открытии Орловской волости настоящим протоколом ходатайствовать у надлежащего начальства о присоединении нашего села к этой волости с 1 января 1910 года».

Аналогичный протокол от 10 ноября 1909 года имеется и от жителей села Розенвальд (Лесное). Из него можно установить имена первопоселенцев Лесного:

Генрих Тейхриб, Иоганн Фаст, Генрих Рацлаф, Иоганн Генрихс, Иоганн Эверт, Петр Фризен, Петр Янци, Гергард Фаст, Генрих Никель, Яков Фаст, Иоганн Тейхриб, Петр Нейфельд, Яков Ремпель, Петр Фаст, Давид Нахтигал, Петр Гамм, Генрих Левен, Яков Дик, Петр Борн, Дитрих Фризен, Дитрих Ремпель, Бернгард Фаст, Гергард Гамм, Яков Фоот, Арон Реймер, Генрих Левен, Корней Фаст, Петер Берген, Петр Шредер, Петр Больдт, Мартин Август, Гергард Кириш, Петр Фризен, Петр Фаст, Яков Рогальский, Петр Левен, Генрих Дерксен, Иоганн Левен, Яков Левен, Петр Ремпель, Корней Дик, Генрих Дерксен, Иоганн Левен, Яков Левен, Петр Ремпель, Корней Дик, Генрих Дерксен, Генрих Фризен, Генрих Шпенст, Генрих Гиберт, Петр Дирксен, Петр Тевс, Генрих Каздорф, Корней Изаак, Иоганн Винс, Генрих Буллер, Клаас Эннс, Петр Вибе, Яков Берг, Франц Эккерт, Петр Кооп.

Среди первопоселенцев села Шензее (Синеозерное), которое основано в 1908 году, были:

Петр Гардер, Генрих Янцен, Петр Реймер, Петр Лангеман, Яков Дик, Клаас Фризен, Абрам Рихерт, Иоганн Эннс, Яков Регер, Исаак Классен, Гергард Левен, Яков Реймер, Яков Фаст, Иоганн Реймер, Абрам Нейфельд, Петр Вибе, Иоганн Кнелъзен, Петр Дерксен, Иоганн Гемзен, Иоганн Левен, Яков Классен, Иоганн Каздорф, Иоганн Изаак, Давид Уиру, Генрих Квириг.

Первопоселенцы Кулундинской степи не испугались трудностей, мужественно переносили гнетущее безмолвие степи, безводье, частые засухи и длинные суровые зимы. Немецким колонистам принадлежит важная роль в первоначальном освоении обширной территории этой степи. В 1911 году здесь числилось уже 60 немецких населенных пунктов. Но использовать обильные плодородные земли, которые больше всего соблазнили переселенцев покинуть прежнюю родину, оказалось на новом месте нелегко.

О трудностях и лишениях первопоселенцев Кулундинской степи сообщается в журнале «Нива» за 1912 год в посвященной переселенцам статье Г.Аркатова «На новые места»: «Не следует думать, что переселения дело легкое и несложное... Но сегодня на огромном пространстве диких степей кипит героическая работа, идет почти стихийная борьба с нетронутой человеческими руками природой... За неимением жилища переселенцы копают самые примитивные землянки, покрывают их сверху соломой или хворостом и

пластами. В таких землянках живут иные семьи целыми месяцами. Неприветливой казалась степь новоселам. Зимой безбрежное снежное море прошито лишь редкими стежками звериных следов. Весной степь вспыхивает на некоторое время яркими цветами разнотравья, звонким пением жаворонка, а потом краски тускнеют и чахнут и степь становится унылой, пепельно-серой от ковыля».

Целинная земля требовала большого труда и держала крестьянина постоянно в напряжении. Чтобы получить подходящий урожай, надо было отдать земле все силы, все умение. Чего стоила новоселам только добыча пресной воды! Ее приходилось поднимать из шахтных колодцев глубиной от 8 до 30 метров ручным воротом или конным приводом. Правда, переселенческое ведомство Барнаульского уезда заблаговременно позаботилось о том, чтобы в каждом новом поселении был сооружен хотя бы один казенный колодец. При переписи 1911 года в 79 населенных пунктах Кулундинской степи оказалось уже 174 казенных и 1264 частных колодцев. В Орлове казенный колодец с конным приводом для подъема воды находился посреди села (примерно на том месте, где сегодня цветочная клумба, — у памятника В.И.Ленину).

Что помнят старожилы Орлова, Александровки, Лесного и других сел? Старейшая учительница Орлова Юстина Ивановна Варкентин, вдова бывшего председателя колхоза имени К.Либкнехта в Луговом, рассказывает: «Мои родители (семья Кампен) приехали в Сибирь из Ново-Хортицы Екатеринбургской губернии. Я была еще ребенком, но по рассказам матери я помню, что с Украины мы ехали поездом до станции Каргат. Ехали в телячьих вагонах с большой группой переселенцев. Некоторые везли с собой лошадей, инвентарь, мебель. Другие приобрели эти вещи в Каргате за деньги. Мои родители наняли русских возчиков, чтобы отправиться на отведенное место поселения. Было лето, проехав верст 50, обоз остановился на ночлег, а утром поехал дальше в сторону Кулундинской степи.

Родители вспоминают, что ехали проселочными дорогами по целинной степи, поросшей разными травами, полевыми цветами и земляникой. Изредка попадались березовые колки. После дождя дорога раскисала, телеги нередко проваливались в грязь по самые оси. До избранного места добрались за шесть дней. Обосновались в поселке Чертеж (Грюнфельд). Поселка по существу еще не было. Поселенцы жили в фургонах, палатках и землянках.

Сразу по прибытии на место поселения родители принялись строить жилище. Строительных материалов не было. Крестьяне-первопоселенцы общими силами нарезали однолемешным плугом на целине пласты, из которых и возводили стены жилых домов. Лес на перекрытия и деревянные части строений поселенцы брали по сходной цене у казахов в сосновом бору, за 150—200 верст. Такие хаты переселенцев выглядели намного скромнее, чем их дома в старых колониях на юге».

Понятно, что первоначально поселки из таких домов были малопривлекательными и походили на цыганские таборы, как пишет Гергард Фаст в своей книге «В степях Сибири». Жилые дома и надворные постройки из пластов были весьма примитивными. Стены делались невысокими, но толстыми, до полуметра и больше. Окна в них были маленькими, крыши делались плоскими из тех же пластов, уложенных на жердях. Сверху и снизу перекрытия обмазывались глиной, полы были земляными. Но дома были теплыми и обходились новоселам недорого. У многих поселенцев они простояли 25—30 лет. Со временем в немецких поселках появились дома из самана и сырого кирпича с остроконечными крышами из камыша, теса, кровельного железа.

В первые годы поселения новоселам жилось нелегко, многие терпели нужду. Юстина Ивановна Варкентин помнит, что отец в первый год поселения сообща с другими новоселами однолемешным плугом вспахал участок целины. Весной 1909 года этот участок засеял пшеницей, которую взял взаймы у русского крестьянина в Старобогатском. Осенью собрал урожай по 100 пудов с десятины. Пшеницу убирали лобогрейкой и обмолачивали молотильным камнем. Сообща поднимали целину и другие крестьяне. Но хлеб приходилось везти продавать в Камень-на-Оби или в Павлодар. А цены были очень низкими, пуд пшеницы стоил тогда 25—30 копеек, фунт сливочного масла — 15 копеек.

Из сборника «Статистические сведения об экономическом положении переселенцев в Томской губернии» (Выпуск 1, 1913 год) мы узнаем, что новоселы Кулундинской степи сталкивались с большими экономическими трудностями. Частые засухи, проблемы со сбытом зерна и других сельскохозяйственных продуктов мешали крестьянским хозяйствам стать на ноги. Зимняя стужа и снежные бураны загоняли людей в хаты, которые отапливались соломой и кизяком.

Первопоселенцы степных поселков долгое время оставались без медицинской помощи. Нередко среди населения

вспыхивали инфекционные болезни — тиф, оспа, скарлатина, дизентерия, которые уносили жизни детей и взрослых. Туберкулез легких и аппендицит оканчивались из-за отсутствия медицинской помощи только смертью.

Но несмотря на целый ряд трудностей немецкие поселки в Кулундинской степи за три года в основном были построены. Свободные земли этой степи привлекали все больше переселенцев из европейской части России. Инспекторская комиссия из губернского управления, осмотревшая ряд поселений в 1911 году, отмечала: «У немцев мы видели лучший скот, лучшие урожаи, лучшее сено. У них свои инструктора полеводства, огородничества, скотоводства. Их грамотность позволяет осмысленно ориентироваться в новых условиях. Они изучают окружающие условия, делают опыты с возделыванием разных злаков и овощей. При неудачах не жалуются на климат, а выясняют причины неудач. Почти во всех немецких поселках есть отстроенные за общественный счет школы... На средства общины содержатся также учителя, фельдшеры и повивальные бабки...»

Крестьяне Орлова, Александровки, Лесного, Дворского и других сел возделывали пшеницу, овес, ячмень, картофель и огородные культуры. Они производили также молоко, мясо, масло. В отдельные годы были неплохие урожаи — по 100 и более пудов (16 ц) зерновых с десятины. Но нередко были и засушливые годы, когда урожаем составлял 12—18 пудов с десятины (2—3 ц).

В полеводстве немецкие крестьяне вели тогда четырехпольный севооборот. Первые два года возделывалась пшеница, на третьем году — овес и ячмень, потом поле оставалось паровым. Возделывались только яровые культуры. Навозом удобрялись лишь огороды. Основная масса перегнившего навоза перерабатывалась на кизяк — топливо для крестьянских жилищ. Дров и угля в деревнях тогда не было. Весенне-полевые работы крестьяне начинали в апреле — мае, уборку — в августе. Уборка зерновых тянулась до поздней осени, иногда и до зимы. Зерновые косили жнейками, иногда и сноповязалками. Молотилок было недостаточно, многие крестьяне обмолачивали хлеб молотильными камнями. Чистили и сортировали зерно ручными ситами и веялками-сортировками. Во многих селах работали ветряные мельницы, которые обеспечивали новоселов мукой грубого помола. А когда в 1912 году в Гальбштадте заработала большая паровая мельница Абрама Тярта, жители окрестных сел получили высокортную муку-сеянку. Уже после

Октябрьской революции Яков Мартене построил и в Александровке паровую мельницу, которая работает и по сей день. Почти во всех селах работали столярные и кузнечные мастерские.

У менонитов землевладение было подворным. Они свои участки разделили на равные доли по числу дворов, независимо от количества наделных душ. На один двор (домохозяина) приходилось по 50 десятин земли. Трудолюбия и усердия немецким поселенцам было не занимать. Первые 10—15 лет они в основном занимались земледелием. Быстро росла обеспеченность поселенцев рабочим скотом, что позволяло большинству крестьян обрабатывать свои поля собственными силами. Лишь в двадцатые годы немецкие крестьяне переключились на производство и продажу сливочного масла, что оказалось значительно рентабельнее, нежели производство зерна.

Правили тогда в деревнях сельские старосты и руководители религиозных общин. По воскресеньям сельчане собирались на богослужение, в первые годы — в частных домах, потом в отстроенных школах и молитвенных домах. Общее руководство всеми делами поселений находилось в руках Якова Абрамовича Реймера из села Синеозерное (Шензее). С именем этого человека, бывшего старосты из Заградовки, связано основание менонитских поселений в Кулундинской степи и как таковое успешное их развитие до 1916 года.

В 1909 году еще не все новоселы-менониты стали крепко на ноги, но уже после уборки урожая того года они решили провести традиционный праздник урожая — эрнтданкфест. Об этом пишет учитель Гергард Фаст в своей книге «В степях Сибири». Провести этот праздник было намечено в Орлове. На северо-восточной окраине села была поставлена огромная палатка, недалеко от нее установили десять 6—8-ведерных котлов. Внутри палатки стояли столы и скамейки. Стены и потолок были украшены зелеными ветками. 1 сентября 1909 года с утра из всех менонитских деревень начали съезжаться гости. Погода стояла отличная. С 10 часов утра началось праздничное богослужение. Из Слав города для участия в торжестве прибыла группа чиновников переселенческого управления. Затем начался обед, который продлился до самого вечера, так как палатка вмещала только часть участников праздника и за столы садились в несколько смен.

ОРЛОВСКАЯ ВОЛОСТЬ

Воспользовавшись присутствием на празднике начальства из переселенческого управления, Яков Абрамович Реймер высказал просьбу о выделении менонитских поселков в особую волость с центром в Орлове. Вопрос об открытии Орловской волости обсуждался осенью 1909 года на сельских сходах во всех поселках. Протоколы сельских сходов поступили в переселенческое управление Томской губернии, где они хранятся и по сей день. Приводим содержание лишь одного такого протокола:

«Протокол сельского схода Орловского сельского общества, 1909 года, ноября 9-го дня.

Мы, нижеподписавшиеся, переселенцы, водворенные на казенном участке Безымянный Лог Тополинской волости Барнаульского уезда Томской губернии, были сего числа на сельском сходе в числе 69 человек в присутствии нашего сельского старосты Исбрандта Ароновича Ремпеля и имели суждение об образовании самостоятельной Орловской волости и после совещания постановили: При открытии Орловской волости настоящим протоколом ходатайствовать у надлежащего начальства о присоединении нашего поселка Орлове к этой волости с 1 января 1910 года». И далее следуют подписи 69 участников схода.

Орловская волость была образована 1 января 1910 года из 21 поселенческого участка Тополинской и 5 поселенческих участков Александровской волостей. Первое время Орловское волостное управление находилось во временном жилом помещении. Волостным старшиной был избран Яков Абрамович Реймер, который имел за плечами уже 12-летний опыт такой работы в Орлово-Заградовской менонитской волости Херсонской губернии на Украине. Поэтому он и взялся за эту работу несмотря на свой преклонный возраст. Волостным писарем работал Петр Яковлевич Ренпенинг, который до переселения в Сибирь работал учителем в Заградовке на Украине. Помощником писаря был Иван Иванович Левен.

Все важные вопросы развития поселений решались на волостном сходе, где представителями от каждого села были сельские старосты. Должности эти были выборными, старосты избирались на три года. Спорные вопросы и конфликты решались в волостном суде (хотя конфликтов было очень мало). К осени 1910 года было закончено строительство

нового здания Орловского волостного управления. В этом здании была отведена комната с железными решетками на окнах для карцера. Первым человеком, подвергшимся аресту, был некий Вольф. И эта комната получила название «Вольфсloch» («Волчья нора»). Волостным судьей был Андреас Зиберт из села Красное (Клеефельд).

Летом 1910 года в Орловское волостное управление пришло известие о возможном посещении волости тогдашним премьер-министром царской России Столыпиным. Потом срок визита был уточнен — 29 августа 1910 года. К этому времени строительство здания волостного правления было закончено. Для встречи премьер-министра в Орлове собралось много переселенцев. Через некоторое время на улице села Орлово появилась вереница рессорных экипажей, она подъехала к зданию волостного управления, где высокого гостя встретили хлебом-солью. Яков Абрамович Реймер пригласил главу царского правительства Петра Аркадьевича Столыпина в большую комнату управления, где его встречали представители всех деревень. Приветственную речь произнес местный проповедник П.Я.Вибе. Потом премьер-министр выразил в своей речи восхищение по поводу успешного развития менонитских колоний за столь короткий промежуток времени — с 1907 года.

Проехав по поселениям, премьер-министр кое-где останавливался, и новоселы имели возможность заявить ему о своих нуждах и пожеланиях. Пользуясь случаем, Яков Абрамович Реймер высказал Столыпину ряд просьб: оказать волости помощь в строительстве больницы и почтового отделения. А когда волостной старшина высказал просьбу о строительстве железной дороги от станции Татарская до Славгорода, то глава правительства ответил: «Это уже не просьба, а просьбища, но посмотрим».

Столыпин помог Орловской волости. Уже в 1911 году в Орлове за казенный счет были построены здания больницы и почтового отделения. Железная дорога Татарская — Славгород была проложена в годы первой мировой войны, когда Столыпина уже не было в живых. Он был убит в Киеве в 1911 году.

По инициативе волостного старшины Я.А.Реймера на усадьбе волостного управления в 1912 году был воздвигнут памятник в честь посещения Столыпиным села Орлово. Об этом мы читаем в книге В.П.Вошинина «На Сибирском просторе», изданной в 1912 году: «На северо-восточном въезде деревни Орлово стоит гранитный памятник, увенчанный позолоченным двуглавым орлом и огороженный чугунной решеткой. Кругом цветник, чисто посыпанные песком

дорожки, а на постаменте плита с надписью: «1910 года 29 августа. В память господину Председателю Совета Министров П.А.Столыпину и Главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В.Кривошеину, посетившим Орловскую волость. На сем месте были встречены с хлебом и солью Дорогие гости Волостным Старшиной Я.А.Реймером с тысячами переселенцев»».

И далее автор пишет: «В этой надписи, отредактированной и придуманной самим Реймером, в самом факте установки памятника и в рассказах орловцев о проезде Столыпина три года назад, много трогательного и достойного внимания».

К сожалению, памятник выдающемуся государственному деятелю и реформатору России А.П.Столыпину в Орлове не сохранился.

В 1918 году большевиками памятник был разрушен. Гранитные глыбы от него еще долго валялись во дворе бывшего Орловского волостного правления. Потом организаторы советской власти в Кулундинской степи повезли эти глыбы в село Усть-Суетку и воздвигли из них памятник партизанам, погибшим в гражданской войне. Первоначальная надпись на обелиске была срублена так небрежно, что кое-что от нее можно расшифровать еще и сегодня. Но на этом мытарства обелиска не закончились. В 1967 году его перевезли в районный центр Суетку, сделали из него памятник в честь 50-летия Великого Октября. А затем, по настоянию жителей Усть-Суетки, вернули на братскую могилу партизан. Тем временем это село стало «неперспективным» и уже не существует, а заброшенный памятник зарос бурьяном.

Но вернемся еще раз к деятельности волостного старшины Я.А.Реймера и предоставим слово русскому публицисту В.П.Вошнину, который летом 1912 года путешествовал по сибирским просторам. Вот как он описывает свои впечатления о поездке по селам Орловской волости: «Я еду от Славгорода по направлению к Камню-на-Оби... Смена лошадей в Подсоснове, новой волости, где подумывают об устройстве за свой счет школы и больницы... В степи было полное раздолье волкам, лисицам и другим диким животным. Степь и березовые колки кишели разной пушной и пернатой дичью... Кончилась Подсосновская волость. Неизменная картина и в смежной Орловской волости. Эта волость управляется знаменитым на всю округу старшиной Реймером, именитым менонитом, известным еще в Екатеринославской губернии. Задумав переселиться в Кулундинскую степь, земляки упростили и Реймера двинуться с ними, и вот он здесь,

непоколебимый всеобщий авторитет, едва ли не абсолютная глава и власть не только менонитов, но и русских, украинцев, поляков, заселяющих территорию волости.

Если здесь, на севере Кулундинской степи, царит удивительный порядок, если здесь поражает взор обеспеченность и довольство жителей, то в Орлове все это доходит до пределов образцовости. Чистота и порядок в поселках! Четыре года, не более, как вступила сюда нога человеческая, а побывать в хате да посмотреть полный орудиями и инвентарем двор иного хозяина — так кажется, будто десятки лет создавалось все это.

Здесь, в текущем году (1912 г.), при населении в 6 тысяч душ обоего пола и при наделе по волости в 50 тысяч десятин, при двух тысячах неудобий, засеяно одной лишь пшеницей 16 797 десятин, не считая овса, ячменя и картофеля. Это разве не успех на четвертом году обживания! Орловцы уже успели беззаветно полюбить свою новую землю. В селе работают почта, больница, растут жилые и служебные здания, открыты лавки Абрамса и Дика, где можно купить одежду, обувь, мануфактуру, предметы домашнего обихода, сахар, конфеты, мыло и др. Для придания большей торжественности духовным песнопениям Реймер создал духовой оркестр из молодых парней. Но ищут капельмейстера за 100 рублей в месяц, и не могут найти. Да и кто поедет в безвестную глушь! А дайте поблизости железную дорогу, орловцы поставили бы рекорд хлебного экспорта.

Чистое, вместительное волостное управление в конце Орлова с кабинетом для старшины Реймера. А на сходах у него все парламентские обычаи в отношении ведения прений, голосования и прочего. Все держатся с огромным достоинством — ни шуму, ни ругани, ни безобразных выходок. Оттого и дружно осуществляются всякие общественные мероприятия, оттого и царит здесь культ чести, порядка и труда. И еще верст 20 тянется земля Орловской волости, а затем вновь резкий переход: начинает уныло тянуться пустая «поскотина», посевы на вид неизмеримо бледнее и хуже».

Из других заслуг Реймера следует упомянуть о создании в 1913 году Исиль-Кульской казармы (под Омском), где военнообязанные менониты проходили службу в лесных командах. Когда началась первая мировая война, Я.А.Реймер осенью 1914 года лично сопровождал большую группу мобилизованных менонитов (200 человек) до самого Томска и оставался там до тех пор, пока не убедился, что все эти резервисты были устроены в командах лесного ведомства. Реймеру стоило больших усилий организовать там предсус-

мотренные уставом условия проживания и службы мобилизованных. Кто бы так позаботился о мобилизованных немецких трудармейцах в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов!

По возвращении из Томска в Орлово Реймера ожидал тяжелый удар: за время его отсутствия с помощью уездного начальства из Славгорода в Орлове был проведен волостной сход, на котором противники Реймера взяли верх и сняли его с поста волостного старшины. На место Реймера был избран Абрам Кооп из Орлова. Почему такое могло произойти и кто были противниками столь авторитетного в волости человека? Известно, что в процессе своего руководства волостью Реймер порой решительно вторгался в дела религиозных общин. Реймер был строгим и требовательным руководителем. Нерадивого поселенца, у которого усадьба или участок заросли бурьяном или двор был неухоженным, волостной старшина мог и строго призвать к порядку. Кроме того, многодетные отцы настаивали на разделе земли из расчета 15 десятин на мужскую душу, а Реймер эти попытки пресекал и усматривал в них угрозу сложившейся в менонитских колониях системе ведения хозяйства. Видимо, эти обстоятельства и послужили причиной недовольства определенной части поселенцев действиями Реймера.

Попытки Реймера оспаривать решение волостного схода были безуспешными. Он поселился у своего сына Абрама в Шензее и стал жить замкнуто. Недалеко от него жил его слепой сын Яков, дети и внуки которого потом переехали жить в Орлово. Летом 1917 года Яков Абрамович Реймер умер в возрасте 70 лет и был похоронен в Синеозерном. Как пишет бывший учитель Г.Фаст в своей книге «В степях Сибири», у гроба и могилы Реймера ему воздали должное в своих речах старосты и проповедники менонитских общин Корней Винс, Корней Гардер, Петр Эпп и Петр Янцен.

Орловская волость по своей территории была довольно большой, чем затруднялось сообщение между отдаленными поселками и волостным центром. В этих условиях уездное и губернское управление решили в 1917 году разукрупнить ее, выделив поселки Гальбштадт, Кусак, Шумановку, Каратал, Хортицу, Марковку, Степное и Анновку во вновь образованную Хортицкую волость. Старшиной этой волости стал Яков Никель из Степного, писарем — Иван Левен из Орлова. Кроме Орловской и Хортицкой, в Славгородском уезде были созданы еще две немецкие волости — Подсосновская и Новоромановская. В местах компактного проживания российские немцы

всегда стремились создавать свое самостоятельное местное самоуправление. Анализ исторических материалов показывает, что главным фактором, позволяющим немцам сохранить и развивать национальную самобытность в России, являлось их местное самоуправление, которое всегда заботилось о сохранении культуры, языка и религии своего народа. Там, где этот принцип нарушался, происходила русификация и ассимиляция немцев.

Немецкие переселенцы в Сибири не восприняли русское крестьянское жилище, а выработали свой собственный тип жилища, сочетая национальные традиции с имевшимися в степи строительными материалами. Как правило, в постройках немецких поселенцев под одной крышей были объединены все помещения: жилые комнаты, кухня, кладовка, конюшня и хлев для скота, сенник и сени с колодцем. Таким образом, они имели возможность и в зимнюю непогоду ухаживать за скотом и выполнять другие работы под крышей.

Улицы в немецких деревнях были широкими и прямыми. Германский ученый Гельмут Ангер, совершивший летом 1926 года поездку по немецким поселениям Сибири, описывает тогдашнюю деревню так: «Менонитские деревни в Сибири все похожи между собой как две капли воды. Еще издали их можно было отличить от лютеранских или русских деревень. Во-первых, все менонитские поселки обильно озеленены многими рядами деревьев, из-за которых почти не видны дома и постройки. И это импонирует путешественнику в голой Кулундинской степи. Кроме того, менонитские дома отличаются от домов немецких лютеран и католиков размерами и качеством постройки. На всех усадьбах менонитов имеются сады, ягодники, огороды с овощами и цветами...»

В «Алтайском сборнике» за 1927 года очеркист П.Казанский описывает менонитские деревни Глядень того времени (Благовещенского района): «Между тополями поразительно однообразного вида постройки. Все они очень низкие с очень пологими двухскатными крышами. Глинобитный потолок служит одновременно крышей такой хаты. Стены домов непременно выбелены и у земли обведены широкой серой полосой. К улице дома обращены узким фасадом, но в глубину усадьбы очень длинные. А в домах все по-другому: нет русских печей, иначе все построено и обставлено оригинальной мебелью — сундуками, шкафами. В комнатах стоят деревянные раздвижные кровати (шлафбанк), которые днем закрываются крышками и служат сиденьями. Внутри таких ящиков-кроватьей вместо матрацев лежит солома, на которой стелятся и спят

вповалку и взрослые и дети».

Многие крестьяне бедствовали. Жили в хатах из пластов или самана с земляным полом, утрамбованным и смазанным сверху глиняным раствором и посыпанным по субботам свежим песком. Хаты имели маленькие и глубокие окна. Комнаты вечером освещались керосиновыми 3- и 5-линейными лампами, редко 10-линейными. Питались в основном серым хлебом, только по субботам и праздникам пекли сдобные булочки. Не все крестьяне держали свиней. Одежда бедных состояла из грубого домотканого полотна. Многие ходили в латаной одежде, на ногах у них были деревянные башмаки (шлере).

Но, как известно, в сибирские степи переселилась не только крестьянская беднота, но и состоятельные крестьяне и предприниматели. У них были деньги на приобретение строительных материалов, строили они дома из самана и кирпича с двухскатными крышами, покрытыми тесом и кровельным железом (см. фотографии домов Ф.Дика и И.Абрамса в Орлове). В немецких деревнях происходило заметное расслоение на бедняцкие, середняцкие и зажиточные хозяйства. Каждый полный хозяин-фермер стремился приумножить свое богатство и улучшить благосостояние, в некоторых состоятельных хозяйствах работали батраки по найму.

В исторической литературе экономический строй дореволюционной немецкой деревни Сибири характеризуется как капиталистический с преобладанием крестьянской частной собственности на землю со сравнительно неплохо механизированным хуторским и отрубным земледелием и племенным животноводством.

«Немецкие переселенцы Сибири стремились улучшить породу домашнего скота, для чего привезли производителей и чистопородный скот с Украины. Вскоре молочное хозяйство стало давать им значительный доход. Молоко они сдавали по книжкам и в уплату за молоко брали товары: керосин, сахар, ситец, гвозди, оконное стекло и т.д.», — говорится в «Сборнике статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии за 1913 год». А в Сибирской Энциклопедии (том II, стр. 1060) сказано: «Отрубные землевладения немцев-менонитов значительно повышали эффективность ведения хозяйства, позволяли использовать улучшенные приемы агротехники (зябь и пары), более современную сельскохозяйственную технику. Немцы имели также улучшенную породу крупного рогатого скота, так называемых красно-немецких коров, вывезенных ими с Запада».

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Где бы ни селились менониты, одной из первых их забот была школа. Школьное здание, уровень преподавания всегда свидетельствовали об уровне жизни общины в целом. Отсутствие школы в селе считалось выражением его бедности. Почти во всех населенных пунктах с первых лет их основания были построены школьные здания. Там, где новоселы не успели соорудить школу, занятия проводились в жилых комнатах крестьян. Если не хватало учителей, занятия проводили грамотные крестьяне. Школа и учитель содержались в каждом селе за счет общины. Годовой оклад сельского учителя составлял тогда 300 рублей. Школы строились общими усилиями и обычно посреди села, чтобы ученикам было поближе добираться до них. Мальчики обучались с 7 до 14 лет, девочки — на год-два меньше. Школьными предметами были: немецкий язык, русский язык, письмо, математика, Закон божий и пение. Школьные занятия официально начинались с 1 сентября и заканчивались 1 мая, но часто это менялось в зависимости от срока полевых работ.

В Орловской волости работал школьный совет, который возглавлял Петр Яковлевич Вибе из Орлова. Он был опытным педагогом, так как многие годы учительствовал еще в Заградовке на Украине. В обязанности школьного совета входили контроль за работой школ и регулярное посещение уроков. Два раза в месяц проводились открытые уроки. Учителя съезжались к одному из коллег и присутствовали на его занятиях, после чего они обсуждались. Дважды в году проводились учительские конференции, куда съезжались все учителя волости. Председатель школьного совета П.Я.Вибе позаботился и о том, чтобы все школы были укомплектованы учителями с педагогическим образованием, которые приглашались из Самарской, Оренбургской и Екатеринославской губерний.

Чиновники государственных учреждений и не подозревали о такой хорошей постановке школьного образования в Орловской волости. Школьный инспектор из Барнаула, который посетил волость во время первой мировой войны, был приятно удивлен, обнаружив здесь свыше 50 школ, о кото-

рых в губернском управлении ничего не знали. Посетив на выбор несколько школ, он убедился в высоком уровне проведения занятий в этих школах. К сказанному необходимо добавить, что школьным советом совместно с учителями была создана библиотека с методической, педагогической и художественной литературой для общего пользования. В 1917 году в Орлове была открыта школа второй ступени (наподобие нынешней 8-летней школы), где работали известные учителя Я.Ремпель, Г.Вильмо, отец, сын и дочь Модины. В годы войны и революции немецкие школы пришли в упадок. Часть учителей была мобилизована, исчезли тетради и книги. Дело доходило до того, что учились по написанным от руки букварям, писали на старых газетах и грифельных досках.

ОКтябрьская революция и Гражданская война

Когда в августе 1914 года разразилась первая мировая война, все военнообязанные мужчины были мобилизованы в царскую армию. Мобилизованные немцы служили на турецком фронте, а менониты — в санитарных частях, на фортификационных работах и лесозаготовках. В поселках у крестьян были реквизированы для армии лучшие лошади с упряжью, седлами и повозками. Жизнь крестьян заметно ухудшилась, сократилось производство зерна и других продуктов сельского хозяйства. Война обрушилась тяжелым бременем на еще не окрепшие поселения Кулундинской степи.

Тем временем в России надвигались революционные события 1917 года. О февральской революции и свержении царя Николая II жители сел Орловской волости узнали от солдат, вернувшихся с войны. Стало также известно, что Временное правительство Керенского решило продолжать войну с Германией, а это вызвало недовольство у народа. Осенью 1917 года до жителей немецких деревень дошло также известие, что кое-где в России создается новая власть Советов. В уездный центр Славгород поступила телеграмма из Петрограда о победе Октябрьской революции. Газета «Известия» Славгородского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов за 28 октября 1917 года об этом писала так: «На днях в Петрограде совершился великий политический переворот... Временное правительство Керенского свергнуто, и верховная власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который и выделил из своего состава Революционный комитет...»

Крестьяне Орловской волости были далеки от революционных событий в центре России и безразлично восприняли весть о свержении царя и смене правительства. Так пишет пенсионер, бывший житель села Хортица Немецкого района Петр Петрович Реймер в своей книжке «Соратники», изданной в Алма-Ате в 1977 году. В немецких селах в 1917 году среди крестьян шли лишь пересуды о том, снимать со стен портрет царя Николая II или нет.

В Славгороде и в поселках уезда советская власть устано-

вилась лишь в начале 1918 года. Членам Славгородской большевистской организации потребовалось для этого более трех месяцев. С 25 февраля по 8 марта 1918 года в Славгороде проходил первый уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. И лишь после этого съезда во всех селах уезда установилась советская власть.

Однако вскоре в результате контрреволюционных белогвардейских и белочешских мятежей советская власть была свергнута в Омске, Николаевске, Барнауле, Славгороде и по всей Сибири. Началась гражданская война, которая распространилась по всей Сибири и принесла народу неисчислимые бедствия.

Поселки Орловской и других волостей Славгородского уезда с осени 1918 года находились то под властью красных, то под властью белых. Бывший учитель Г.Фаст вспоминает: «Через наши деревни шли то белые, то красные. И все они реквизировали у крестьян лошадей, скот, повозки, теплые вещи, копчености. Взрослые и дети прятались, когда в селах появлялись войска».

16 августа 1918 года адмирал Колчак издал приказ о мобилизации молодежи в Белую Армию. Крестьяне многих сибирских сел отказались посылать в колчаковскую армию новобранцев, выплачивать военные налоги, отдавать лошадей. Но тем не менее мобилизация была проведена. Среди мобилизованных в колчаковскую армию были и крестьянские парни 1899, 1900 и 1901 годов рождения из Орлова, Синеозерного, Александровки, Дворского и других сел. Известно, что многие скрывались от мобилизации или потом сбежали из армии Колчака.

Наиболее решительное сопротивление мобилизации мужчин в колчаковскую армию оказали крестьяне села Черный дол (6 км северо-восточнее Славгорода). 1—2 сентября 1918 года произошло Чернодольское восстание крестьян, в результате которого белогвардейцы были изгнаны из Славгорода и была восстановлена советская власть. Белогвардейское правительство Колчака поспешило направить в Славгород карательный отряд атамана Анненкова, и тот жестоко подавил восстание крестьян, в котором участвовали и колонисты из Подсоснова и Марьяновки.

В ответ на злодеяния анненковцев во всем крае развернулась партизанская война. К осени 1919 года боевые части Красной Армии освободили Омск от колчаковцев и все ближе

подходили к Славгороду. Белые бежали, и 18 ноября отряд Красной Армии и партизанский отряд С.Толстых соединились и вступили в Славгород. В городе и во всем уезде вновь установилась советская власть.

Об одном эпизоде тех беспокойных лет пишет учитель Г.Фаст: «Во время карательного рейда атамана Анненкова по селам Славгородского уезда писаря Орловской волости Петра Реннпенинга, как и остальных волостных писарей, вызвали к начальству белых в Славгороде. По возвращении оттуда его спросили в волостном управлении о причинах его вызова. Реннпенинг ответил коротко: «С нас взяли расписку нашей кровью, что в наших волостях нет коммунистов» — имелись в виду прежде всего участники Чернодольского восстания.

Годы первой мировой войны, колчаковщина, гражданская война, «военный коммунизм» и насильственная продразверстка подорвали благосостояние крестьян сибирских сел. Их хозяйства пришли в упадок.

Старейшая жительница Орлова Сюзанна Больдт (1905 года рождения) рассказывает о бедственном положении крестьян немецких сел того времени: «После гражданской войны в деревнях свирепствовали тиф и оспа, занесенные проезжими людьми. Сельчане обносились: не было белья и другой одежды. Многие семьи обовшивели, шла настоящая борьба со вшами. Если в каком-нибудь доме вспыхивала эпидемия тифа или оспы, то хозяева этого дома вывешивали черный флаг, дабы не заразить других людей. Для пошива одежды использовались грубые мешки и выделанные шкуры домашних животных. Некоторые крестьяне начали выращивать лен и из него на самодельных ручных станках ткали полотно для пошива одежды. Мыло варили тогда сами из отходов при убое скота. За медицинской помощью крестьяне обращались в Орловскую больницу. Роды у беременных женщин принимала акушерка-повитуха Гербрандт из села Дягилевка. Эта неутомимая женщина днем и ночью в любую погоду приезжала на помощь роженицам в селах Орловской волости.

Крестьяне бедствовали и страдали еще и оттого, что у них отбирали хлеб и другие продукты. Прототряды насильно отбирали все, не оставляя крестьянам даже хлеба на пропитание. Брали все в долг или за бумажные деньги, которые ничего не стоили. В 1922 году один метр сатина стоил 2 миллиона рублей».

Усилия советской власти и уездного комитета РКП(б) по требованию центрального правительства и Сибирского революционного комитета были направлены на организацию заготовки хлеба и продовольствия для государства. Это был период «военного коммунизма». Были созданы продовольственные отряды для заготовки хлеба. Хлеб и скот забирали у крестьян без всякого вознаграждения за него. Действия продотрядов наталкивались на сопротивление крестьян, которые укрывали запасы хлеба. Лихие продотряды рыскали по всем селам и отбирали зерно и скот у крестьян.

Государственная продразверстка привела к тому, что крестьяне начали сокращать посевы. Они скрывали размеры посевов и считали, что долю от малого отдавать не так жалко, как отдавать часть от большого. Поэтому и сокращали посевные площади. Тем не менее продолжалась заготовка хлеба и доставка на железнодорожную станцию Славгород для отправки его голодающему населению Петрограда, Москвы и других городов Центральной России.

К весне 1920 года Славгородский уездный продком заготовил и отправил около одного миллиона пудов хлеба, частично из зерна прежних урожаев.

Но, как пишет Гергард Фаст, в Славгороде не было надлежащих помещений и складов для хранения заготовленного зерна и мяса. Доставленные в город в счет разверстки хлеб и мясо лежали под открытым небом, продукты портились и растаскивались голодными людьми и бродячими собаками. Железная дорога не в состоянии была своевременно отправлять это продовольствие в центр страны. Видя это, крестьяне и вовсе отказывались сдавать свои продукты.

В марте 1921 года В.И. Ленин заявил, что сложившаяся в годы гражданской войны система продразверстки исчерпала себя. «Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет...», — сказал он на X съезде РКП(б), который принял решение о замене продразверстки натуральным продналогом, позволяющим крестьянину иметь излишки сельхозпродуктов и свободно ими распоряжаться. Продналог отныне взимался с крестьянских хозяйств с учетом местных условий и зажиточности. Это был первый акт НЭПа.

НЭП И КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

После прекращения продразверстки в селах Славгородского уезда постепенно налаживалась жизнь, начались первые социалистические преобразования. При уездном комитете с начала 20-х годов работала Немецкая секция РКП(б). Барнаульский историк Л.В.Малиновский обнаружил в Центральном архиве института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС документы, письма и доклады работников Немецкой секции Славгородского Укома.

В одном из писем секретаря секции Эмиля Фридриха сообщается, что в Славгородском уезде проживает около 40 тысяч немецких колонистов, он просил выслать для них газеты и книги на немецком языке. Эта секция была первой коммунистической организацией, которая вела агитационную работу среди немецкого населения уезда.

Немецкая секция состояла из грамотных коммунистов, бывших германских военнопленных, оставшихся в России и перешедших в годы гражданской войны на сторону красных. Такая же Немецкая секция работала и при Сибирском бюро РКП(б) в Омске (с 1917 по 1925 год Славгородский уезд относился к Омской губернии). Работники этих секций выезжали в немецкие села Сибири и вели среди крестьян разъяснительную работу. Они открывали избы-читальни и красные уголки, распространяли литературу на немецком и русском языках. С начала 1923 года в Омске для немецкого населения Сибири начала выходить газета «Ландман» («Земледелец»), орган Немецкой секции при Омском губкоме РКП(б). Подшивки этой газеты за 20—30-е годы хранятся в архивах Новосибирска и Томска, еще ранее в Омске издавались газеты «Вельтреволюцион» и «Дорфрат».

19 марта 1923 года газета «Ландман» сообщила, что в школе села Хортица состоялась конференция уполномоченных представителей немецких сел Славгородского уезда, созванная Немецкой секцией. Работники этой секции тт. Фриц и Гекель выступили перед собравшимися с докладами «О кровавом воскресеньи 1905 года в Петербурге» и «О сельскохозяйственной кооперации». Газета регулярно сообщала о культурно-массовых мероприятиях в немецких

селах округа, об открытии курсов для подготовки немецких учителей в Омске, о выборах комитетов крестьянской бедноты, о работе вновь избранных сельских Советов. 28 марта 1924 года газета писала об интересном вечере в школе села Орлово, подготовленном под руководством учителя Я.Ремпеля. Сельская молодежь показала жителям постановку, хор исполнил немецкие народные песни.

В 1923 году в селах уезда состоялись первые выборы сельских Советов и крестьянских комитетов (кресткомов). Эти комитеты организовывали взаимопомощь крестьян при стихийных бедствиях, помогали людям, впавшим в нужду, осуществляли контроль за правильным делением угодий и т.д. Это были первые шаги новой общественной жизни крестьян.

Двадцатые годы выдались в Кулундинской степи неурожайными. Газета «Ландман» сообщает, что с 1910 по 1920 годы средняя урожайность полей Славгородского уезда составляла 40—50 пудов зерна с десятины, за пятилетие с 1920 по 1924 годы — 14 пудов, а в 1924 году — всего 8 пудов с десятины. Хлебных запасов у крестьян не было, так как их сгребли продотряды во время «военного коммунизма» и насильственной продразверстки. В сибирских деревнях начался голод.

В девятом номере газеты «Ландман» за 1924 год помещена корреспонденция о голоде в Славгородском уезде. Корреспондент Вейде пишет: «Проезжая по немецким селам уезда, я всюду видел голодных и безутешных людей. Многие ходят в лохмотьях и побираются. Одежду люди поменяли на хлеб, крупу и картошку». В заметке учителя Генриха Плетта из села Лесное за 24 июля 1924 года мы читаем: «После двух предыдущих неурожайных лет наши крестьяне получают и в 1924 году лишь по 10 пудов пшеницы с десятины. Хорошо, что американское менонитское общество «АМРА» оказывает голодающим наших сел материальную помощь. Да и Советское правительство выделяет помощь голодающим крестьянам Сибири».

В Славгородской уездной газете «Кулундинская правда» за 16 июня 1924 года сообщается, что Сибревком и Комиссия содействия сельскому хозяйству при ВЦИК выделили пострадавшим от засухи районам Западной Сибири денежные средства, семена и хлебопродукты. Уезд безвозмездно получил от государства около 500 тысяч пудов семян. Такая помощь позволила крестьянским хозяйствам преодолеть некоторые трудности неурожайных лет.

В сентябре 1924 года волостные управления Славгородского уезда были упразднены и созданы новые административные районы. Села Орловской волости отошли к Знаменскому району.

Приводим таблицу с некоторыми сведениями о поселках, история которых описывается в этой книге: (по состоянию на 1924 год).

Таблица 1.

Название села	Год основания	Кол-во дворов	Кол-во жителей	Закреплено земли, десятин
Орлово	1908	32	261	1 600
Александровка	1908	33	257	1 695
Лесное	1908	31	210	1 506
Дворское	1908	30	210	1 410
Луговое	1908	29	210	1 500
Ясное	1909	27	238	1 396
Синеозерное	1908	20	178	1 038
Черновка	1914	16	133	816
Ольгино	1908	34	180	1 600
Итого:		252	1877	12 561

Благодаря НЭПу немецкие крестьянские хозяйства, начиная с 1925 года, быстро оправались от последствий войны, продразверстки и недородов. Крестьяне увеличивали площади посевов, наращивали производство зерна, молока, масла, что давало им значительные доходы. Советская власть способствовала кооперации в деревне. В газете «Ландман» за 24 марта 1924 года сообщается, что в Орлове созданы семеноводческое и племенное товарищества, а в селе Черновка заработало товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ) «Хлебороб». Сообщается также, что секретарь Немецкой секции Славгородского У кома РКП (б) Грубер и председатель Орловского волостного исполкома Тевс посетили Черновку и провели там сельский сход, на котором обсуждался вопрос о кооперации. С весны 1926 года в селе Ольгино также заработало машинное товарищество, а в Лесном — семеноводческое товарищество «Новая жизнь».

В Славгороде с 1924 года работало отделение Всероссий-

ского менонитского сельскохозяйственного союза — Менно-общество. В 1926 году это кооперативное общество объединяло около 2000 членов. Меннообщество предоставляло своим членам кредиты, семена и сельхозмашины, племенной скот, строило в поселках маслодельни. В Москве это общество издавало немецкий журнал «Дер praktische ландваерт» («Земледелец-практик»), где печатались рекомендации, описывались передовые методы ведения сельского хозяйства в различных зонах страны, сообщалось об успехах кооперативного движения в немецких колониях.

Члены этого общества и других сельскохозяйственных кооперативов становились поставщиками элитных семян и чистопородного скота и зарабатывали немалые деньги.

НЭП гарантировала крестьянину самостоятельность хозяйствования и право распоряжаться результатами своего труда. В годы НЭПа возросло благосостояние сельского и городского населения. Крестьяне работали на своей земле, для себя и для страны. Выявились много энергичных, оборотливых, инициативных, не боящихся риска людей. Немецкая деревня в годы НЭПа жила спокойно и в основном зажиточно. Крестьяне увидели перспективу для себя и своих детей.

Когда осенью 1926 года германский ученый Гельмут Ангер путешествовал по немецким селениям Сибири, Орлово произвело на него хорошее впечатление. В своей книге «Немцы в Сибири» он пишет: «В Орлове я встретил крестьян, которые собирались эмигрировать в Канаду. Но село зажиточное. Здесь два магазина, почта и даже больница. В школе как раз отсутствовал учитель. Посредине села был общинный колодец, из которого семья украинца с утра до вечера черпала воду с помощью конного привода и выливала в деревянный чан. Из этого чана сельчане брали воду для хозяйственных нужд. Кроме того, почти все крестьяне имели свои колодцы. В Орлове я остановился у зажиточного крестьянина, сын которого поехал со мной также в соседние деревни Синеозерное, Дворское, Дягилевка, Черновка. Менонитское село Александровка мне показалось самым богатым. Показали мне там паровую мельницу, которой заведовал русский чиновник. Проходя по селу, я обратил внимание на большой крестьянский дом. Во дворе стояла скирда необмолоченного хлеба. Когда я зашел во двор и собрался сфотографировать дом и усадьбу, хозяин — седовласый крестьянин лет семидесяти поинтересовался, кто я такой. Пришлось представиться и объяснить ему

все. Хозяин показал мне свой дом, усадьбу, хозяйство и разрешил сфотографировать все это. По всему было видно, что это был оборотливый, рачительный и зажиточный крестьянин. Из Александровки меня повезли в Ровнополь и другие менонитские деревни».

В Ровнополе немецкий гость присутствовал на сходе граждан, где русские сотрудники Знаменского райисполкома уговаривали немецких крестьян принять участие в районной сельскохозяйственной выставке и прибыть туда с лучшими экспонатами породистых лошадей, коров, овец и свиней. Крестьяне, однако, не хотели показывать свои экономические успехи, так как боялись, что их обложат потом повышенными налогами.

Использование идей кооперации и внедрение продовольственного налога в годы НЭПа позволило обеспечить широкое развитие различных форм кооперации, а вместе с этим и быстрый рост сельскохозяйственного производства. Среднегодовой темп прироста продукции сельского хозяйства страны в период НЭПа составил около 10 процентов, Советская Россия экспортировала в те годы в капиталистические страны пшеницу и сливочное масло.

НЭП дал российскому крестьянину семилетнюю передышку. После двух войн и продразверстки страна смертельно страдала от голода. А уже в 1925 году российская степная пшеница вновь появилась на внешнем рынке, причем закуплена она была у крестьян без угроз, без кованого сапога «продотрядников». Государство свободно покупало у мужика ту пшеницу, которую ранее отбирали у него с применением винтовок.

НЭП и свободное предпринимательство привели к обогащению некоторых крестьянских хозяйств, к использованию и эксплуатации бедняков и батраков. В Орлове, Дворском, Александровке и других селах началось заметное классовое расслоение, выделились фермеры, которые использовали наемный труд. Они также сдавали в аренду и напрокат конные молотилки, сеялки, сноповязалки и другие сельхозмашины. Небольшая часть крестьянской бедноты не могла прокормиться собственным хозяйством и вынуждена была сдавать свою землю в аренду и наниматься на работу к зажиточным крестьянам, арендовать у них рабочий скот и инвентарь, иногда и на кабальных условиях.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В ходе революционных преобразований в немецких селах Славгородского округа в начале 20-х годов шла острая борьба по линии школьного образования. Ранее в немецких колониях школа занимала одно из ведущих мест в религиозном воспитании. Школа и учитель содержались на средства сельских общин. Поэтому перевод школ на иные рельсы и обеспечение их средствами из госбюджета, подбор новых советских (в то время «красных») учителей имели большое значение.

Нужны были годы, чтобы подготовить новых учителей, кадры культпросветработников, способных противопоставить служителям церкви и религиозным учителям новую идеологию. Отделение церкви от государства и отмена преподавания Закона Божия натолкнулись на сильное сопротивление верующих.

В Славгороде и Омске были открыты педагогические курсы для подготовки немецких учителей. В 1930 году заработал Славгородский немецкий педагогический техникум. И только постепенно в немецких селах общинную религиозную школу сменила советская школа.

Из газеты «Ландман» мы узнаем, что в Орлове по решению Славгородского окружного исполнительного комитета 12 октября 1926 года была открыта школа второй ступени ШКМ (школа крестьянской молодежи). Эта школа размещалась в здании бывшего волостного управления. Но в эту школу верующие родители не хотели посылать своих детей. «В школу коммунистической молодежи (ШКМ) мы своих детей не отдадим», — заявили родители, как писала газета «Ландман» 22 апреля 1927 года. Из-за такого отношения к новой школе в ней училось всего 30 учащихся. Но с приездом нового учителя Зейбеля, который стал заведовать этой школой, ее авторитет у сельчан поднялся. Учитель вел среди населения большую разъяснительную работу. Вскоре в школе была организована первая комсомольская ячейка. В 1927 году в Орлове впервые был отмечен Первомайский праздник трудящихся. В школе состоялось торжественное

собрание, после чего силами учащихся и молодежи был показан концерт. Об этом писала газета 15 мая 1927 года. Сообщается также, что из соседнего села Чертеж, где с 1924 года была организована коммуна «Ленинизм», в Орлово приехала молодежь на бричках, прицепленных к трактору «Фордзон», чтобы участвовать в первомайской демонстрации. Перед зданием ШКМ состоялся митинг, в котором участвовали и многие жители соседних сел.

Усилиями работников Немецкой секции РКП(б), первых комсомольцев и сельских учителей в других поселках также была организована художественная самодеятельность. В сельскую жизнь входили новые ритуалы и праздники. Но в целом преобразования давались в немецких селах нелегко. Сказывались сильное влияние религии, традиционная изоляция этих деревень от русских и своеобразная солидарность крестьянства, а также языковые барьеры. Не зная языка и национальных особенностей немецкого населения, партийные работники вновь организованных районов Славгородского округа (уезд был преобразован в округ в 1925 году) наталкивались на большие трудности в немецких селах. В этих условиях и возник вопрос о создании в округе немецкого национального района на той территории, где компактно проживали немцы.

НЕМЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН

Хорошо известно, что национальная политика партии декларировала предоставление всем национальным группам, народностям и нациям права на самоопределение, в том числе и на культурную автономию. Уже вскоре после 1919 года создавались национальные сельсоветы, округа и автономные республики. Были созданы также условия для территориального самоопределения российских немцев: Автономная республика немцев Поволжья, национальные сельсоветы и районы. Предполагалось, что культурная жизнь немецкого населения, использование родного языка в школах, в местной администрации не подлежат никаким притеснениям.

Начиная с 1923 года в немецких селах Славгородского округа стал обсуждаться вопрос о выделении компактно проживающих немцев в Немецкий район, проводились дискуссии на собраниях и на страницах газеты «Ландман». В ноябре 1925 года в Славгороде этот вопрос обсуждался на окружном совещании немецких партийных и советских активистов. Не все немцы однозначно высказывались по этому вопросу. Как писала газета «Ландман» 16 октября 1925 года, в некоторых деревнях немцы боялись снова попасть под административный нажим немецких коммунистов-продотрядников, которые у них в период продразверстки и «военного коммунизма» насильственно забирали продовольствие. Но большинство высказывалось на сельских сходах за организацию Немецкого национального района. И по ходатайству Славгородского окружного и Западно-Сибирского краевого Советов депутатов трудящихся ВЦИК принял 6 апреля 1927 года постановление об образовании Немецкого района из 57 немецких населенных пунктов, входивших в Знаменский, Славгородский и Ново-Алексеевский районы. Административным центром Немецкого района стал поселок Гальбштадт.

Создание Немецкого района исходило тогда не только из требований немецкого населения и заботы властей о развитии национальной культуры немцев. В то время уже набирала силу создававшаяся Сталиным командно-административная система управления, которой необходима была такая государ-

ственная структура, которая позволяла бы проводить сталинскую политику в среде немцев на родном языке. Надо было подготовить в немецкой среде основу для приобщения крестьянства к сталинскому «социализму».

Из публикаций газеты «Ландман» тех лет мы узнаем о первых шагах нового национального района, который до конца 1928 года назывался Октябрьским районом. 27 декабря 1927 года газета поместила корреспонденцию из села Дворское о том, что там состоялся сельский сход граждан, на котором был избран крестьянский комитет (крестком) во главе с председателем Яковом Диком. На собрании выступил с речью председатель Немецкого райисполкома Д. Винс. В том же номере газеты помещена заметка о работе Орловского товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) «Земледелец» («Ландман»), у которого в то время было уже два трактора фирмы «Фордзон».

14 января 1928 года газета «Ландман» сообщила, что в Октябрьском районе 75 процентов крестьянских хозяйств охвачено сельскохозяйственной кооперацией. В районе работало 47 сельскохозяйственных кооперативов, 4 кредитных товарищества, 3 коммуны и 11 артелей. Газета за 27 июня 1928 года дает краткую характеристику артели «Хлебороб» в Черновке. Она имела в то время 200 гектаров земли, один трактор, одну сеялку, два плуга, 16 лошадей и 20 коров. В некоторых селах района создавались партийные и комсомольские ячейки, в школах начали работать пионерские организации. 8 марта 1928 года в Орлове состоялось первое собрание женщин, на котором учителя Зейбель и Фоот выступили с докладами о Международном женском дне. Школьники дали небольшой концерт. Накануне праздника рождества, 22 декабря 1928 года, в Орловской школе впервые был показан немой кинофильм «Ордер на жизнь». Началась телефонизация района, кое-где появились первые радиоприемники.

Осенью 1927 года в стране возникли трудности при хлебозаготовке. Крестьяне Немецкого района, особенно зажиточные, рассчитались с доведенными заданиями по сдаче хлеба. А излишки придержали до более высоких зимних и весенних цен. И тогда сталинское руководство пустило в ход чрезвычайные меры хлебозаготовок, означающие фактически отказ от НЭПа: установление твердых (пониженных) цен на зерно, запрет торговли хлебом на рынках, проведение обысков у крестьян для определения запасов

хлеба, привлечение к судебной ответственности «саботажников» хлебосдачи.

В селах района вновь развернулась насильственная заготовка хлеба. Председатель Дворского сельсовета Фризен писал в газете, что крестьяне поселков Дворское, Луговое и Ясное выполнили доведенное задание по хлебосдаче, но им доводились новые.

Тон в этой чрезвычайщине был усилен самим Сталиным во время поездки по областям и районам Западной Сибири зимой 1928 года. Он побывал тогда в Барнауле и Рубцовске, где обвинил местных руководителей в том, что они слабо борются с кулаками, «саботажниками» хлебосдачи. Можно себе представить, как это «подстегнуло» руководителей районов на принятие жестких мер. Еще во время поездки Сталина по районам Сибири (сани, на которых его тогда возили, стоят и сегодня в краеведческом музее Барнаула) были сняты с работы и преданы суду сотни местных работников за «мягкотелость», «примиренчество», «срастание с кулаком» и за другие нелепые обвинения, в Славгороде руководство округа менялось четыре раза.

Газетные публикации тех лет (газеты «Ландман», «Советская Сибирь») повествуют о том, что местные власти и активисты под давлением сверху становились на путь угроз, арестов и повальных обысков у крестьян. При этом изымались не только хлебные запасы, но и семена, скот, инвентарь и имущество.

Немцы-крестьяне нередко лишались избирательных прав и облагались повышенным налогом, якобы как служители культа. В селах Немецкого района закрывались молитвенные дома и церкви, многие проповедники и служители культа были арестованы. В Новосибирском государственном архиве сохранились справки Немецкого райисполкома о том, что накануне перевыборов в местные Советы в 1928—1929 годы в районе было 528 лишенцев, то есть людей, лишенных избирательных прав. А к концу 1930 года количество лишенцев дошло до 619 человек — около 9% от числа избирателей.

СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Об успехах кооперативного движения в немецкой деревне в период НЭПа сказано уже выше. В справке Славгородского окрколхозсоюза в начале 1929 года отмечалось, что кооперирование в селах Немецкого района шло быстрее, чем в других, за счет создания простейших, кооперативных товариществ. Крестьянам были близки и понятны выгоды от такой кооперации. Из крестьянских хозяйств Орлова, Дворского, Синеозерного, Александровки, Лесного и других сел в государственные закрома поступали первосортная пшеница и высококачественное масло, которые высоко ценились на мировом рынке.

Но по инициативе Сталина к концу 20-х годов произошло отступление от ленинского кооперативного плана и НЭПа. Наступил 1929 год, год Великого перелома. Кооперация была свернута, и внедрялись принудительные методы коллективизации крестьянства в новых формах.

Весной 1929 года Немецкому району доводится задание по «переводу простейших кооперативов и артелей на уставы колхозов». Ноябрьский Пленум ЦК ВКШБ) 1929 года поставил задачу «сплошной коллективизации» целых краев и областей за 2—3 года.

Выше уже было сказано, что в селах Черновка, Лесное, Орлово, Ольгино уже с середины 20-х годов работали сельскохозяйственные кооперативы и товарищества. Все они были созданы на принципах добровольности. Но когда кооперативы стали переводить на устав колхоза и обобществлять средства производства и домашний скот, многие члены таких коллективных хозяйств разбежались.

30 августа 1929 года газета «Ландман» сообщила, что в Немецком районе началась чистка партийного и советского аппарата от «кулацких» элементов. В том числе газета сообщает, что артель «Хлебороб» (с. Черновка) с двенадцатью членами, артель имени Сталина (село Чертеж) с двадцатью членами и коммуна «Ленинизм» (на хуторе возле Чертежа) объединились в одну коммуну имени Буденного.

Первые колхозы и коммуны состояли в основном из бедняков и батраков. Государство предоставляло им кредиты, сельхозинвентарь, семена, рабочий скот и тракторы. Однако эти коллективные хозяйства оставались экономиче-

ски слабыми и не могли служить образцом ведения хозяйства и образа жизни их членов. Руководители этих хозяйств, сами бедняки или батраки, не умели вести крупное хозяйство. В то же время единоличные хозяйства большинства крестьян преуспевали. Неудачи и беспорядки в первых колхозах и коммунах отпугивали большинство крестьян от коллективизации.

Между тем в селах Немецкого района терпеливая разъяснительная и организаторская работа в крестьянских массах повсеместно, особенно с 1929 года, подменялась грубым нажимом и угрозами.

Сталин и его окружение решили одним махом провести коллективизацию, нанеся тем самым сельскому хозяйству страны огромный урон.

Призыв Сталина о «переходе к политике ликвидации кулачества как класса» был сигналом к массовому раскулачиванию крестьянских хозяйств.

Осенью 1929 года газета «Правда» в передовой статье писала: «Ликвидация кулачества как класса становится в порядке дня» — и призывала объявить войну кулаку «не на жизнь, а на смерть», «стереть его с лица земли». Журнал «Молодой коммунист» №11 за 1929 год в статье «Горькие уроки» приводит сообщение уполномоченного Славгородского окружкома партии о раскулачивании в Сибири, посланное Сталину в феврале 1930 года: «Работа по конфискации у кулаков развернута и идет на всех парах. Сейчас мы ее развернули так, что аж душа радуется, мы с кулаком расправляемся по всем правилам современной политики... Оставляем их в чем мать родила».

Раскулачивание крестьян было первой акцией массовых репрессий и незаконный, идейным вдохновителем которых стал Иосиф Сталин.

Зачем нужна была такая спешка при коллективизации? Да потому, что из колхозов легче можно было изымать хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Одновременно с коллективизацией шла индустриализация страны. Для покупки промышленного оборудования нужна была валюта. Получить ее можно было лишь за счет экспорта хлеба. А хлеб брали из колхозов за бесценок. Безоглядное формирование коллективизации, нараставшее осенью 1929 года изо дня в день, отражало позицию Сталина и его приспешников — Молотова, Кагановича, Яковлева, Андреева и др.

ЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ

В селах Немецкого района с принудительной и ускоренной коллективизацией в 1929—1930 годах получалась, однако, осечка: массы крестьянства, в том числе и бедняки, предпочли эмиграцию в Канаду. Если в период 1923—1926 годов из района за пределы СССР эмигрировали главным образом только отдельные зажиточные семьи, то в 1929 году, особенно осенью, поднялась волна массовой эмиграции немецкого крестьянства. Недостатки в работе первых колхозов и коммун, а также перегибы и нажим в проведении коллективизации, одновременный роспуск религиозных общин и закрытие молитвенных домов были тогда главными причинами эмиграционного движения немецких крестьян. Многие крестьяне Александровки, Орлова, Лесного, Дворского и других немецких сел продавали свое имущество за бесценок, заколачивали дома и собирались в путь-дорогу за океан.

В Новосибирском госархиве сохранились записи-воспоминания Андрея Антоновича Левена, бывшего председателя артели «Новый мир» в Гришковке: «В 1929 году у эмигрантов за пять рублей можно было купить пару лошадей с упряжью и повозкой. Наша артель приобрела тогда у отъезжающих крестьян лошадей, коров, плуги, сеялки, косилки, жилые дома и хозяйственные постройки. В некоторых немецких селах тогда оставалось по 10—15 семей, все остальные поднялись и уехали. Но доехали только до Москвы, а затем в декабре того же года вернулись ни с чем».

Многие крестьяне забивали свой скот, лошадей оставляли с повозками прямо на железнодорожной станции и бросали на произвол судьбы. Существовавшие в то время колхозы и коммуны Немецкого района увеличили за счет отъезжающих крестьян свое общественное поголовье лошадей на 28 процентов, а коров — почти в пять раз. Вот как описывал те события бывший председатель артели «Согласие» в Марьяновке Иван Геннеберг: «Приезжаю однажды из Марьяновки в соседнюю Антоновку, а деревня пуста, дома заколочены. Все люди эмигрировали. Скот угнан или поколот, только

самое необходимое мясо взяли с собой в дорогу. А лошади стояли привязанными к столбам загона. Тогда я позвал колхозников, чтобы забрать в нашу артель лошадей и все остальное, вплоть до оконных рам».

В результате эмиграционной лихорадки поздней осенью 1929 года в Москве и Подмосковье скопилось до 18 тысяч человек, требовавших визы на выезд в Канаду. Но советские органы власти им такие визы не выдавали. Дело было еще и в том, что Канада с начала 1930 года прекратила прием эмигрантов из Советской России. Германии они в то время тоже были не нужны. Там своим крестьянам земли не хватало, а в промышленности царили кризис и безработица. Тогда московская милиция и работники ОГПУ погрузили застрявших в Москве и Подмосковье эмигрантов на товарные поезда и вернули в административном порядке на прежние места жительства.

Кампания с массовой эмиграцией немецких крестьян окончилась провалом и разорением большого числа крестьянских хозяйств. Как сообщала газета «Коллективист», волне эмиграции поддалось тогда до 60% населения Немецкого района. Вот что писал тогда специальный представитель ВЦИКа В. Курц, который посетил район весной 1930 года: «Немецкий район представлял собой совершенно исключительное зрелище, напоминающее отступление армии при значительной потере скота. Повсюду на полях валялись трупы лошадей, коров и других домашних животных, которые производили отталкивающее впечатление большого народного бедствия. Села с разваливающимися и нежилыми домами опустели. Нигде не видно обычной для немецкого села жизни крестьянства...»

Эмиграционное движение задержало на некоторое время коллективизацию крестьянства Немецкого района и привело к крупным экономическим потерям, к разорению большого количества крестьянских хозяйств. Район потерял к концу 1929 года до 54% лошадей, 59% коров и 86% свиней. Правительству пришлось принять специальные меры для помощи пострадавшему от эмиграционного движения крестьянству Немецкого района. Созданным к тому времени колхозам, а также единоличным крестьянским хозяйствам были предоставлены продовольственные и семенные фонды, кредиты, сельхозинвентарь, продукты питания. Район пол-

учил в кредит 1299 коров и 1439 лошадей. В начале 1930 года в срочном порядке была создана Гальбштадская МТС, которой были выделены 33 трактора, необходимый сельхозинвентарь, нефтяные двигатели, молотилки.

Тем временем в селах продолжалась насильственная коллективизация. Большая часть крестьянства была разорена. Бесчисленное количество было раскулачено и сослано.

В 1930 году эмиграционное движение в немецких селах имело уже не массовый, а скрытый характер. Эмиграционно настроенные крестьяне весной не сеяли, они все еще надеялись на получение виз для выезда. Старожил поселка Дворское, ныне учитель-пенсионер, Андрей Абрамович Фоот вспоминает, что весной 1930 года из 30 дворов села в поле выехали только хозяйства Генриха Дика и Корнея Креккера. Все остальные надеялись на выезд и не приступали к севу. Но эти надежды были напрасными. Крестьян вынудили идти в колхозы. Все это вызвало новую вспышку недовольства, вплоть до забастовок и бунтов крестьян.

Дошло до того, что летом 1930 года крестьяне-«непосевщики» Немецкого района подняли бунт. Невооруженные крестьяне из многих немецких сел утром 2 июля собрались в райцентре, арестовали районное руководство, перерезали телефонную связь Гальбштадта со Славгородом и посчитали, что так все дела с визами на выезд будут улажены. Но все было бесполезно. Кто-то из районного начальства сумел сообщить о восстании в Славгород, и когда к вечеру в Гальбштадт примчался конный отряд милиции, участники бунта разбежались во все стороны. Под покровом ночи было арестовано всего несколько человек.

Доведенные до отчаяния крестьяне вынуждены были вступить в колхозы, которые организовывались во всех селах Немецкого района. Многие «непосевщики» и участники эмиграционного движения из Орлова, Александровки, Синеозерного и других сел осенью и зимой 1930 года устроились на работу в соседней коммуне имени Буденного, где урожай в том году на больших площадях остался под снегом. Некоторые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Старожил Дворского Андрей Абрамович Фоот вспоминает: «После неудавшейся эмиграции и возвращения сельчан из Москвы они не видели другого выхода, как подчиниться

указаниям и объединиться в колхоз. В апреле 1931 года в Дворском был создан колхоз «Новый путь». Первым председателем стал Красс Эпп, полеводческим бригадиром — Гергард Фоот, счетоводом — Корней Больдт. Из Гальбштадтской МТС прислали два трактора, на которых работали Генрих Гамм, Иван Нейфельдт, Елена Дик».

Первый пятилетний план СССР (1928—1933 годы) предусматривал за пять лет охватить коллективизацией около 20% крестьянских хозяйств страны. Но в результате административного давления это задание было перекрыто уже в первый год пятилетки, а к 1933 году коллективизация была в основном завершена во всей стране. Такая спешка в коллективизации и в раскулачивании привела к разорению русского крестьянства и к значительному сокращению сельскохозяйственного производства в стране. В начале 30-х годов во многих областях, особенно на Украине и в Поволжье, разразился голод, в результате которого погибли миллионы людей. Советское правительство было вынуждено ввести карточную систему на продовольственные товары, но карточки выдавались рабочим и служащим в городах, а крестьяне умирали от голода.

Как проводилась коллективизация в Орлове, Александровке, Луговом, Лесном и других селах? Вот что вспоминает жительница Александровки Екатерина Францевна Пеннер: «Сельский Совет собрал перепуганных крестьян на экстренное собрание. Председатель сельсовета Мартин Ремпель (см. фото) открыл собрание и предоставил слово уполномоченному из района. Тот сообщил собравшимся, что на основании решения партии и правительства все крестьяне должны записываться в члены колхоза. Кто не согласен, будет лишен права голоса, раскулачен и сослан в Нарым. После такой угрозы большинство крестьян записались в колхоз. Это было весной 1931 года. Таким образом в Александровке был организован колхоз имени Макса Гельца». (Макс Гельц — германский политэмигрант, работник Коминтерна в Москве. Погиб во время лодочной прогулки по Волге у Нижнего Новгорода в 1933 году). Подобными методами создавались колхозы и в других поселках.

Сталину и его приспешникам надо было создавать атмосферу страха, чтобы ослабить сопротивление крестьянства при вступлении в колхоз.

В феврале — мае 1931 года по стране прокатилась особенно сильная волна раскулачивания. Как писал журнал «Родина», для руководства и контроля за осуществлением «ликвидации кулачества как класса» 11 марта 1931 года была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя Совнаркома СССР А.А.Андреевым. По существу, эта комиссия занималась распределением «раскулаченных» спецпереселенцев по северным областям страны. Эта комиссия выполняла заявки хозяйственных организаций истроек на трудовые ресурсы. «А если называть вещи своими именами, — пишет журнал, — то комиссия Андреева обеспечивала стройки социализма рабами — вчерашними крестьянами».

В подавляющем большинстве случаев крестьянские семьи выселялись в места, не пригодные для жизни. Снабжение спецпереселенцев продуктами питания было ниже самого низкого предела, медицинское обслуживание практически отсутствовало. На тяжелых физических работах (земляные работы, лесоповал, погрузо-разгрузочные работы) повсеместно использовались женский и детский труд. Голод и холод вызывали массовую смертность среди спецпереселенцев. Журнал приводит факты бесчеловечного обращения со спецпереселенцами: «Оперуполномоченный ОГПУ по Уралу А.С.Кирихин и начальник областного комендантского отдела Н.Д.Баранов докладывают своему начальству, что «за отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков 2—2,5 кубометра в день, тогда как средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра. По этой причине спецпереселенцы, чтоб выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмороживались, подвергаясь массовым заболеваниям. На складах в это время остались неизрасходованными в значительном количестве телогрейки, полушубки и т.д. Не получая медицинской помощи, надлежащего питания и нормальных

жилищных условий, к концу лесозаготовок они окончательно стали нетрудоспособными и в большинстве своем инвалидами».

Раскулачивание, проводившееся в ходе сплошной коллективизации, представляло собой один из самых трагических актов, разыгравшихся в истории российского крестьянства. Согласно подсчетам историка Роя Медведева, в 1930—1932 годах было выслано 7 миллионов кулаков и 3—4 миллиона так называемых «подкулачников». Сталинская задача по «ликвидации кулачества как класса» на основе сплошной коллективизации была выполнена досрочно.

Волна раскулачивания и высылки крестьян в начале 1931 года наиболее широким масштабом прошла по селам Немецкого района. Как уже сказано, тогдашние руководители партийных и советских органов, выполняя сталинскую установку на сплошную коллективизацию, проводили эту кампанию любыми средствами. А это привело к большим перегибам, к произволу и злоупотреблению. Под лозунгом скорейшей коллективизации ретивые администраторы ломали немало дров.

В Новосибирском государственном архиве мы обнаружили записку уполномоченного Запсибкрайкома и крайисполкома А. Буценко, где говорится: «Нужно отметить, что перегибы в значительной степени больше сказались в немецкой деревне, чем в русской. До последнего времени список лиц, лишенных права голоса, не пересмотрен везде, а лишали права голоса за то, что крестьянин имел ветряную мельницу или сепаратор. Середняки лишались права голоса за то, что держали няньку в многодетной семье, за батрака на время уборки урожая и ряд других нелепых формулировок» (ГАНО ф. 47, опись 1, дело 1482).

В Орлове, Александровке и Лесном сегодня живут престарелые колхозники и колхозницы, которые более 60 лет тому назад подверглись вместе со своими родителями раскулачиванию и высылке в Нарымский край. И мне, автору этих строк, довелось увидеть своими глазами человеческие страдания во время массовой высылки крестьян из Немецкого района в мае 1931 года. Я находился в то время в Гальбштадте и наблюдал, как на конных подводах в районный центр доставляли со всех концов района раскулаченных крестьян. Среди них были и мои родственники и

знакомые. Подумать только: многолетние крестьянские семьи насильственно выгонялись из своих домов, им не позволяли даже взять вещи и продукты в дальнюю дорогу в неведомые северные края!

В Гальбштадт свозили все новые партии раскулаченных и помещали их в сушильных сараях кирпичного завода, где они охранялись милицией. Ни в чем не повинные дети, старики, немощные бабки и женщины плакали и стонали. Высылаемых провожали родные и близкие, которые также плакали. Страшно было смотреть на эту тягостную картину.

Из Гальбштадта раскулаченных на подводах отправляли на железнодорожную станцию Славгород, оттуда в товарных вагонах — в Омск, потом на баржах по Иртышу и Оби — в Нарымскую тайгу, в лесисто-болотистую местность с суровым климатом, где в году девять месяцев зима, а летом нет спасения от комаров и мошкар.

Такая печальная участь постигла тогда крестьянские семьи В.Дикмана, Петра Коопа, Генриха Фаста, Якова Левена, Екатерины Левен, Ивана Абрамса, вдовы Рацлаф из Дворского, Давида Герцена из Лесного, Петра Янца и Корнея Рихерта из Орлова, семью Кнелзьена из Ясного и многих других.

Вот что рассказывает об этом пенсионер Генрих Яковлевич Дик из Орлова: «Я рано потерял отца, моя мать вышла замуж за Давида Герцена в Лесном. После этого наша семья состояла из 11 душ, в том числе престарелая бабушка. Мой отчим до 1929 года был в Лесном проповедником общины менонитов и не хотел вступать в колхоз. Этого было достаточно для того, чтобы его признали кулаком, раскулачили и лишили права голоса. 19 мая 1931 года из сельсовета к нам прислали две подводы, которые доставили нашу семью в Гальбштадт. Мне тогда было 13 лет. Мать болела и ждала очередного ребенка. Когда нас в Лесном посадили на подводы, отчим сумел погрузить мешок муки, но в Гальбштадте милиция отобрала у нас эту муку. Мы питались сухарями и водой. В Славгороде собрался целый эшелон людей. А в Омском речном порту набралось несколько тысяч ссыльных крестьян со всех районов Сибири. Через несколько дней этих людей посадили в три большие баржи. Вместе с людьми были погружены около сотни лошадей с повозками, сельхозинвентарь, фураж и мешки с мукой. Так что на баржах

стало так тесно, что ступать было некуда. На каждой барже было лишь по одной уборной, где всегда стояла очередь людей.

Никто из ссыльных не знал, что нас ожидает впереди. Питались ржаным хлебом (300 г в день) и соленой рыбой. Воду пили прямо из реки. На баржах было то холодно, то жарко, то шли проливные дожди. Начались болезни, особенно среди детей. Умерших выбрасывали прямо в реку или хоронили на берегу во время стоянок. 17 июня 1931 года наш транспорт прибыл к месту назначения. Мы выгрузились на диком берегу реки Васюган — притоке Оби, где не было ни домов, ни каких-нибудь укрытий от дождя и комаров. Было жутко и страшно.

Мужчинам дали топоры и пилы в руки и сказали: «Рубите лес и стройте себе дома». А наши крестьяне-степняки раньше не занимались лесоповалом и нередко погибали под могучими соснами. Они ведь не знали, куда будет падать подпиленное или подрубленное дерево. Упавшим деревом была убита и моя сестра Мария, в болоте утонула другая сестра Лена. Трудно передать тот беспросветный ужас, которым были охвачены тысячи ни в чем не повинных крестьян и их дети. Приближалась зима, перед всеми стоял животный страх голодной и холодной смерти, страх неизвестности, страх загнанных зверей.

Мы были загнаны в дремучую тайгу, где не было спасения от кровососущих комаров. Мы были зависимы от надзирателей ОГПУ и лагерного начальства. Я работал на лесоповале наравне со взрослыми. Кто не работал, тот не получал паек. Мы питались травой и ягодами. Для выпечки хлеба смешивали муку с травой и опилками.

Многие люди были доведены до отчаяния и покончили жизнь самоубийством, чтобы избежать дальнейших мучений. Голодные и больные люди гибли там ежедневно, особенно много умерло детей и стариков. Свирипевствовала цинга.

Лишь к зиме кое-как были отстроены деревянные бараки для жилья. Нас заставляли корчевать пни и расчищать лес под пашню для возделывания сельскохозяйственных культур. Со временем возник поселок, которому дали имя Новый Гальбштадт. Но после того как мы здесь немного обжились, нашу семью в числе других в 1935 году сослали еще дальше

на север. Спецкомендант и начальники леспромхоза обращались с нами как с рабами. Невыносимые условия жизни вынудили многих наших земляков к бегству из ссылки. Рискуя жизнью, они пробирались пешком и на лодках до Томска и дальше вдоль железной дороги до Славгорода и домой, в родные места.

В Орлове сегодня жива 76-летняя Мария Яковлевна Вейс (урожденная Кнелъзен), которая летом 1936 года со своими сестрами Леной и Лизой 38 дней пешком пробиралась сквозь тайгу и болота до станции Татарской и Славгорода, она рассказывала автору, как к осени вернулась в родное село Ясное, где сельчане их милосердно встретили. Родители этих сестер умерли в Нарыме от голода. Из места ссылки сбежали и вернулись в Дворское также семья Ивана Абрамса и дети Петра Левена, правда, не в полном составе, т.к. некоторые из их родных умерли в местах ссылки.

Необходимо еще добавить, что в 1937 году большинство из оставшихся в живых ссыльных мужчин было арестовано и расстреляно органами НКВД».

Таковы горькие воспоминания бывшего ссыльного крестьянина Генриха Дика из Лесного. Генрих Яковлевич и его супруга (кстати, тоже бывшая ссыльная крестьянка из Марьяновки) вернулись на родину из места ссылки лишь в 1955 году.

ТРУДНОЕ НАЧАЛО

В начале 30-х годов повсеместно завершилась коллективизация. Но колхозы с самого начала попали под командно-бюрократическую систему управления. Они были поставлены по отношению к государству в такое положение, которое резко ограничивало их самостоятельность и инициативу, а тем самым и хозяйственный рост, превратило их в объект постоянной мобилизации человеческих и материальных ресурсов на все другие государственные нужды.

Колхозами командовали с самого начала невежественные чиновники районного и краевого масштаба. Вся машинная техника, кадры механизаторов были сосредоточены в государственных МТС, обрабатывавших колхозные поля за натуральную плату, размеры которой устанавливались сверху. Цены на зерно и другие сельскохозяйственные продукты, которые колхозы обязаны были сдавать государству, были установлены в 10 раз ниже рыночных. Они были такими низкими, что не покрывали даже производственных затрат.

Но вернемся к нашим колхозам. Весной 1931 года на территории нынешнего колхоза имени Ленина числилось 9 небольших колхозов:

1. Колхоз «Красный борец» в селе Ольгино (председатель Э.Фрей).
2. Колхоз имени Макса Гельца в Александровке.
3. Колхоз имени Ленина в Лесном (председатель Левен).
4. Колхоз «Хлебороб» в Черновке, вышедший из коммуны имени Буденного (председатель К.Дик).
5. Колхоз «Ландман» в Орлове (председатель Гессель).
6. Колхоз «Ясная Поляна» в Синеозерном (председатель Браун).
7. Колхоз «Новый путь» в Дворском (председатель Креккер).
8. Колхоз «Свобода» в Луговом, получивший в 1934 году имя Карла Либкнехта (председатель Классен).
9. Колхоз имени Клары Цеткин в Ясном (председатель Тиссен).

В названных населенных пунктах к тому времени по существу уже не оставалось одиночных крестьянских хозяйств. В Немецком районе к концу 1931 года было

создано 45 колхозов, в которые было вовлечено 95 процентов всех крестьян.

Как пошли дела в только что созданных колхозах? Архивы первых колхозов не сохранились. Нам пришлось по крупицам собирать сведения о делах колхоза тех лет. Кое-что помнят старожилы и ветераны, которые с первых дней создания колхозов были их членами. Назовем лишь некоторых из них: Классен Иван Яковлевич, Никель Иван Гергардович, Гамм Мария Яковлевна, Фризен Анна Яковлевна, Изаак Корней Яковлевич, Вибе Елена Исааковна, Брауэр Генрих Петрович, Фишер Рейнгольд Августович, Тиссен Анна Исбрантовна, Пеннер Екатерина Францевна, Эпингер Маргарита Ивановна, Лепп Петр Борисович, Вибе Аганета Абрамовна, Больдт Сюзанна Петровна. Живая память и рассказы этих людей — ценнейший информационный источник для описания истории колхоза. Правда, имеются подшивки газет периода коллективизации. Но сколько правды в тех газетах, печатавших изо дня в день сталинские лозунги «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными!» или «Жить стало лучше, жить стало веселее!»? И все это в самые трагические годы истории нашего общества!

Итак, первые шаги названных колхозов: сначала в общие загоны согнали обобществленный домашний скот, свезли в кучу крестьянский сельхозинвентарь, ссыпали в общие амбары свезенное с крестьянских дворов семенное зерно. Старожилы помнят, что рев и мычание голодных коров, ржанье лошадей в пустых загонах оглушали окрестности, надрывали душу. Обобществленный скот был размещен в непригодных помещениях без кормов и ветеринарного обслуживания. Колхозные коровы содержались на разных усадьбах раскулаченных крестьян, потому что общественных коровников еще не построили. Наблюдался большой падеж скота.

Старейший колхозник Корней Яковлевич Изаак из Лесного вспоминает: «Конечно, крестьянам нашего села было нелегко отдавать в колхоз свой скот и инвентарь, лишаться того, что наживалось годами. Когда члены нашего колхоза на утренней разрядке у колхозной конюшни получали задания от полеводческого бригадира на день, то каждый старался непременно взять для работы лошадь или инвентарь, который он сам сдал в колхоз. При этом нередко возникали недоразумения и конфликтные ситуации. Да и

не было еще опыта ведения коллективного хозяйства. Иные колхозники по ночам, таясь друг от друга, ходили на общественную конюшню, где стояли обобщественные лошади, чтобы погладить своего коня, посмотреть, хорошо ли га ним досматривают».

Ветеран колхоза Иван Гергардович Никель рассказывает, что из колхоза «Ясная Поляна» в 1931 году на курсы трактористов в Гальбштадтскую МТС были направлены молодые колхозники Гардер Петр, Прахнау Абрам, Дик Петр, Ягер Яков и Левен Яков. По возвращении с курсов они водили американские тракторы фирмы «Джон Дир».

С окончанием коллективизации в немецких деревнях началось организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Но начало было трудным, сказывались последствия эмиграционного движения, нехватка рабочего скота, машин и инвентаря. Да и не было опытных руководителей колхозов. Назначенные в некоторых колхозах председателями из числа ленинградских рабочих-двадцатипяти тысячников, вроде Гесселя в колхозе «Ландман» в Орлове, вели коллективные хозяйства неумело. Старожилы помнят, что Гессель не мог отличить пшеницу от овса, но «руководил» колхозом.

Но все же благодаря помощи со стороны государства хозяйства постепенно начали набирать силу. Возросла техническая помощь Гальбштадтской МТС, машинный парк которой с 1930 по 1932 годы возрос до 82 тракторов разных марок, 50 комбайнов, 12 грузовых автомобилей. Первый коллективный весенний сев 1931 года колхозами Немецкого района проведен успешно. Как сообщала краевая газета «Советская Сибирь», 2 июня 1931 года Немецкий район первым в крае завершил «большевистский весенний сев».

В поздравительной телеграмме секретаря Западно-Сибирского крайкома Роберта Эйхе трудящимся района говорилось:

«Крайком ВКП(б) сердечно поздравляет тружеников колхозов Немецкого района с успешным проведением второго большевистского весеннего сева. Это лучший ответ трудящихся района на происки противников коллективизации и организаторов эмиграции». Району была выделена новая партия американских тракторов фирмы «Джон Дир» и 40 тысяч рублей на строительство ветеринарного пункта в районном центре, директор Гальбштадтской МТС П.Г.Борст был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Барнаульский историк Л.В.Малиновский писал в сборнике Томского университета «Вопросы истории Сибири» (Томск,

1967 год): «Организационно-хозяйственное укрепление немецких колхозов осуществлялось на базе сравнительно более высокого культурного и технического уровня немецкого крестьянства, на базе его кооперативных традиций, а также при усиленной помощи государства национальным колхозам, которые уже в начале тридцатых годов имели значительно более высокие хозяйственные показатели, чем средние показатели колхозов Сибири».

Из районной газеты «Роте Фане» и краевой газеты «Ландман», а также от старожилов села Орлова мы узнаем, что трудности только что созданных колхозов Немецкого района были связаны также с сильной засухой, захватившей всю Западную Сибирь в 1931—1933 годах. Средняя урожайность зерновых составляла в колхозах Немецкого района в то время менее 3 центнеров с гектара.

На низкую урожайность колхозных полей начала 30-х годов повлияли не только неблагоприятные погодные условия, но и принудительная коллективизация крестьян, отчуждение их от земли и низкий уровень агротехники. Отрицательно влияли на урожай также очень ранние сроки сева. Между колхозами шло соревнование за быстрое окончание раннего и сверхраннего сева зерновых, победителем соревнования выходил тот, кто раньше заканчивал сев.

В районной и краевой газетах тогда была перепечатана инструкция тогдашнего народного комиссара земледелия СССР Яковлева о проведении сверхраннего сева в районах, подверженных частой засухе. Потребовались многие годы, чтобы земледельцы степной Кулунды убедились, что здесь рано сеять нельзя.

Сельскохозяйственная наука во главе с академиком Лысенко выдвинула тогда тезис глубокой отвальной вспашки. Все преклонялись перед Лысенко, а те, кто были против него, назывались вредителями. И всюду тракторами пахали так глубоко, что выворачивали глину и нарушали пахотный слой земли. По предложению Лысенко семена пшеницы перед высевом яровизировали. Как писала газета, эту идею подхватили и земледельцы немецких колхозов. Но вскоре все убедились, что, кроме вреда, эта затея ничего не принесла.

Газеты тех лет то и дело приписывали неудачи первых колхозов проискам классовых врагов и кулацких элементов, которые якобы пробрались в колхозы и занимались там вредительской работой. 9 мая 1931 года газета «Коллективист» на первой странице большими буквами призывает

вести беспощадную борьбу с вредителями в колхозах. 5 ноября 1932 года газета писала, что полеводческий бригадир колхоза «Ландман» Дик саботирует сдачу зерна государству и что по его вине картофель остался под снегом необраным. Газета обвиняет Дика в том, что он является сыном раскулаченного и сосланного кулака. Осенью 1932 года газета из номера в номер призывала мобилизовать все силы на выполнение плана хлебосдачи.

Между тем доведенные сверху планы хлебосдачи не могли быть выполнены из-за низкого урожая. Колхозники жили в нищете и голодали, на заработанные трудодни по существу ничего не получали. Серьезные трудности возникали в колхозах и с обеспечением скота кормами. Травы и пастбища летом почти все выгорали, и соломы осенью собирали очень мало. Приходилось искать солому прошлых лет и даже снимать ее с крыш крестьянских домов и скармливать скоту. Конечно, не обошлось без сильного падежа скота.

В деревнях возникали тогда большие трудности со снабжением колхозников хлебом, потому что его «под метелку» надо было сдать в обязательном порядке государству.

О голоде в колхозах Немецкого района летом 1932 и 1933 годов помнят старожилы Орлова, Александровки и Лесного. Люди питались чем попало. А когда пшеница и овес на полях достигали молочно-восковой спелости, голодные дети и пожилые женщины выходили с ножницами и ножами на нивы и срезали колосья на кашу для семьи. А это было строго запрещено. И в газетах того времени встречаются заметки о том, как отдельные колхозные руководители и объездчики бдительно охраняли зерновые поля от голодных людей, которые ночью или рано утром выходили собирать колосья.

Когда в августе 1932 года началась уборка зерновых и первые обмолоты вновь полностью вывозились на элеватор, а на трудодни ничего не выдавали, в деревнях появились «несуны», которые несли домой с колхозных токов в карманах и за пазухой зерно. А это каралось тогда очень строго по закону от 7 августа 1932 года, по которому люди осуждались на срок от 10 лет лишения свободы до расстрела. И потянулись колхозные крестьяне на чумные острова «архипелага ГУЛАГа». «Законом о пяти колосках» прозвал народ тогда зловещий закон. Но чтобы выжить, колхозники вынуждены были уносить из колхозов зерно, картошку, корм, собирать колоски.

Кража стала образом жизни в советской стране.

Как писала газета «Правда» от 16 сентября 1988 года, к началу 1933 года за неполные пять месяцев по закону от 7 августа 1932 года было осуждено 54 645 человек. Из них 2110 — к расстрелу.

Заготовка хлеба продолжалась по всей стране жесткими методами. Деревню захлестывала волна административного произвола и насилия. Партийные и советские руководители районов, директора МТС, председатели колхозов объявлялись саботажниками. Их арестовывали и расстреливали, публикуя сведения об этом в печати.

Принудительная заготовка хлеба нужна была Сталину, чтобы этот хлеб продать за валюту и в обмен получить оборудование для индустриализации страны. Несмотря на то, что цены на зерно на мировом рынке во время кризиса начала 30-х годов резко упали, сталинское руководство и не подумало сократить вывоз хлеба за границу. «Голод 1932—33 годов, унесший столько жизней, был самым страшным преступлением Сталина и его окружения», — писалось в газете «Правда» за 16 сентября 1988 года.

Несмотря на сложную обстановку в колхозах Немецкого района, краевая газета «Советская Сибирь» 16 ноября 1932 года поместила статью председателя исполкома Немецкого районного Совета Иосифа Андреевича Вильгаука, посвященную 5-летию юбилею района. В статье говорилось: «Трудящиеся Немецкого района подытоживают свою пятилетнюю борьбу за социалистическое переустройство сельского хозяйства, за культурное строительство. Посевная площадь района составляла в 1932 году 54 294 га. Земледельцы района встречают свой юбилей 100-процентным выполнением плана хлебозаготовок. В закрома Родины засыпаны 65 000 центнеров хлеба. В районе функционируют 46 школ 1-й ступени и 2 школы 2-й ступени. Выросли местные кадры, активисты общественной жизни. Успехи в хозяйственном и культурном строительстве Немецкого района являются яркой иллюстрацией претворения правильной ленинской национальной политики».

Однако победные рапорты и доклады о достижениях района не могли заслонить атмосферу произвола и насилия, которая царила в деревнях. Об атмосфере той поры можно судить по заголовкам и текстам газетных публикаций: «Выжечь оппортунизм и саботаж при заготовке хлеба!», «Сельсовет гладит по головке кулака-вредителя», «Указать

прокурору и милиции района на недостаточные меры, принимаемые ими по привлечению к ответственности злостных саботажников хлебосдачи», «Хлебосдача в Синеозерном идет преступно плохо» и т.д.

В 1933 году в стране были введены паспорта для всего населения, кроме колхозников. Это лишило селян возможности свободного передвижения с места на место, означало юридическое прикрепление колхозников к деревне, придавало их труду принудительный характер. На деле утвердилась новая система рабства и крепостного права. Колхозники были задавлены всевозможными налогами, обязательными поставками сельхозпродуктов и принудительной ежегодной подпиской на заем. За недоимки по налогам и обязательным поставкам фискалы и заготовители брали штрафы с колхозников и нередко уводили последнюю корову со двора.

Повсюду утвердился стиль бюрократического командования колхозами, директивного планирования, бесконечной регламентации всей их деятельности, фактического нарушения даже тех норм, что были записаны в «Примерном уставе сельхозартели». Вошла в практику система уполномоченных из районного и краевого центров, которые командовали колхозами в ответственные периоды весеннего сева или уборочной.

Но вернемся к конкретным делам наших девяти колхозов в начале 30-х годов. 18 мая 1933 года газета «Коллективист» сообщала, что колхозы Орловского сельсовета (председатель Пеннер) выполнили план мобилизации денежных средств на 112%, а хозяйства Александровского сельсовета (председатель Петерс) — только на 29%.

В районной газете «Роте Фане» за 6 апреля 1933 года опубликована заметка о первом районном слете колхозников-ударников в Гальбштадте. Внедрялось социалистическое соревнование в трудовых коллективах. Из колхоза «Ясная Поляна» (Синеозерное) в слете принимали участие бригадир Франц Ягер и передовой колхозник Петр Фризен. Ягер выступил перед участниками слета и сообщил, что колхоз образцово подготовился к весеннему севу, колхозные лошади находятся в хорошем состоянии, сбруя, инвентарь готовы к выезду в поле. Петр Фризен избран делегатом на краевой слет колхозников-ударников.

Газета «Коллективист» поместила выступление Фризена, который сообщил о том, что каждый колхозник Синеозерного имеет в личном подсобном хозяйстве корову. Многие

колхозники сдали в колхоз телят для пополнения общественного стада, в котором числилось к тому времени всего 10 коров. Фризен сообщил также, что колхоз «Ясная Поляна» и многие колхозники выращивают кроликов. Сельская школа также имеет небольшую кроличью ферму.

Председатель колхоза имени Карла Либкнехта Петр Варкентин пишет в газете, что земледельцы колхоза 15 апреля приступили к выборочному сверхраннему севу зерновых, посевную кампанию завершили к 5 мая 1933 года. Остается добавить, что результатом такого раннего сева был низкий урожай в 3,6 центнеров зерна с гектара.

Газета часто критиковала колхоз «Хлебороб» (с. Черновка), где особенно плохо шли дела. Сообщалось, что председатель колхоза Корней Дик и бригадир Крекер самоотстранились от руководства колхозом. В результате бесхозяйственности колхоз несет большие убытки. Газета писала также о бесхозяйственности в колхозе имени Ленина (Лесное), где председателем был Иван Левен. Колхоз не подготовился к уборке урожая 1934 года, посеvy зерновых заросли сорняками, сенокос не организован, сельхозинвентарь не отремонтирован. Газета писала, что Левен оказался кулацким элементом и что он причинил колхозу убыток в 4000 рублей. Левен был снят с работы и отдан под суд.

Лучше шли дела в колхозе «Новый путь» (председатель Давид Регер). 16 апреля 1934 года районная газета «Роте Фане» поместила рапорт правления колхоза о том, что сверхранний сев (шламзат) в хозяйстве проведен за один день вручную.

В рапорте сообщалось также, что все колхозники подписались на государственный заем.

В марте 1934 года в Орлове была организована МТС во главе с директором Александром Адамовичем Кнаузом, который в 1938 году стал жертвой сталинских репрессий. МТС была создана на усадьбе бывшего волостного правления. Государство сразу выделило ей 55 тракторов, 18 комбайнов, 11 грузовиков и один легковой автомобиль, а также 6 лошадей и 6 коров. Орловская МТС обслуживала 26 колхозов Немецкого района.

По замыслу сталинского руководства МТС должны были служить дальнейшему укреплению колхозного строя, способствовать росту производства сельхозпродуктов и поступления их в государственные закрома. На самом деле МТС стали кроме того административными надсмотрщиками и

идеологическими толкачами. Ведь не случайно при машинно-тракторных станциях были созданы политотделы, которые, находясь в ведении органов госбезопасности (ОГПУ), играли ответственную роль недремлющего ока «отца всех народов». МТС сковывали экономическую самостоятельность колхозов. В результате того, что они выполняли в них подавляющую часть полевых работ, колхозное крестьянство отчуждалось от земли и главных орудий производства — тракторов и других машин. К тому же МТС выкачивали из колхозов неоправданно высокую долю прибылей и сельхозпродуктов в виде натуроплаты.

О роли и деятельности политотдела Орловской МТС необходимо рассказать особо. В постановлении ЦК ВКП(б) указывалось, что политотделы МТС призваны «обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства».

Начальником политотдела Орловской МТС назначен был Р.Кугель, который одновременно исполнял обязанности заместителя начальника районного отдела ГПУ. Политотдел имел в Орлове свой печатный орган — немецкую газету «Фюр социалистиче дисциплин» («За социалистическую дисциплину»), редактором которой был А.Винтер. Газета выходила один раз в пять дней небольшим форматом.

В первом номере этой газеты от 8 мая 1934 года начальник политотдела Кугель обращается к читателям со словами: «Наш политический отдел призван до конца выполнить поставленную товарищем Сталиным задачу — ликвидировать кулачество как класс, способствовать организационно-хозяйственному укреплению колхозов и претворить в жизнь сталинский лозунг «Сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными»».

В том же номере газеты на первой странице отведено место для «Доски почета» и для «Черной доски». На «Доску почета» занесены колхозы «Ясная Поляна» (председатель Г.Браун) и «Новый путь» (председатель Д.Регер), колхозы «Хлебороб» (председатель К.Дик) и имени Карла Либкнехта (председатель Варкентин) стоят на «Черной доске» по итогам проведения весеннего сева.

В заметке «Следуйте примеру передовиков» говорится, что трактористы Орловской МТС Левен, Изаак и Вибе, работающие

на весеннем севе на полях колхоза имени Макса Гельца, сев пшеницы ведут комбинированными агрегатами: к трактору одновременно прицепляют 4-лемешный плуг, дисковую сеялку и борону, что дает значительно экономии средств и ускоряет сев. Семена ложатся в сырую почву. Газета также сообщает, что из Александровки исходила инициатива об открытии во всех колхозах района детских яслей и садов, общественных столовых, чтобы все женщины могли активно работать в общественном хозяйстве.

Но, просматривая подшивки газеты за 1934 год, можно легко убедиться, что заметок с положительными примерами работы колхозов было мало. Ситуация с хлебосдачей по Сибири, да и по всей стране оставалась сложной. Сталинское руководство решило с 1 января 1935 года отменить в СССР карточную систему на продовольствие. Для этого в первую очередь нужен был хлеб. И заготовка его продолжалась с большим нажимом.

Первого июля 1934 года вышло постановление Пленума ЦК ВКП (б) о запрещении свободной продажи хлеба колхозами и единоличными крестьянами до полного погашения ими всех планов государственных поставок зерна.

И в деятельности политотдела Орловской МТС и его газеты основные усилия были сконцентрированы на борьбу за хлеб, на «выявление кулаков, вредителей и саботажников» хлебосдачи. После трех неурожайных лет в 1934 году колхозы Орловской МТС вырастили неплохой урожай — более 12 центнеров зерна с гектара, но из-за поздней весны и ненастной погоды осенью уборка урожая затянулась. Еще 11 декабря 1934 года газета политотдела открывалась призывом «Выше темпы обмолота зерновых!».

Вместо объективного анализа положения дел и просчетов отдельных руководителей колхозов газета печатала разгромные статьи о вредителях и саботажниках, подрывающих колхозный строй. Функции политотдела состояли в основном в репрессиях и чистках колхозов от «кулаков и вредителей», проникших туда якобы тихой сапой и занимавших посты бригадиров, председателей, счетоводов, кладовщиков.

Газета политотдела, районная и краевая газеты из номера в номер помещали портреты Сталина, цитаты и выдержки из его речей. Достаточно привести некоторые заголовки газет 1934 года, чтобы получить представление о том, что творилось тогда в наших деревнях: «Сурово накажем саботажников хлебосдачи!», «10 лет лишения свободы за бесхозяйствен-

ность», «Высшая мера наказания банде контрреволюционных вредителей из колхоза «Рот фронт!»: «10 лет тюремного заключения за поломку молотилки», «Объявим беспощадную борьбу с классовым врагом!», «Перед нами поставлена задача очистить колхозы от классово-враждебных элементов!» и другие подобные призывы.

Не удовлетворенный ходом хлебозаготовок, Сталин в сентябре 1934 года посылает в Западную Сибирь особоуполномоченного Молотова для принятия чрезвычайных мер. И надо сказать, что Молотов «потрудился» тогда на славу. Он прибыл тогда и в Славгород, где собрал совещание партийных и советских руководителей кулундинской группы районов. Вместе с Молотовым на совещание прибыли секретари Запсибкрайкома партии, работники крайисполкома и начальник управления ОГПУ с группой своих сотрудников.

На совещании в Славгороде, которое состоялось в клубе воинской части, по свидетельству очевидцев, Молотов вел себя грубо, не давал выступающим спокойно объяснить положение дел, обрывал их оскорбительными репликами. Особую нетерпимость он проявил к представителям Немецкого района. Молотов прямо на совещании дал распоряжение начальнику ОГПУ немедленно выехать в Немецкий район и на месте «разобраться» с саботажниками уборки урожая и хлебосдачи.

«Наш ответ на посещение товарища Молотова гласит: Не позднее 20 сентября завершить уборку зерновых и выполнить план хлебосдачи!» — писала газета политотдела Орловской МТС в выпуске за 13 сентября 1934 года. Все колхозники знали, что такой призыв был тогда нереальным, так как больше половины зерновых стояло еще на корню, а дожди мешали уборке. Доходило до того, что в колхозах с токов развозили по хатам колхозников влажное зерно, чтобы просушить на печках и в примитивных сушилках, а затем отправить на элеватор. Газета от 24 сентября 1934 года даже напечатала инструкцию о том, как в домашних условиях сушить зерно.

После нагоняя Молотова руководству Немецкого района крайком партии в пожарном порядке обязал начальника райотдела ОГПУ Коопа и прокурора Фриша в двухдневный срок «разобраться» со всеми «саботажниками» хлебосдачи. Сотрудники карательных органов, конечно же, постарались. Но через несколько дней решением бюро Западносибирского крайкома ВКП(б) были сняты с работы и исключены из

партии также и руководители Немецкого района — первый секретарь райкома И. Вильгаук, председатель райисполкома Динкель, прокурор Фриш, начальник ОГПУ Кооп, директор Гальштадтской МТС Борст и ряд других работников райкома и райисполкома. 33 человека из числа аппарата и актива района были тогда арестованы и отданы под суд. Судьба этих лиц подробно описана в книге Виктора Бруля «Немцы в Западной Сибири», изданной в 1995 году.

Судя по архивно-следственному делу, из этой группы арестованных в живых остался только Павел Георгиевич Борст. Остальные были расстреляны или погибли в лагерях НКВД. Спустя 50 лет все были реабилитированы посмертно, а Иосиф Андреевич Вильгаук решением Новосибирского обкома КПСС от 20 октября 1989 года был восстановлен в партии с 1926 года — посмертно.

В Орловской МТС и в колхозах началась так называемая чистка партии, хотя партийная организация насчитывала тогда всего 20 членов. «Очистим партийные ряды и местные Советы от антисоветских и вредительских элементов!» — призывала газета «За социалистическую дисциплину» 18 сентября 1934 года.

Изредка в газете можно было прочитать также заметки о хорошей работе колхозных хлеборобов и механизаторов МТС. Так, 30 августа 1934 года в газета сообщила о том, что Исаак Левен из колхоза имени Макса Гельда на уборке зерновых вручную связывает по 400 снопов в день, что в полтора раза превышает норму выработки. В том же номере газеты напечатана корреспонденция о самоотверженной и добросовестной работе тракториста Генриха Классена в колхозе «Ясная Поляна». Сообщается, что дирекция МТС премировала Классена бесплатной путевкой на экскурсию на Челябинский тракторный завод.

В заметке «Александровка — пример для всех» говорится, что в этом селе образцовый порядок, все хаты колхозников и общественные здания побелены, на усадьбах и в палисадниках растут цветы и деревья. Тем временем в соседней Черновке беспорядок и антисанитария, потому что председатель колхоза «Хлебороб» Корней Дик безалаберный хозяин, — пишет газета.

Несмотря на неблагоприятные погодные условия, некоторые колхозы все же приблизились к завершению уборки и к выполнению плана хлебосдачи. 14 октября 1934 года газета сообщала, что колхозы имени Клары Цеткин и имени

Карла Либкнехта выполнили план хлебосдачи и приступили к выдаче зерна колхозникам на трудодни. Под заголовком «По пути к зажиточной жизни» газета писала, что в Луговом (председатель П.Варкентин) колхозникам выдают по 20 кг хлеба на каждый заработанный трудодень. Семье колхозника Давида Тейхриба причиталось около 100 центнеров зерна, семье Генриха Янцена — 52 центнера, Генриха Тевса — 32 центнера, Марии Креккер — 32 центнера, Сюзанны Вильман — 25 центнеров. Колхозу имени Карла Либкнехта было вручено переходящее красное знамя райкома и райисполкома и выделено товаров массового спроса на 1000 рублей для продажи колхозникам. Но обмолот зерновых и в этих колхозах продолжался.

Из районной сводки о ходе уборки и хлебосдачи видно, что по состоянию на 25 октября 1934 года в колхозах Орловской МТС план хлебосдачи был выполнен на 67%, заскирдовано зерновых — 81% и обмолочено — 27%.

Выполняя указания Молотова о беспощадной борьбе с саботажниками хлебосдачи, политотдел Орловской МТС, райотдел ОГПУ и прокурор района усилили репрессии против руководителей и рядовых членов колхозов. Чтобы читатели получили представление о том, каким образом тогда происходила «чистка» наших колхозов от «кулаков и вредителей», приведу материалы газеты «Фюр социалистише дисциплин» за 10 ноября 1934 года, где напечатан отчет-репортаж о собрании колхозников в Синеозерном, на котором «чистились, разоблачались и ликвидировались классовые враги и кулацкие элементы». И это делалось в то время, когда в колхозе «Ясная Поляна» дела шли уже не так плохо. Колхоз был уже близок к выполнению плана госпоставок зерна (98%), заскирдовано было 90% колосовых и 58% обмолочено. Политотдел МТС такие показатели не устраивали, и он начал «выявлять» виновников отставания. При этом начальник политотдела Кугель, его заместитель Шустер и редактор газеты Винтер проявили особое рвение. Еще до начала назначенного собрания они путем шантажа и угроз «уговорили» некоторых колхозников выступить с «разоблачительными показаниями» против своих же членов колхоза.

Все мы теперь знаем, что в Синеозерном в то время кулаков и в помине уже не было. Но политотделу необходимо было доказать, что такие были и что они занимаются вредительством. Мы также знаем, что так называемое раскулачивание и высылка кулаков было жесточайшим

преступлением сталинского режима.

Заголовок газетного репортажа гласил «Честные колхозники «Ясной Поляны» разоблачают классовых врагов».

В своем вступительном слове заместитель начальника политотдела Шустер сказал, что в колхоз «Ясная Поляна» пробрались классово чуждые и кулацкие элементы, которые ведут вредительскую работу. Среди них особо выделяются члены кулацкой семьи Гергарда Классена и его родственники. Политотделу известно, что Классены испокон веков верховодили в Синеозерном и продолжают верховодить здесь и после того, как проникли в 1931 году в колхоз. Политотделу также известно, что Гергарда Классена надо было еще до вступления в колхоз раскулачить и выслать в Нарым, но его тогда прикрыло и спасло классово чуждое районное руководство, которое недавно разоблачено и отстранено от работы.

Далее мы узнаем из газеты, что слово взял на собрании начальник политотдела Кугель. Он сказал: «Работники политотдела Орловской МТС прибыли на собрание в Синеозерное, чтобы помочь честным колхозникам очистить свои ряды от кулацких элементов, которые своими вредительскими действиями мешают выполнить задачу товарища Сталина: сделать колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными. Мы хотим, чтобы колхозники открыто высказывались и выявили противников колхоза».

После такой подготовки начались высказывания отдельных участников собрания. Оговоры и доносы друг на друга были модными в годы сталинской тирании. По понятным соображениям мы сегодня не будем называть фамилии выступавших на том злосчастном собрании колхозников из Синеозерного. Но о нелепых, надуманных «грехах и преступлениях», которые тогда выступающие приписывали мнимым кулацким элементам Синеозерного, необходимо сказать.

«Все члены семьи Гергарда Классена — кулацкие элементы, в колхозе плохо работали. Это его сыновья Петр, Иск и Генрих вели антисоветскую агитацию и требовали от бригадира Якова Левена начислять им незаработанные трудодни. Сам Гергард Яковлевич Классен работал общественным инспектором по качеству в колхозе и во время уборки давал указание косить несозревшую пшеницу. Его зять Генрих Шмидт работал старшим конюхом и допустил падеж

лошадей. Он подмешивал животным в корм измельченное стекло и песок. Заведующая детскими яслями Аганета Классен делила детей на бедных и богатых, при этом за кулацкими детьми в яслях был особый уход и присмотр. Екатерина Яковлевна Классен вела агитацию против подписки на заем. Гергард Классен ведет переписку с родственниками в Канаде, он агитировал против сверхплановой сдачи хлеба государству и т.д. Кулацкую семью Классена надо ликвидировать».

«Франц Францевич Браун — бывший эксплуататор, занимается спекуляцией, ведет переписку с родственниками в Канаде».

Целый ряд нелепых обвинений было высказано против Якова Регера и его сыновей, Ивана Гардера, Абрама Прахнау и других колхозников.

Один из выступающих говорил: «Мы опоздали с чисткой нашего колхоза от кулаков. Поэтому призываю на сегодняшнем собрании покончить с ними и выгнать из колхоза. А мы будем работать еще лучше, чтобы наш колхоз «Ясная Поляна» стал большевистским, как этого требует наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин».

Далее газета сообщает, что на собрании было принято решение об исключении из колхоза и предании суду следующих «классовых врагов»:

**Классена Гергарда Яковлевича,
Классена Генриха Гергардовича,
Классена Исаака Гергардовича,
Классена Петра Гергардовича,
Классена Якова Петровича,
Гардера Ивана Корнеевича,
Классен Екатерина Яковлевны,
Классен Аганеты,
Брауна Франца Францевича,
Прахнау Абрама Корнеевича,
Регера Якова Яковлевича,
Регера Исаака Яковлевича,
Регера Франца Яковлевича,
Шмидта Генриха Давидовича,
Рора Франца Яковлевича.**

А колхозники Франц Ягер и Исаак Берг, которые на собрании против своих земляков не выступили, были строго предупреждены, что если и впредь не будут помогать разоблачать классовых врагов, то они также будут исклю-

чены из колхоза.

Спустя несколько дней в газете были опубликованы такие объявления: «Я, член колхоза «Ясная Поляна» Николай Браун, порываю связь с моим приемным отцом-кулаком Брауном, исключенным из колхоза. Обязуюсь честно трудиться, отдавать все силы строительству социализма и вести беспощадную борьбу с классовыми врагами. Н.Браун. 12 ноября 1934 года».

Чуть ниже в той же газете мы читаем:

«Наш отец Прахнау Абрам Корнеевич исключен из колхоза как классовый враг. Поэтому мы, его дети Петр и Маргарита, отказываемся от него. Мы будем бороться против всех классовых врагов и работать так, чтобы наш колхоз стал большевистским.

Синеозерное, 12 ноября 1934 года П.Прахнау, М.Прахнау».

Вот до чего довела людей сталинская человеконенавистническая идеология. Детей заставляли предавать родителей и отказываться от них. Вот почему Сталин тогда и выдвинул лозунг «Сын за отца не отвечает».

Старожилы Синеозерного Зара Генриховна Унгер-Левен, Иван Яковлевич Рейтер помнят названных выше «классовых врагов» и говорят, что все обвинения и высказывания против них на собрании были ложными и нелепыми, сфабрикованными и выдуманными работниками политотдела. В ноябре 1934 года в этом селе кулаков уже давно не было, а названные на собрании люди были работающими крестьянами. Детей Абрама Корнеевича Прахнау и Николая Брауна политотдел под угрозой ареста и ссылки заставил отречься от родителей.

17 ноября 1934 года газета политотдела поместила заметку под заголовком «Женщины разоблачают классовых врагов», где говорится о том, что в колхозе «Ландман» в период уборки урожая и хлебосдачи с помощью женщин было разоблачено несколько классово чуждых элементов. В газете за 26 ноября сообщается, что руководители колхоза «Новый путь» (с. Дворское) председатель Д.Регер, бригадир Левен, счетовод Креккер и кладовщик А.Левен арестованы за саботаж хлебосдачи. «Пусть арест руководства колхоза «Новый путь» послужит предупреждением для всех колхозных руководителей!» — поучала газета.

29 ноября газета сообщает, что ученики Орловской ШКМ

Арон Вильмс, Петр Клипенштейн, Андрей Фоот, Елена Тиссен, Генрих Янцен, Гергард Эверт и другие провели пионерский рейд по животноводческим фермам колхоза «Ландман» и обнаружили вредительскую работу классовых врагов. Заметка заканчивается призывом: «Пионеры, следуйте примеру орловских учеников, разоблачайте происки врагов и вредителей!»

В ноябре 1934 года Москва прислала на должность первого секретаря Немецкого райкома партии Юлиуса Бергера, работавшего до того в партийном аппарате Автономной Республики Немцев Поволжья. Бергер отличался от своих предшественников крайней жестокостью. Не случайно краевая газета «Советская Сибирь» 15 ноября 1934 года писала: «Новое руководство Немецкого района ведет сейчас большую работу по очистке колхозов, сельсоветов и районных учреждений от чуждых и кулацких элементов». В начале 1938 года Бергера постигла участь его предшественника: он был расстрелян.

В результате огромных усилий и ряда чрезвычайных мер труженики колхозов Немецкого района выполнили план госпоставки зерна. Секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Сергеев поздравил тружеников района с этой победой и писал в районной газете «Роте Фане» 6 ноября 1934 года: «Эта победа достигнута благодаря разгрому кулацко-оппортунистского районного руководства, вредителей и саботажников ряда хозяйств района». Как и всегда в те годы, вместо объективного анализа просчетов и промахов секретарь крайкома ссылаясь на происки вредителей и кулаков.

План поставок зерна был выполнен, но обмолот колосовых в колхозах затянулся до глубокой зимы. Продолжалась и хлебозаверстка. Все излишки хлеба — государству! Не дадим хлеб в руки спекулянтов! Под такими лозунгами шла заготовка и закупка хлеба в колхозах и у колхозников, которые в 1934 году получили от 10 до 20 килограммов хлеба на трудодень. Потребкооперация организовала встречную торговлю под закупки хлеба. Колхозники приобретали ткани, одежду, обувь, велосипеды, патефоны и другие вещи. После неурожайных и голодных предыдущих трех лет снова закужились жернова и вальцы Александровской и Гальштадской паровых мельниц, и колхозницы пекли ароматные караваи из белой пшеничной муки.

ПОСТЕПЕННЫЙ ПОДЪЕМ

С 1 января 1935 года в нашей стране была отменена карточная система на продовольственные товары. И вообще все последующие довоенные годы были отмечены некоторым улучшением хозяйственной деятельности колхозов. Они организационно стали укрепляться. В феврале 1935 года на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников был принят Примерный устав сельхозартели, который гарантировал каждому колхознику личное подсобное хозяйство. Личное подворье способствовало некоторому повышению жизненного уровня колхозников. Политотделы МТС были упразднены, они выполнили свою задачу по «выявлению врагов».

Государство оказывало сельскому хозяйству страны все более ощутимую помощь, хотя доходы колхозов росли медленно из-за очень низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Рост индустриализации страны, который в основном осуществляется за счет крестьянства, ускорила оснащение МТС новой сельскохозяйственной техникой. Если на полях колхозов до 1935 года использовались в основном импортные тракторы «Фордзон», «Интенационал», «Джон Дир», «Кейс», то теперь машинный парк Орловской МТС пополнялся более мощными тракторами советских марок СТЗ, ХТЗ, ЧТЗ, а также комбайнами и грузовыми автомобилями советского производства.

Опираясь на новую технику, колхозы стали постепенно улучшать свою хозяйственную деятельность. Этому способствовали и новый Устав сельхозартели, и установление примерных норм выработки и оценки их. Но не хватало кадров для ведения коллективных хозяйств. Бригадирами и председателями колхозов работали практики с начальным образованием, а то и малограмотные крестьяне. Да и те очень часто менялись. Ветеран колхоза Елена Исааковна Вибе подсчитала, что в Орлове за 40 лет сменилось 30 председателей колхоза.

В Немецком районе велась определенная работа по подготовке кадров для колхозов. В Гальбштадте и селе Красном были открыты районные колхозные школы (РКШ), где на

постоянных курсах обучались трактористы, комбайнеры, агрономы, веттехнику, пчеловоды, садоводы, счетоводы, заведующие детскими яслями колхозов. В колхозах было развернуто ефремовское движение за получение высоких урожаев яровой пшеницы. Инициатором нового движения выступил тогда известный колхозник-опытник Михаил Ерофеевич Ефремов в колхозе «Искра» Белогразовского района Алтайского края. Ефремовские звенья работали во всех колхозах.

Все больше тракторов и комбайнов работало на полях колхозов. Но колхозы продолжали оставаться экономически слабыми и убыточными из-за того, что государство за бесценно брало у них продукцию полей и ферм. В нарушение основных начал воспроизводства, труд колхозников оплачивался из остатков, если таковые оказывались в колхозах после выполнения обязательных поставок и натуроплаты МТС.

В условиях сталинского тоталитарного режима взаимоотношения государства и колхозов строились на основе командно-административных методов управления, подрывающих принципы колхозной демократии. Они спускали планы, давали команду колхозам что и когда сеять, когда убирать. Колхозы были лишены права распоряжаться своими производственными фондами, средства, находившиеся на их счете в банке, были лишены инициативы и самостоятельности. Все это обрекало их на экономическое отставание. Колхозники получали на трудодни жалкие крохи, а в неурожайные годы и вовсе ничего, потому что из колхозных амбаров выгребали все начисто.

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ

Ко всем бедам на наши колхозы обрушилась в 1937—1938 годах и волна сталинских репрессий. Малограмотные руководители и рядовые колхозники, знавшие лишь немудреные тайны крестьянского труда, вдруг становились японскими или немецкими шпионами, участниками контрреволюционной фашистской диверсионно-повстанческой организации, за что органами НКВД арестовывались и расстреливались. Черные дни наступали для жителей наших деревень и по всей стране. В зловещую пору кровавых сталинских репрессий невинно погибли и пострадали миллионы советских людей.

Точного учета жертв сталинских репрессий нет, но путем опроса старожилы наших деревень удалось установить, что в Орлове были арестованы и погибли:

Брейль Гергард, Варкентин Иван, Вибе Исаак, Вибе Генрих, Гиберт Данил, Гамм Август, Дик Петр, Дик Корней, Кнаус Александр, Крекер Бернгард, Петкау Петр, Ремпель Исбрант, Ремпель Арон, Ремпель Петр, Регер Иван, Рихерт Исаак, Рихерт Иван, Рихерт Яков, Рихерт Дитрих, Фламинг Яков, Янцен Петр, Янцен Яков. Всего 22 человека.

В Луговом жертвами репрессий стали:

Варкентин Гергард, Варкентин Петр, Вильмс Гергард, Вильмс Абрам, Вильмс Яков, Варкентин Абрам, Дик Генрих, Исаак Петр, Нейфельдт Абрам, Нейфельдт Петр, Нейфельдт Абрам, Тевс Абрам, Тевс Иван, Тевс Петр, Тиссен Петр, Тевс Николай, Унру Давид, Янцен Генрих. Всего 19 человек.

Жертвы репрессий в Ясном:

Дик Яков (отец), Дик Яков (сын), Дик Арон, Дик Петр, Дик Иван, Каздорф Иван, Каздорф Яков, Каздорф Генрих, Левен Гергард, Левен Иван, Нейфельдт Петр, Нейфельдт Корней, Фаст Иван, Фаст Абрам, Фризен Яков (отец), Фризен Яков (сын), Фризен Генрих, Фризен Давид, Фризен Петр, Фризен Иван, Унру Давид, Унру Иван, Янцен Генрих, Янцен Иван - всего 24 человека.

Жертвы репрессий в Синеозерном:

Браун Франц, Берг Исаак, Вейс Гергард, Гизбрехт Генрих, Гизбрехт Александр, Гизбрехт Петр, Гердер Николай, Гардер Корней, Гардер Иван, Гардер Петр, Дик Гергард, Клипенштейн Петр, Классен Гергард и его сыновья Петр,

Генрих, Иван и Гергард, Левен Яков, Прахнау Абрам, Реймер Петр, Регер Яков и его сын Исаак, Шмидт Генрих, Ягер Франц, Ягер Яков, Ягер Исаак - всего 26 человек.

Жертвы репрессий в Александровке:

Вибе Генрих, Гиберт Абрам, Гизбрехт Давид, Дик Борис, Кливер Генрих, Кампен Корней, Левен Исаак, Нейфельдт Франц, Нейфельдт Иван, Пеннер Яков, Пеннер Петр, Паульс Франц, Паульс Корней, Рихерт Абрам, Фризен Франц, Функ Давид, Функ Дитрих, Функ Корней, Шредер Иван, Шредер Абрам, Эверт Абрам, Эверт Давид, Янц Карл — всего 23 человека.

Жертвы репрессий в Лесном:

Гамм Яков, Левен Иван, Плат Генрих, Петкау Петр, Ремпель Яков, Фаст Яков, Фаст Иван, Фаст Яков, Тевс Петр, Шредер Абрам, Шредер Иван - всего 10 человек.

Жертвы репрессий в селе Ольгино:

Апфельбаум Александр, Байдек Вильгельм, Бер Август, Губерт Иван, Диль Христьян, Диль Христьян Христьянович, Орт Корней, Орт Иван, Оберлендер Самуил, Пробст Рудольф, Пробст Карл, Пробст Лукас, Фрей Эмануил, Фонфарер Август, Фишер Эдуард, Теске Густав — всего 16 человек.

Жертвы репрессий в Дворском:

Абрамс Иван Яковлевич, Гамм Генрих, Дик Гергард Петрович, Дик Гергард Корнеевич, Дик Генрих Корнеевич, Дик Яков Корнеевич, Дик Петр (отец), Дик Петр Петрович (сын), Кооп Петр Петрович, Левен Иван Гергардович, Левен Яков Гергардович, Левен Гергард Гергардович, Рихерт Генрих, Регер Иван, Фризен Герман, Фризен Герман Германович (сын), Эннс Класс - всего 17 человек.

157 мужчин из 436 крестьянских хозяйств, самых лучших тружеников-хлеборобов, кормильцев тогда было репрессировано только в восьми маленьких деревнях. По Черновке таких сведений пока нет. По данным краевого управления КГБ только за пять лет (1934—1939 гг.) сталинских репрессий было уничтожено 38 000 жителей Алтайского края. Число женщин, стариков и детей, погибших в ссылке, не поддается учету. Низкий поклон их безымянным могилам!

Во многих местах нашей страны сооружаются памятники жертвам сталинских репрессий. Хочется верить, что в скором времени и в Орлове появится скромный памятник, на котором жертвы сталинских репрессий будут названы поименно.

В 1938 году автор этой книги учительствовал в Орловской

НСШ (неполной средней школе). В школьных классах сидело много детей только что репрессированных отцов. Больно было смотреть на грустные лица этих детей. В их душах было неопишное горе. До недавнего времени их отцы считались примерными тружениками в колхозах. И вдруг они оказались «врагами народа»! Ни разум, ни сердце не могли поверить в это. Но об этом мы тогда могли говорить только шепотом, т.к. все боялись тоже быть арестованными. Все люди были напуганы, их заставляли молчать даже тогда, когда их ни в чем не повинных родных и близких уничтожали. Долгие годы советских людей заставляли верить в «светлое будущее» и осуществлять «мудрые предназначения вождя народов». Даже кровавые репрессии, беззаконие и произвол надлежало воспринимать с «глубоким воодушевлением».

Мне, как бывшему учителю, помнится, что нам в школе на политзанятиях и уроках положено было изучать вышедший тогда «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором вычеркивалось из правдивой истории и переиначивалось то, что было известно о партии и революции. Все революционные события, победы в гражданской войне и достижения нашей страны в той книге приписывались гению, который, словно бог, творил историю. На уроках и внеклассных занятиях учителя разучивали с детьми песни и стихи «О Сталине мудром, родном и любимом»:

*Любимый вождь, отец родной,
Громя врагов, со всей страной
Ты, Сталин, создал дивный строй!
Со Сталиным вольно живется на свете:
Как яркое солнце, он греет и светит,
Пути пролегают к великой победе,
Чтоб радостней было и взрослым и детям, — и т.д.*

Вся страна увешана была портретами вождя народов. Ни один доклад, ни одно выступление ораторов тогда не могли начинаться и заканчиваться иначе, чем здравицей в честь великого, гениального, горячо любимого товарища Сталина. И после каждой такой здравицы все слушатели обязаны были вставать и аплодировать несколько минут. Между тем, чем громче аплодировали Сталину, тем все больше людей по ночам арестовывали. В газетах и радиопередачах звучало

безудержное, не знающее никаких пределов возвеличивание Сталина. С высоких кремлевских трибун Сталин и его приспешники говорили о новой сталинской конституции, о невиданном расцвете демократии и торжестве ленинской национальности политики в СССР, а на деле творили произвол и беззаконие.

Результатом такого беззакония и отступления от прежних принципов национальной политики явилось тогда и упразднение национального Немецкого района, закрытие национальных школ, немецких газет и культурно-просветительных учреждений. Делалось это по указанию из Москвы. Оргбюро ЦК ВКП (б) по Алтайскому краю приняло 13 февраля 1938 года постановление «О реорганизации национальных школ». Детей, которых мы до того обучали на родном немецком языке, с 1938/39 учебного года надо было одним махом переучивать на русском. Немецкий язык вовсе был изъят из учебной программы. Все это отрицательно сказалось на уровне знаний немецких учащихся. Немецкие учителя, недостаточно владеющие русским языком, были уволены из школ.

Писатель Владимир Николаев в своей книге «Московский романс» справедливо спрашивает: «С чем можно сравнить по силе пережитых народом душевных потрясений те годы, именуемые периодом культа личности Сталина?» И отвечает: «Ни с чем! Даже с войной нельзя! Как страшна она ни была, но она длилась только 4 года. А период культа Сталина 30 лет — до 5 марта 1953 года. Официально он завершился в 1956 году на XX съезде партии».

Старожилы и ветераны колхоза хорошо помнят страшное время сталинщины. Они говорят, что во второй половине 30-х годов колхозы мало-мальски стали становиться на ноги. В 1938 году в Кулундинской степи был богатый урожай. Хозяйства Орловской МТС получили в среднем по 19,8 центнеров зерна с гектара, и на трудодень колхозникам приходилось по 20 килограммов. Но успехи хозяйственного и социального развития колхозов в конце 30-х годов могли быть и выше, если бы хозяйства не потеряли так много хороших трудоспособных людей в результате необоснованных репрессий и если бы на колхозы не давил пресс сталинской командно-административной системы управления. Арестованы были руководители Орловской МТС директор Александр Кнаус,

механик Яков Янцен, главный бухгалтер Данил Гиберт, многие специалисты и механизаторы.

Немецкий национальный район был ликвидирован осенью 1938 года. Район просуществовал всего 11 лет. Потенциальные возможности экономического и социального развития Немецкого района в условиях эмиграции населения, засухи и жесточайших репрессий не могли быть развернуты. После упразднения Немецкого района колхозы Орловской МТС попали под административное руководство Знаменского района, где продолжалась принудительная хлебозаготовка, хотя немецкие колхозы сдали много сверхпланового зерна, за что государство им впервые выделило по грузовому автомобилю.

В Лесном, Александровке, Синеозерном, Дворском, Луговом появились грузовики «ГАЗ-АА», которые стали большим подспорьем для колхозов. В колхозе «Ясная Поляна» первым шофером стал Иван Гергардович Никель (см. фото).

О делах наших девяти колхозов в конце 30-х годов мы узнаем кое-что из Знаменской районной газеты «За большевистские колхозы». 20 ноября 1938 года газета сообщила, что население Александровского, Дворского и Орловского сельских Советов перевыполнило задания по подписке на государственный заем, 2 октября появилась заметка о том, что колхозы Орловской МТС выполнили план взмета зяби.

По сообщениям газеты колхозы Орловской МТС в 1939 году также вырастили хороший урожай зерновых. Рекордной выработки добился на уборке передовой комбайнер Гергард Варкентин. За 5 дней он прицепным комбайном «Сталинец» убрал 170 гектаров зерновых в колхозе «Ландман» (Орлово). Комбайнер Петр Иванович Левен на комбайне «Коммунар» убрал за пятидневку в колхозе имени Клары Цеткин 120 гектаров. Колхоз имени Макса Гельца (Александровка) 14 августа первым в районе приступил к отгрузке зерна государству.

30 июля 1939 года газета назвала участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. Среди них были: доярка Аганета Абрамовна Вибе из Александровки, надоившая в 1938 году по 2540 литров молока от каждой из 9 закрепленных за ней коров; Яков Иванович Кригер — свиновод из той же деревни, получивший от 10 свиноматок 204 поросенка; коллектив молочно-товарной фермы колхо-

за «Ясная Поляна» (Синеозерное), добившийся среднего надоя по 19 центнеров молока от коровы; коллектив молочно-товарной фермы колхоза имени Макса Гельца (Александровка), добившийся в 1938 году надоя по 17,6 центнеров молока от каждой коровы.

Уборка зерновых в 1939 году в колхозах затягивалась из-за нехватки людей и техники. Сказывалась неопытность многих молодых девушек-трактористок и комбайнеров, заменивших репрессированных мужчин-механизаторов. Газета «За большевистские колхозы» еще в марте 1940 года открывалась призывом «Мобилизуем все силы на быстрейшее завершение обмолота и вывозки хлеба государству!»

Обстановка в колхозах была сложной. Зимой 1939—40 года повсюду снова проводилась жесткая кампания хлебозаготовки. В деревнях сидели уполномоченные райкома и райисполкома и в принудительном порядке изымали хлеб из колхозных амбаров и кладовок колхозников. Свободная торговля зерном или мукой на базарах была запрещена. Зерно требовалось сталинскому руководству для отправки в фашистскую Германию, с которой был заключен договор о дружбе и ненападении. Эшелоны с советским зерном шли в Германию вплоть до 22 июня 1941 года, т.е. до рокового дня нападения фашистов на СССР.

Тем временем в наших деревнях начался голод из-за того, что хлебные запасы были выгребены под метелку, а 1940 год был засушливым. Урожайность составила 1,5—2 центнера зерна с гектара. Собранный урожай колхозы сдали государству, а трудодни снова остались пустыми. В результате колхозники пухли и умирали от голода. По свидетельству учителя Андрея Абрамовича Фоота, в Дворском зимой 1940—41 годов от голода умерли колхозники Арон Регер, Иван Дик и несколько детей. Особенно много людей умерло тогда в Черновке, Луговом и Александровске. В таком тяжелом положении находились колхозы и колхозники накануне Великой Отечественной войны.

Посмотрим, что представляли собой наши колхозы в то время. Показатели таблицы взяты из годовых отчетов девяти колхозов за 1940 год.

Таблица 2

Колхоз, фамилия председателя	Закре- плено земли, га	К-во дво- ров	Насе- ление, чел.	Нали- чие лоша- дей	Нали- чие коров	Дене- жный доход, тыс. руб
им. Макса Гельца, Гардер Ф.А.	2020	88	318	51	36	70,2
«Новый путь», Регер Д.Д.	1496	48	204	35	37	58,3
«Красный борец», Лоренц А.Ф.	1204	44	164	29	22	49,1
им. К.Либкнехта, Нейфельдт И.	1198	36	143	28	23	31,2
«Ландман», Гутяр Р.С.	1330	44	186	64	21	39,7
«Хлебороб», Теске Г.К.	1600	38	156	25	20	46,6
им. Ленина, Фризен Г.Д.	1803	48	193	25	29	79,8
им. К.Цеткин, Реймер Д.И.	1426	48	188	37	26	71,0
«Ясная Поляна», Фризен Я.Ф	1650	42	161	27	24	42,0
ИТОГО:	13727	436	1713	321	238	487

СУРОВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

1941 год начался в наших колхозах с больших трудностей. Сказывались последствия сильной засухи предыдущего года, нехватка хлеба для людей и кормов для скота. Зимой выпало много снега, и колхозники, особенно ефремовские звенья, старались побольше задержать его на полях путем сооружения снежных валов и щитов. Эту трудоемкую работу выполняли в основном женщины и девушки. Они же собирали в деревнях у колхозников золу и птичий помет для удобрения ефремовских участков.

Весенний сев в хозяйствах был проведен успешно. Как писала газета, «в конце мая выпали осадки, и колхозные поля обещали дать хороший урожай».

Из районной газеты «За большевистские колхозы» за 25 мая 1941 года мы узнаем, что колхоз «Ясная Поляна» был награжден дипломом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Сообщается также, что колхоз первым в районе 20 мая закончил весенний сев. Лучших показателей добились на весенне-полевых работах трактористы Петр Дик и Франц Ягер, прицепщики Петр Ягер и Катя Ягер. Колхоз засеял 591 гектар зерновыми культурами.

В том же номере газеты Яков Вибе пишет об успехах садоводческой бригады колхоза имени Макса Гельца. Фруктово-ягодный сад в колхозе был заложен еще в 1934 году садоводом-любителем Иваном Соломоновичем Нейфельдом. С тех пор этот сад давал ежегодно неплохие доходы. Руководила этой бригадой Елизавета Абрамовна Кампен.

Но вот настал роковой день 22 июня 1941 года. В наших местах стояла теплая солнечная погода. Было воскресенье. Кто из сельчан отдыхал, кто работал на своем приусадебном участке. И вдруг, уже после обеда, по радио было передано выступление В.Молотова о том, что фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, которая стала трагедией для всех народов нашей страны, но для советских немцев она стала трагедией вдвойне. К общим тяготам, которые выпали

на долю всех народов нашей страны во время войны, добавились несправедливые обвинения, высылка из западных областей, Крыма, Кавказа и Поволжья в Сибирь и Казахстан. Понятие «немец» окрашивалось тогда в коричневые тона, бросалась тень недоверия на совершенно непорочных людей.

Известно, что многие советские немцы с первых дней войны мужественно сражались плечом к плечу с воинами других национальностей против гитлеровских захватчиков. Среди них были и красноармейцы из Орлова, Синеозерного, Дворского, Лесного и других наших поселков: Абрам Левен, Иван Клипенштейн, Александр Теске, Генрих Диль, Яков Гофман, Андрей Беккер, Иван Шмидт и др. К началу войны они находились на действительной службе в Красной Армии. Но недолго пришлось им воевать против фашистов. На основании приказа Сталина от 8 сентября 1941 года военнослужащие из числа советских немцев были сняты из частей, академий, военноучебных заведений и учреждений Красной Армии как на фронте, так и в тылу и отправлены в трудовую армию.

Иван Эпп, педагог, ныне живущий в ФРГ, писал в газете «Нойес лебен»: «Я окончил Славгородский педтехникум и учительствовал в селе Малышевка, был комсомольцем. Осенью 1941 года подал заявление об отправке меня на фронт, но вскоре меня вызвали в Знаменский райвоенкомат Алтайского края, и военком с ухмылкой спросил: А разве ты не знаешь, что мы воюем с немцами, а ты тоже немец?! Такой вопрос лишил меня дара речи. Я только смог вымолвить: «Но я комсомолец!» — «Какой ты комсомолец, ты — немец!» И после этого меня 2 февраля 1942 года отправили в трудармию. Сначала мы работали на строительстве железной дороги Барнаул — Сталинск (ныне Новокузнецк), а потом нас отправили на шахты Тульской области, где я трудился до 1947 года».

А деревни наши в то тревожное время быстро опустели. Из колхозов и МТС на фронт были отправлены лучшие лошади, брочки, гусеничные тракторы и автомобили. На трудовой фронт пошли мужчины, затем и женщины от 15 до 55 лет.

В тылу надо было собрать урожай, который в 1941 году был неплохим. Первые намолоты давали по 15—18 центнеров зерна с гектара. Но жатва затянулась из-за нехватки людей и техники. В колхозах оставались ведь только ста-

рики, женщины с малолетними детьми и подростки. На их плечи легла тогда вся нелегкая работа. На жатве они сбрасывали колосовые с лобогреек, грузили зерно и солому, отвозили зерно на лошадях и волах на Славгородский элеватор. При Орловской МТС были организованы курсы трактористов и комбайнеров для девушек. Отдельных механизаторов и специалистов военкомат оставлял в МТС по броне. Они и научили девушек водить тракторы и комбайны. Назовем лишь некоторых из них: Анна Гардер, Екатерина Ягер, Аганета Фризен, Екатерина Реймер, которые в годы войны работали на тракторах и комбайнах в колхозе «Ясная Поляна».

Самоотверженным трудом в тылу советские немцы помогали ковать победу над фашистскими захватчиками. Они трудились в колхозах, на стройках, в шахтах, на лесоповале и на заводах в чрезвычайно трудных условиях. Мобилизованных в трудовую армию немцев загоняли в лагеря системы ГУЛАГа, где они использовались как заключенные, без оплаты их труда. Советские немцы на трудовом фронте в невероятно трудных условиях много сделали для победы над фашизмом.

Нужно со всей определенностью сказать, что ни грубое нарушение законности в период сталинского самовластия, ни выселение, ни спецучет и надзор НКВД, ни лагеря трудармии за колючей проволокой, ни подозрения не могли поколебать природное трудолюбие советских немцев. Все эти годы они жили и самоотверженно трудились.

Проиллюстрируем это некоторыми примерами из жизни тружеников наших колхозов. Ветеран труда с 40-летним стажем Иван Гергардович Никель рассказывает: «Я родился в Синеозерном в 1918 году в бедняцкой крестьянской семье. Отец одним из первых вступил в ТОЗ, а затем в колхоз «Ясная поляна». Я окончил 4 класса начальной школы и с 14 лет начал трудиться в колхозе на разных работах. В 1939 году окончил курсы шоферов и до мобилизации в трудовую армию водил колхозный грузовой автомобиль. В числе нескольких тысяч трудмобилизованных немцев с Алтая я попал в Волголаг НКВД. В конце марта 1942 года наш эшелон выгрузили в Ульяновске и поместили в зоне бывшего лагеря заключенных за высокими заборами из колючей проволоки и сторожевыми вышками, на которых стояли стрелки с автоматами. Меня тогда поразило, что

среди нас было немало бывших военнослужащих-немцев, даже командиров различных рангов. Первое время они носили свои мундиры со знаками отличия, а потом поняли, что когда тебя ведут под охраной с овчарками, носить эти мундиры со знаками отличия не имеет смысла. Впрочем, среди нас был и бывший начальник милиции Немецкого района Зименс.

В деревянных бараках мы спали на трехъярусных нарах: а питались в первые дни тем, что прихватили из дома. Привезли нас в Ульяновск на строительство железной дороги Казань — Свияжск, которая прокладывалась в срочном порядке на правом берегу Волги. Распределили нас по колоннам вдоль всей трассы строительства. Шли пешком по весенней распутице. За несколько дней и ночей кое-как добрались до отведенного места, расположились на нарах в палаточном городке, обведенном колючей проволокой. И начали земляные работы на трассе. Земля была еще мерзлой, но мы кирками и ломом копали ее и тачками отвозили на насыпь под железную дорогу. Конечно, это был изнурительный труд, а нормы выработки были такими высокими, что далеко не все трудармейцы способны были их выполнить. А это значило: пониженная пайка хлеба. Плохое питание, изнурительный 12-часовой день, работа без выходных и в любую погоду быстро довели трудмобилизованных до истощения. Начались болезни, дистрофия, дизентерия...

Но мне вскоре повезло. Пригнали к нам грузовые автомобили для перевозки железнодорожных шпал и рельсов. И пригодилась моя профессия шофера. Мне доверили автомобиль с прицепом, на котором я и проработал до конца строительства железной дороги. Поздней осенью 1942 года по железной дороге, построенной немецкими трудармейцами и заключенными, поехали поезда на Сталинград, где разворачивалась битва с фашистскими агрессорами.

После окончания этого строительства колонны трудмобилизованных были расформированы и направлены в другие лагеря НКВД. Я попал в Челябинскую область со своим автомобилем и продолжал работать шофером. Благодаря этому я и выжил. Но условия для трудармейцев на шахтах Копейска и Челябинметаллургстроя были ужасными. Вообще трудармия для наших немцев во многих местах оказалась настоящим концлагерем. Только умерших не сжигали в крематориях, а

сбрасывали в общие ямы, как в скотомогильник».

К сказанному следует добавить, что, по сообщению газеты «Нойес лебен» №48 от 21 ноября 1990 года, на территории Челябинского металлургического комбината, т.е. под сегодняшними горными отвалами, захоронены 20 тысяч трудармейцев-немцев, финнов, венгров и др., умерших от голода и болезней в 1941—1945 годах. В честь этих жертв на этом месте недавно воздвигнут памятник.

Ивана Гергардовича Никеля отпустили из трудармии лишь в 1950 году. Он вернулся к семье в родное Синеозерное и снова сел за руль автомобиля, но спецкомендант МВД Осадчий поставил его на учет как спецпереселенца, хотя он никогда не подвергался выселению. Такая участь постигла тогда многих вернувшихся домой трудармейцев-сибиряков, в т.ч. и автора этой книги. Девять человек из Синеозерного домой не вернулись. Они погибли в трудармии. Назовем их поименно и поклонимся их безвестным могилам: Петр Классен, Иван Роор, Яков, Классен, Иван Классен, Андрей Гооге, Гергард Прахнау, Александр Шварцкопф, Елизавета Гизбрехт, Мария Матис.

Нельзя без волнения слушать ныне уже престарелых женщин из наших деревень, которых в годы войны мобилизовали в трудармию. Им нередко приходилось оставлять малолетних детей на произвол судьбы, работая на лесоповале, на строительстве железной дороги Кулунда — Малиновое озеро, добывая соду из озера, надрываясь от тяжелой физической работы.

В январе 1942 года в поселках Орловского, Дворского и Александровского сельсовета было мобилизовано около 50 женщин и девушек и направлено в город Молотов (Пермь). Среди них была и Анна Гергардовна Классен. Она вспоминает: «Нас привезли в товарных вагонах в Молотов, разместили в землянках лагеря НКВД и послали работать на военный завод. Сначала научили нас работать на станках и штамповочных машинах по изготовлению гильз и снарядов. Работать приходилось по 12 часов в день. Чтобы заработать положенную пайку в 650 граммов хлеба на день, надо было сильно стараться. Нас всегда охраняли часовые, из лагеря не выпускали. Натерпелись всяких унижений, издевательств. Но работали дружно, т.к. знали, что наша продукция идет на фронт. Нам было тяжело, но мы знали

из писем, что дома в наших колхозах жизнь была еще тяжелее. Нам ежедневно давали паяк по карточкам. А дома у колхозников не было хлебных карточек, на заработанные трудовни они получали крошки, т.к. весь собранный урожай обязаны были сдавать государству. Никто не заботился о колхозниках. Они были задавлены всевозможными налогами и поборами».

Анна Гергардовна Классен награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», а также медалями «30 лет» и «40 лет Победы в Великой Отечественной войне».

О том, как работали и выполняли свой долг на трудовом фронте, могут рассказать десятки жителей — мужчины и женщины Орлова, Александровки, Лесного и Дворского. На состоявшемся в 1989 году районном слете трудармейцев их чествовали и воздали должное за трудовой вклад в победу над фашизмом.

Как уже сказано выше, в наших колхозах во время войны оставались в основном старики, женщины с маленькими детьми и подростки. Им приходилось обрабатывать поля, сеять и убирать, ухаживать за скотом. О том, как шли дела тогда в колхозах, мы узнаем из районной газеты «За большевистские колхозы», а также от старожиллов. Обстановка в хозяйствах была очень сложной. На оставшихся в МТС тракторах работали девушки и женщины. Для выполнения полевых работ использовались волы и коровы. В результате весенний сев и уборка затягивались, зябь с осени не поднималась, солома, а нередко и колосовые оставались необранными.

Колхозники работали от зари до зари. Для них был увеличен обязательный минимум выработки трудовней в полтора раза по сравнению с предвоенным временем. Минимум трудовней устанавливался и для подростков начиная с 12 лет. Не выработавшие установленный минимум трудовней колхозники подвергались штрафу или предавались суду. 13 апреля 1942 года народный судья Знаменского района А.Кирейчук прокомментировал в районной газете постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума выработки трудовней» и предупредил всех колхозников о строгости нового закона.

В другом номере газеты мы читаем сообщение районного

прокурора Ивана Есипенко «За поломку трактора — под суд». В заметке говорится: «Трактористка Орловской МТС Пеннер Мария Генриховна, работая на тракторе ХТЗ, выплавилла подшипники. Вместо того, чтобы остановить трактор и заглушить мотор, она продолжала пахать до конца полосы, в результате чего вывела из строя коленчатый вал трактора. За преступное отношение к государственной технике трактористка Пеннер М.Г. привлечена к судебной ответственности».

В районной газете печатались, конечно, не только подобные грозные материалы. Есть сообщения о патриотических инициативах колхозников. 27 сентября 1941 года председатель колхоза «Новый путь» Валл писал в газете о замечательной работе женских звеньев на уборке урожая: «Звено Марии Петровны Левен в составе Классен А.Н., Фаст Е.И., Креккер П.Я., Дик Е.Г. на копнении колосовых выполняют нормы на 150 процентов. По две нормы в день выполняют Елена Абрамовна Фаст (звеньевая), Е.Д.Кооп, М.И.Креккер, А.И.Реймер на подработке и сортировке зерна на току».

Председатель сообщает также, что колхоз отправил на элеватор 300 центнеров овса в фонд обороны. Средняя урожайность овса составляла 20 центнеров, пшеницы — 17 центнеров с гектара.

29 сентября 1941 года председатель колхоза имени Клары Цеткин Д.Реймер пишет в газете о добросовестной работе звена Зары Генриховны Фаст на уборке урожая.

В газете за 16 октября того же года помещена заметка о «вредительской работе и саботаже хлебосдачи» председателя колхоза имени Карла Либкнехта И.И.Нейфельдта. Дело Нейфельдта передано в суд. Из Орлова председатель колхоза Гутяр пишет, что колхозники досрочно рассчитались по всем видам платежей — налогам, займу, страховке. Председатель Александровского сельсовета М.Р.Эпингер сообщает в газете, что труженики колхоза «Красный борец», «Хлебороб», имени Макса Гельца дали слово к годовщине Октября выполнить план госпоставки зерна. «Мы знаем, что каждый центнер зерна — удар по фашистским захватчикам», заявляли колхозники.

19 августа 1942 года председатель колхоза имени Карла

Либкнехта Давид Фридрихович Гаан сообщает в газете о том, что ввиду нехватки тракторов и лошадей в Луговом на пахоте зяби используются коровы колхозников. Мария Нейфельдт, Аганета Дик, Екатерина Янцен первыми запрягли своих коров и каждая вспахивает в день по 0,8 гектаров зяби вместо 0,7 по норме.

Уборка урожая второго года войны проходила в наших колхозах в тяжелых условиях. Комбайнов было недостаточно. Большую часть зерновых приходилось скашивать лобогрейками. Непосильную работу скидальщика на жатках выполняли женщины, девушки и подростки. Скошенные колосовые копнили, потом заскирдовывали. Обмолот зерновых затягивался до глубокой зимы. На обмолоте работали круглые сутки. Ночью молотильный ток освещали костром из горящей соломы, который служил и для обогрева плохо одетых людей.

Старейшая колхозница из Лесного Анна Яковлевна Фризен помнит, как она и ее подруги Мария Гамм, Елена Рацлаф, Екатерина Тесман, Аганета Изаак, Елизавета Брауэр и другие посменно, круглые сутки перелопачивали, веяли и сортировали зерно на колхозном току. Веялки и сортировки крутили вручную, зерно подавали туда ведрами. Очищенный хлеб в полуцентнерных деревянных ящиках-носилках ставили на весы, затем высыпали в кузова бричек или саней для отправки на элеватор.

Подростки Андрей Клипенштейн, Иван Гардер, Абрам Прахнау, Исак Ягер, Иван Шмидт, Андрей Дик, которым тогда едва исполнилось по 14 лет, работали в конном транспорте колхоза «Ясная Поляна». Вспоминая тяжелое время войны, Андрей Петрович Клипенштейн рассказывает: «Наши отцы были арестованы еще в 1938 году. Мы росли полусиротами и хватили нужду с малых лет, а с 12 лет работали в колхозе. К концу второго года войны мы успели износить нашу довоенную обувь и одежду, а купить что-нибудь другое можно было только на черном рынке в Славгороде или достать в обмен на продукты. А на трудодни нам почти ничего не выдавали. Наш обоз почти всю зиму транспортировал хлеб на элеватор, а зима 1943 года была холодной и метельной. Один рейс в Славгород и обратно длился трое суток. Однажды был сильный буран, и мы сбились с дороги. Слабые от недоедания и плохо одетые,

мы чуть не замерзли. К весне хлебные запасы наших колхозников истощились. Люди питались чем попало, в селе начался голод».

В любой буран, в лютый мороз женщины и подростки возили на санях с полей солому для скота. Вспоминает Елена Исааковна Вибе из Орлова: «Зимой 1943 года я была заведующей фермой в колхозе «Ландман». У нас на ферме было всего 8 коров и 70 овец. Свиной и кур пришлось сдать на мясокомбинат из-за отсутствия фуража. Никогда не забуду, с каким трудом мы добывали солому для животных и для топки печей колхозников. На волах или лошадях, запряженных в сани, утром в поле выезжали женщины и подростки за соломой. Но прежде чем ее достать вилами, от копен и стогов надо было вручную лопатами отбрасывать целые горы снега. Потом нагружали сани и лишь вечером поздно, порой и за полночь возвращались в деревню. Нередко с обмороженными ногами, носами, руками. А утром следующего дня — опять в заснеженную степь за соломой. К концу зимы эту солому приходилось еще воровать в соседнем колхозе «Третий Интернационал». Со мною работали тогда Мария Рихерт, Екатерина Дик, Мария Ремпель, Лига Больдт».

Аганета Яковлевна Дик еще до войны работала на комбайне в колхозе имени Карла Либкнехта. В 1942 году была мобилизована в трудовую армию, но вскоре сбежала оттуда и вернулась. Директор Орловской МТС Бурдыкин сумел спасти ее от ареста за дезертирство. Ведь механизаторы были крайне нужны для МТС. Аганете Яковлевне помнится, в каких тяжелых условиях проводилась весенняя посевная 1943 года. Зябь с осени осталась невспаханной. Оставшиеся в МТС тракторы были изношены, а для ремонта их не хватало запасных частей. Весновспашка выполнялась на живом тягле (на лошадях, волах и коровах). На действующих тракторах работали молодые, еще неопытные трактористки. Тракторы часто ломались. С болью она вспоминает, как девушки мучились. Они старались пахать недалеко друг от друга, чтобы прийти на помощь при остановке трактора, который тогда заводился вручную рукояткой. Девушки часто плакали от сознания своего бессилия. Очень часто приходилось вызывать механика МТС Корнея Николаевича Дика для устранения поломок тракторов.

Старейшие колхозницы Анна Яковлевна Фризен, Мария

Яковлевна Гамм, Юстина Ивановна Варкентин, Мария Яковлевна Никель, Анна Исбрантовна Тиссен, Екатерина Ивановна Нейфельдт, Маргарита Ивановна Эпингер и другие ветераны рассказывают, что с 1943 года в деревнях все тяжелее и сложнее становилось жить. Всю продукцию с полей и ферм надлежало сдать государству, а для выдачи на трудодни ничего не оставалось. Из колхозных амбаров нечего было брать. Люди мастерили себе ручные мельницы и ступки, с помощью которых перетирали собранные на току зерноотходы, чтобы испечь лепешки или приготовить кашицу. Зимой 1943 года в немецких селах положение стало катастрофическим, особенно в Черновке, Лесном, Синеозерном, Луговом, куда из Знаменки присылали «председательствовать» бывших фронтовиков, случайных людей, пьяниц и проходимцев, вроде Черкашина, Крутикова, Иванченко.

Нищенские колхозы обязаны были кормить таких «проходимцев» с партийными билетами (как их называет писатель Валентин Овечкин), их родственников и приближенных, а также их покровителей из районного руководства.

Мария Яковлевна Гамм помнит, как «хозяйничал» в Лесном некто Крутиков в 1943—44 годах: «Он приехал в наш колхоз с семьей нищим, а уехал богатым. Первым долгом Крутиков забрал с колхозной фермы корову. Другие продукты он брал со склада без учета, заставлял резать колхозных овец для себя и своих друзей из района, спекулировал колхозными продуктами на базаре. Крутиков гробил и без того бедный колхоз, издевался над голодающими колхозниками. За одну зиму 1943—44 гг. в Лесном с голода умерло около 30 человек, в основном дети (учета умерших тогда не было). Их хоронили без гробов в братской могиле, которую зарыли лишь весной 1944 года, когда земля оттаяла».

Свидетельницей страшного голода в Черновке была Анна Исбрантовна Тиссен. Она рассказывает, что почти вся деревня вымерла от голода зимой 1943 года. Дошло до того, что за колхозным скотом некому было ухаживать. Лошади все сдохли, за исключением одной, на которой ездил председатель Эпингер. Оставшихся в живых 13 коров из колхоза «Хлебороб» перегнали в Чертеж и Александровку, чтобы они там могли перезимовать. А председательскую лошадь разорвали волки среди бела дня, когда она стояла в упряжке во дворе колхозной конторы. В Черновке доходило тогда до

людоедства. Колхознице Регер доверили уход и присмотр за детьми, матери которых были взяты в трудармию. Когда эти дети стали умирать от голода, баба Регер отрезала им руки и ноги и варила для других детей. Это стало известно в деревне, и бабу Регер арестовали, забрали в КПЗ Знаменского районного отдела милиции, где она скончалась от переизбытка. Ее привезли в милицию уже с опухшими от голода ногами, и достаточно было ее досыта накормить, чтобы она умерла.

Анна Исбрантовна не помнит число умерших от голода людей в колхозе «Хлебоборб» (некому было вести такой учет), но она помнит, как Иван Варкентин и Арон Дик по утрам брали у нее корову, запрягали в сани и собирали по деревне покойников, грузили их на сани, как дрова, отвозили в старые силосные ямы и присыпали снегом и землей. А ночью голодные волки разгребали покойников и раздирали на куски. От таких рассказов кровь стынет в жилах.

По рассказам старожилов, в то тяжелое время от голода умирали люди и в других поселках, но не так много, как в Черновке и Лесном. А там, где председатели колхозов проявили маломальскую заботу о людях, не было голодомора. Например, в Луговом, где председательствовал Давид Фридрихович Гаан, сосланный с Поволжья, не было случая, чтобы люди гибли от голода. Добрым словом вспоминают и Толкачеву, которая председательствовала в колхозе имени Клары Цеткин.

Война тяжело отразилась на и без того медленном развитии колхозов. Сократились посевные площади, уменьшилось поголовье скота, все меньше оставалось рабочих рук. Но административный нажим на колхозы сверху не ослабевал. Хозяйствам устанавливались жесткие задания по заготовкам. После выполнения основного и дополнительного планов по сдаче зерна и другой продукции в колхозах почти ничего не оставалось для выдачи на трудодни. Люди обносились, выходили на работу в лохмотьях. Колхозники, которые честно работали и не воровали, влачили жалкое существование. К тому же на них постоянно давили финагенты и заготовители.

Вспоминает ветеран труда Аганета Абрамовна Вибе из Александровки: «Хорошо помню, как трудно нам было жить. Поскольку нам на трудодни ежегодно выдавали мало зерна и

денег, очень важным источником существования были домашнее подсобное хозяйство и приусадебный участок. А чтобы уплатить налоги и государственные займы, мы были вынуждены продавать картофель, овощи и ягоды с приусадебного участка, масло, мясо и яйца. На питание и одежду для семьи оставалось очень мало. С каждого двора колхозника тогда надо было сдать государству 50 кг мяса, 100 яиц, 200 литров молока при жирности 4,4 процента, 50 кг картофеля, полторы овечьих шкуры, 600 граммов овечьей шерсти, уплатить 900 рублей сельхозналога, 600 рублей военного налога, 200 рублей самообложения, 300 рублей страховки и 250 рублей займа. За недоимки по налогам у колхозников нередко уводили со двора единственную корову — кормилицу семьи. Все это очень тяжело, но нас убеждали, что все это нужно для фронта, для победы в войне. И мы безропотно работали от зари до зари, платили налоги, сдавали продукты государству, выполняли свой долг».

Другой ветеран труда, кавалер ордена Ленина Генрих Иванович Вибе вспоминает: «Трудовую деятельность я начал подростком в начале Великой Отечественной войны на Украине. Но вскоре нас выслали в Сибирь и привезли в Карасук. Оттуда мы с матерью переехали в Луговое. В этом селе мать умерла от голода. В свои неполные 14 лет я работал прицепщиком, пахарем и сеяльщиком. Во время уборки был скидальщиком на лобогрейке. Но как бы тяжело в то время ни было, сознание того, что мы своим трудом вносим свой вклад в успешную борьбу с фашистскими захватчиками, давало нам силу и выдержку. Постоянно недоедая, испытывая страшную усталость, женщины и подростки колхоза мужественно и стойко преодолевали невзгоды и горе, отдавали все силы, чтобы приблизить желанную победу в войне с фашистской Германией. Несмотря на нищенское положение, наши колхозники принимали участие в сборе средств для фонда обороны, сдавали туда облигации прошлых лет, подписывались на новые займы. И когда 9 мая 1945 года к нам пришла весть о долгожданной победе, она была встречена всеми с большой радостью».

Прошло пятьдесят лет с того времени, но не забыты в Орлове, Александровке, Дворском, Лесном тяжелые годы войны. О них напоминают живущие здесь бывшие трудармейцы, ветераны войны и труда, бывшие подростки, ныне уже пенсионеры, женщины преклонного возраста и могилы умерших от голода и болезней.

ТРУДНЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Война с фашистскими захватчиками бушевала далеко от наших сибирских сел, но она причинила им тоже немало бед. Хозяйства, составляющие ныне колхоз имени Ленина, за четыре года войны совсем ослабли. Сократились посевы и поголовье скота, обветшали постройки и жилые дома колхозников. К тяжелым последствиям войны прибавились еще дополнительные трудности, вызванные засухой в 1945—46 годах. Казалось, не только история, но и природа обрушилась на уже и без того ослабевшие колхозы. Засуха охватила тогда и Украину, и Молдавию, и юг России. Снова был голод, гибли люди. Но трагедия послевоенного голода также замалчивалась. Сталинское руководство требовало от колхозов увеличения поставок в государственные закрома хлеба и других продуктов. По-прежнему невыполнение планов рассматривалось как саботаж, вредительство. А драгоценное зерно, отобранное у колхозов, вывозилось в страны Восточной Европы, где были установлены режимы сталинских пособников.

25 августа 1946 года председатель колхоза имени Карла Либкнехта Д.Ф.Гаан писал в районной газете, что на полях хозяйства развернулась уборка урожая. Первые намолоты дали чуть больше 4 центнеров зерна с гектара. Тракторный бригадир Гергард Тевс сел за штурвал комбайна «Коммунар» и убрал за три дня 108 гектаров, намолотив в итоге около 500 центнеров зерна. Намолоченное зерно тут же очищается, просушивается и отгружается государству. «Отлично трудятся на подработке зерна Екатерина Янцен, Елизавета Панкрац, Анна Вильмс и Юстина Варкентин», — писал председатель.

Руководители Знаменского района и Алтайского края продолжали распоряжаться колхозами, командовать ими по своему усмотрению. А некоторые из них тащили из колхоза продукты, обирали и без того нищенские хозяйства. Вот что писала районная газета «За большевистские колхозы» 24 октября 1946 года: «Пользуясь служебным положением, заведующий Знаменским райзо Гончаренко тащил из колхоза

имени Макса Гельца баранину, свинину, мед, пшеницу, ягоды. Занимаясь вымогательством и в других колхозах, Гончаренко нажил порядочное состояние. Он держит двух коров, двух свиней, из которых одна откармливается на Петровском маслозаводе. А его жена Федосья Даниловна спекулирует на рынке в Знаменске молоком, творогом, овощами. Хапугами, живущими за счет колхозов, оказались и такие проходимцы, как Зайко, Лубанец, Демченко, Чубенко, Сабиров и другие районные чиновники. А прикрывает их прокурор района Иван Есипенко».

Или другой пример, о котором писала газета 2 ноября 1946 года: «Вступая на должность председателя Дворского сельского совета, М.Кулешов сразу пристроил свою жену избачом, аккуратно выплачивает ей зарплату, хотя она и не работает. Кулешов завел двух коров, занял огород в 0,4 гектара и вспахал его на тягле колхоза «Новый путь» без оплаты».

Тем временем орловские колхозы продолжали бедствовать. Полевые работы велись на низком агротехническом уровне. В Орловской МТС оставались изношенные тракторы и комбайны, которые не справлялись с объемом полевых работ в колхозах. В деревнях продолжали пахать и сеять на коровах и волах.

Колхозники вынуждены были платить всевозможные налоги. Налоги были на все, что содержали колхозники на своих подворьях. И они были настолько велики, что держать скот, выращивать овощи во многих случаях оказывалось невыгодным. В сельской местности по-прежнему сохранялись довоенные порядки, ограничивавшие свободу передвижения колхозников. Они были бесправными: не имели паспортов, на них не распространялись оплата по болезни, пенсионное обеспечение.

Немцы Советского Союза находились после окончания войны в особо тяжелом и удрученном положении. Казалось, война ясно показала кто есть кто, и огульные обвинения, предъявленные советским немцам, а вместе с ними и правовые ограничения должны были, по крайней мере после Победы, отпасть сами собой. Однако надежды, которые наши немцы возлагали на окончание войны и долгожданную Победу, не оправдались. Больше того, линия на ущемление прав немецкого населения в обстановке продолжавшихся

беззаконий была закреплена и усилена. Уже в мирное время, в 1948 году, Президиум Верховного Совета СССР принял указ, запрещавший немцам возвращаться к прежнему месту жительства и устанавливавший длительные сроки заключения за самовольное оставление спецпоселений. Немцев продолжали держать в трудармии, тех, которые возвращались в свои родные сибирские села, брали на спецучет как спецпереселенцев.

Рассказывает бывший механизатор Рейнгольд Августович Фишер: «Я вернулся из трудармии в родное село Ольгино в 1950 году и сразу был взят на спецучет. Ежемесячно ходил отмечаться у спецкоменданта, такое издевательство продолжалось до 1955 года.

Когда я вернулся, то застал в родном колхозе «Красный борец» печальную картину. Хозяйство за время войны и в первые послевоенные годы совсем обнищало. Тогдашний председатель колхоза Е.Эберлинг попросил меня отремонтировать сельхозинвентарь к предстоящей посевной. Но это удавалось с большими трудностями, т.к. в колхозе не было ни куска железа, ни гвоздя, ни угля для растопки кузнечного горна, уже не говоря о запасных частях. Все это надо было доставать на черном рынке или на складах МТС в обмен за продукты. Весной меня снова пригласили в МТС и посадили на трактор. Кроме моего на полях нашего колхоза работало еще 2 трактора. Экономическое состояние нашего колхоза не улучшилось, бедственное положение колхозников сохранялось еще многие годы».

И это потому, что продолжалось выкачивание из деревень всей продукции полеводства и животноводства, за которую государство очень мало платило. По существу продолжалась продрозверстка. Если в городах в конце 1947 года была отменена карточная система на продовольственные товары, то это было сделано тоже за счет колхозного крестьянства. Если материальное положение городского населения по сравнению с первыми послевоенными годами немного улучшилось из-за снижения цен и отмены карточек, то бедственное положение сельских тружеников сохранялось.

В 1947 году колхозы собрали неплохой урожай, но для оплаты трудодней колхозников снова оставались крохи, о чем свидетельствуют следующие цифры:

Таблица 3

Название колхоза	Выдано на один трудовой день		
	Зерно, кг	Деньги, руб.	Солома, кг
Имени Ленина	1,08	0,45	3,5
«Хлебороб»	1,2	0,13	2,5
«Красный борец»	1,5	0,25	2,5
Имени М.Гельца	0,9	1,0	3,0
Имени К.Цеткин	0,8	0,2	2,5
«Ясная Поляна»	1,05	0,25	3,0
Имени К.Либкнехта	1,32	0,95	3,0

По-прежнему тяжелым бременем ложились на колхозников налоги и ежегодные государственные займы, распространявшиеся в добровольно-принудительном порядке.

В 1947 году состоялись первые послевоенные выборы в местные Советы, но в тогдашней выборной кампании снова ярко проявилась дискриминационная политика по отношению к немцам нашей страны. Ни в краевой, ни в Знаменский районный Совет не был избран хотя бы один депутат от немцев. Они могли быть избранными только в сельские Советы, а для должности председателей опять же находили русских — Морозова для Александровского, Горобец Татьяну для Дворского сельсоветов. Лишь в Орловском сельсовете председателем избрали старого коммуниста, спецпереселенца с Поволжья Николая Кондратьевича Германа.

Что мы узнаем о делах наших селян из районной газеты того времени? 14 августа 1948 года газета писала о том, что председатель колхоза «Новый путь» Н.Регер за период с 1943 по 1947 годы растранижил 40 колхозных свиней, 3 лошади, 8 овец, 17 центнеров пшеницы, 14 центнеров муки и 20 центнеров овса. Этим самым он нанес колхозу убыток в 57 тысяч рублей, за что осужден Знаменским народным судом к 5 годам лишения свободы.

19 апреля 1949 года председатель колхоза «Красный борец» Е.Эберлинг благодарил работников Орловской МТС Ф.А.Лещева, А.Я.Шафнера, Е.Эверта, Г.Варкентина, Я.Генрикса за безвозмездную передачу в колхоз молодых

телят. 26 мая того же года газета сообщила, что колхоз «Ясная Поляна» первым в Орловской МТС завершил весенний сев. Это был результат хорошей работы трактористов А.И.Классена, Г.Г.Вибе, И.Ф.Ягера, сеяльщика Я.Я.Вейса, прицепщиков Я.П.Дика и Н.Г.Вейса.

18 августа 1949 года газета дала сообщение «Из зала суда», где говорится о том, что финансовые агенты Сюзанна Креккер и Гертруда Унру, обслуживающие поселки Дворского, Орловского и Александровского сельсоветов, систематически занимались присвоением денежных средств путем подделки налоговых квитанций и платежных извещений и занимались другими финансовыми махинациями. В результате ими было присвоено 26 557 рублей. Народный суд приговорил Креккер С.В. к 20 годам, а Унру Г.И. к 14 годам заключения с конфискацией имущества.

В 1949 году в колхозах был неплохой урожай. Председатель колхоза имени Карла Либкнехта Давид Фридрихович Гаан писал в газете, что труженики хозяйства уже 17 октября выполнили план хлебосдачи и «намерены» отправить в закрытого государства еще 2000 центнеров зерна сверх плана.

Но, несмотря на отдельные успехи, деревни и колхозники продолжали бедствовать. Аграрная политики сталинского руководства не могла обеспечить нужды страны в продовольствии и сырье. В обществе зрело понимание необходимости переустройства жизни. Однако никто в руководстве страны не подвергал сомнению принципы командно-административной системы. Причину кризисной ситуации в сельском хозяйстве страны тогдашнее руководство видело в разрозненности усилий мелких экономически слабых колхозов. Так, в начале 50-х годов сталинское руководство выдвинуло идею объединения мелких колхозов в крупные агропредприятия. Весной 1950 года вышло специальное постановление Центрального Комитета ВКП(б), в котором рекомендовалось провести укрупнение (слияние) мелких колхозов на основе добровольности и по решению общих собраний колхозников. А как эта «добровольность» в условиях командно-административной системы правления соблюдалась, хорошо помнят ветераны колхоза. На колхозных собраниях всегда присутствовал уполномоченный райкома партии, и под его давлением колхозники добровольно-принудительно голосовали за что угодно.

В УКРУПНЕННЫХ КОЛХОЗАХ

Эти объединенные собрания колхозников состоялись осенью 1950 года. В Орлове собрались члены колхозов имени Карла Либкнехта, Клары Цеткин, «Ясная поляна», «Ландман» и «Новый путь». В Александровке — члены колхозов имени Макса Гельца, имени Ленина, «Хлебороб» и «Красный борец». На повестке дня объединенных собраний стояли три вопроса:

1. Об укрупнении колхозов и принятии устава сельхозартели.
2. Утверждение названия укрупненного колхоза.
3. Выборы правления и председателя колхоза.

На собраниях было решено из девяти колхозов создать два укрупненных колхоза: имени Клары Цеткин с центром в Орлове и председателем Генрихом Ивановичем Беккером и имени Ленина с центром в Александровке и с председателем Рудольфом Самуиловичем Гутяром. В принятом уставе было определено, что каждая семья колхозника может иметь приусадебный участок размером 0,5 гектара, держать в личном пользовании 1 корову, 2 головы молодняка крупного рогатого скота, одну свиноматку с приплодом, 10 овец, 20 ульев и птицу в неограниченном количестве.

Слияние мелких колхозов оказалось делом нелегким, так как объединить пришлось не только накопления, основные средства этих хозяйств, но и их долги. А их было немало. Денежный доход укрупненного колхоза имени Ленина за 1950 год составил 290 тысяч рублей, а задолженность государству — 105 тысяч рублей. Доход укрупненного колхоза имени Клары Цеткин за 1950 год составил 430 тысяч рублей, задолженность государству — 41 тысяча рублей. Статистика тех лет свидетельствует о том, что от слияния мелких колхозов богатства у них не прибавилось, доходы не увеличились, оплата труда колхозников и их уровень жизни не поднялись.

Трудности укрупненных колхозов усугубили тогда сразу три неурожайных года подряд. Колхозники продолжали жить и трудиться в тяжелых условиях. Вспоминает ветеран

труда, заслуженный колхозник Абрам Петрович Брауэр: «Жили мы в обветшалых хатах из самана и пластов с плоскими земляными крышами. Одевались бедно. Печки топили соломой и кизяком, а работали в тяжелейших условиях. Скотные дворы также обветшали. Зимой они заносились снегом наравне с крышами, освещались керосиновыми фонарями. Никакой механизации на фермах тогда не было. Тяжело приходилось дояркам и скотникам. На трудодни получали крохи».

Таким было положение колхозного крестьянства к концу «правления Сталина». Столь настойчиво провозглашавшаяся пропагандой забота «отца народов» о нуждах трудящихся на поверку оказывалась фикцией. И при этом на XIX съезде КПСС говорили о построении коммунистического общества.

5 марта 1953 года умер Сталин. Завершилась сталинская эпоха в жизни нашей страны. Тиран оставил задержанную, замордованную репрессиями страну, с отсталым и запущенным сельским хозяйством. И лишь в сентябре 1953 года Н.С.Хрущев на Пленуме ЦК рассказал правду о состоянии сельского хозяйства страны. На пленуме впервые определенно было сказано о том, что без материального стимулирования, без значительного повышения закупочных цен на аграрную продукцию добиться перелома в развитии сельскохозяйственного производства нельзя.

Тогда же в несколько раз были повышены закупочные цены на основные продукты сельского хозяйства, списаны огромные долги колхозов, повышена оплата колхозников. С личных приусадебных участков сельских жителей была списана вся задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, снижен сельхозналог, уменьшены размеры обязательных поставок. Все эти мероприятия дали стимул для работы сельского труженика. Новый закон о сельскохозяйственном налоге способствовал лучшему использованию приусадебных участков и увеличению численности скота в личных подсобных хозяйствах.

После трех недородов в 1954 году в укрупненных колхозах имени Ленина и Клары Цеткин уродился богатый урожай. Около 20 центнеров зерна с гектара составила тогда средняя урожайность с гектара. Целинных земель в колхозах было немного, но в севооборот были введены дополнительные

площади за счет освоения малопродуктивных залежных земель и пастбищ. Колхозы успешно справились с планами госпоставок зерна и за сверхплановую продажу по новым закупочным ценам получили солидные денежные доходы, что позволило выдать колхозникам на трудодень по 2 кг зерна и по 6 рублей деньгами. Поднялись настроение и трудовая активность колхозников.

Знаменская районная газета «Заря коммунизма» назвала 10 января 1955 года передовых доярок колхоза имени Ленина: Елену Яковлевну Валл, Юстину Исааковну Классен, Екатерину Петровну Петерс, Розу Ивановну Яуфман, Маргариту Ивановну Дерксен, а в колхозе имени Клары Цеткин — Екатерину Андреевну Регер, Сару Яковлевну Дик, Аганету Яковлевну Вейс.

Большая группа колхозников награждена медалью «За освоение целинных земель», среди них Гергард Генрихович Тевс, Рейнгольд Августович Фишер, Елизавета Генриховна Варкентин, Мария Петровна Классен, Аганета Яковлевна Дик, Анна Петровна Беккер, Иван Гергардович Никель, Анна Ивановна Клипенштейн, Борис Борисович Лепп, Яков Яковлевич Ягер, Андрей Иванович Нейфельдт, Иван Иванович Дик, Виктор Иванович Роор и др.

Труженики колхозов принимали активное участие в строительстве железной дороги Кулунда — Барнаул. Бригада колхозных землекопов все лето 1954 года работала на отсыпке железнодорожной насыпи.

Увеличение доходов позволяло колхозам расширить масштабы строительных работ. В деревнях появились новые жилые дома, животноводческие помещения, клубы, склады. В колхозах работали постоянные строительные бригады. Они же заготавливали строительные материалы.

В полеводстве колхозов имени Ленина и имени Клары Цеткин, да и по всей стране, творилась тогда чехарда. По команде сверху от травопольной системы в земледелии перешли на пропашную систему, перепахивались луга и пастбища. Повсюду внедрялась королева полей кукуруза и бобы, которые вытесняли травы, овес и ячмень. На севе земледельцы применяли то рядовой, то перекрестный, то квадратно-гнездовой методы сева. Что ни год, то новшество в полеводстве и животноводстве. То влажный, то сухой метод откорма, то свободное, то привязное содержание

животных и всякие другие эксперименты создавали сумятицу в организации сельскохозяйственного производства. Командно-административные формы управления продолжались.

На XX съезде КПСС (февраль 1956 года) Н.С.Хрушев отверг культ личности и разоблачил злобеший облик Сталина и связанную с ним систему массовых репрессий. В этом — великая заслуга Хрущева перед историей. Немного свободнее вздохнули и немцы в нашей стране. Их наконец освободили от надзора спецкомендатуры МВД. Немцев стали избирать депутатами Советов различных уровней, выдвигать на руководящие посты, награждать орденами и медалями.

В Барнауле стала выходить краевая немецкая газета «Арбайт», позднее в Знаменке и Славгороде — районные газеты «Роте Фане» и «Арбайтсбаннер». Появились первые книги на немецком языке, в школах немецких деревень ввели преподавание немецкого родного языка. Но злобешие указы о ликвидации национальных немецких районов и Автономной Республики Немцев Поволжья все еще не были отменены.

С большим удовлетворением восприняли сельские жители решение об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов из личных хозяйств колхозников, рабочих и служащих с 1 января 1958 года. Наметилось ускорение темпов развития производительных сил деревни. Начался процесс оздоровления экономики колхозов. Члены колхозов впервые ощутили, что работают и на себя. Росли денежные доходы колхозов, росла также оплата труда колхозников. Сельчане могли теперь покупать строительные материалы, промышленные товары, лучше питаться и одеваться, строить новые дома, благоустраивать свой быт. В Орлове, Дворском, Лесном, Александровке и других постепенно исчезали старые обветшалые хаты-мазанки. На их месте появлялись более просторные дома, крытые шифером или кровельным железом. У некоторых колхозников появились даже мотоциклы, швейные и стиральные машины, автомобили, поднялось материальное благосостояние селян.

2 февраля 1957 года районная газета опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы колхозников производства орденами и медалями. Орденом Ленина был награжден председатель колхоза имени Ленина Р.С.Гутяр. Ордена Трудового Знамени были удостоены председатель колхоза имени Клары Цеткин, А.И.Беккер, тракторист Я.Б.Варкентин, комбайнер Ф.И.Дерксен. Орденом «Знак Почета» награждены были бригадир

колхоза имени Ленина А.П.Дик, Слесарь Орловской МТС Б.Б.Лепп, комбайнер Н.П.Франц. Медаль «За трудовую доблесть» получили тракторный бригадир Ф.Р.Гутяр, колхозники Г.Г.Гооге, Ф.Я.Классен, шофер П.И.Левен.

За высокие показатели по надоям молока в 1958 году на районную Доску Почета были занесены передовые доярки колхоза Маргарита Дерксен, Елизавета Гибнер, Анна Фризен, Екатерина Петерс, Елизавета Классен и др.

В 1958 году колхозы собрали богатый урожай — больше 20 центнеров зерна с гектара. Высокопроизводительным трудом отличились тогда на уборке механизаторы Гергард Левен, Франц Дерксен, Гергард Варкентин, Петр Регер, Франц Забецкий, передовые шоферы Иван Никель, Петр Лепп, Иван Варкентин.

Подводя итоги хозяйственной деятельности объединенных колхозов за десятилетие с 1950 по 1959 годы, необходимо сказать, что наметилось ускорение темпов развития производственных сил в деревнях. Слияние мелких, экономически слабых хозяйств, повышение закупочных цен на аграрную продукцию, реорганизация МТС, неплохие урожаи зерновых в 1957—59 годах способствовали росту экономики укрупненных колхозов. В 1959 году денежный доход колхоза имени Клары Цеткин составил более 4,5 миллионов рублей. Хозяйство приобрело в МТС 20 тракторов, 15 комбайнов и 23 автомобиля.

До 1958 года колхозы не имели своих тракторов и комбайнов. Они принадлежали Орловской МТС. И механизаторы числились в штате МТС, которая начисляла им зарплату за выработанные гектары «мягкой пахоты». Весной 1958 года вышло постановление о реорганизации МТС и продаже сельскохозяйственной техники колхозам. Председатель колхоза имени Клары Цеткин Андрей Иванович Беккер писал тогда в районной газете: «Труженики нашего колхоза с одобрением встретили решение партии и правительства о реорганизации МТС. В руках наших колхозных механизаторов тракторы и другая техника теперь эффективнее будут использованы, расширится сфера применения техники в нашем многоотраслевом хозяйстве».

Увеличение доходов позволило колхозам развернуть строительство животноводческих и производственных помещений, жилых домов и объектов соцкультбыта. В Орлове появились новая улица с жилыми домами колхозников, новый клуб на 350 мест, новое здание участковой больницы.

Все бригадные поселки были электрифицированы и радиофицированы. С 1955 по 1959 годы в поселках было построено около 200 новых жилых домов.

В ноябре 1959 года в Александровке состоялись перевыборы председателя правления колхоза имени Ленина. Вместо Р.Гутяра председателем стал молодой агроном с высшим образованием Гуго Эдуардович Роот, под его руководством хозяйство добилось заметных успехов.

Несмотря на заметный подъем экономики колхозов эффективность колхозного производства оставалась все еще низкой.

Большой вред нанесли стране и населению в конце 50-х годов хрущевские установки на сокращение у сельских жителей подсобных хозяйств, скота и приусадебных участков. Воодушевленный идеей скорой победы коммунизма Н.С.Хрущев и его окружение развязали тогда административную борьбу с «частнособственническими» пережитками селян, заставили их продать личный скот колхозу или совхозу. И городским жителям было запрещено держать скот в личном пользовании. Все это подорвало продовольственную базу страны, последствия этого мы ощущаем и сегодня.

В начале 60-х годов темпы развития колхозов имени Клары Цеткин и имени Ленина замедлились из-за погодных условий. Природа обрушивала на Кулундинскую степь засуху и пыльные бури. Отчасти это было результатом чрезмерной распашки земли и нарушения севооборота. Тысячи тонн растрепанного чернозема подняло ветрами с распашанной целины в воздух. Урожайность зерновых в колхозах упала в 1963 году до 2 центнеров с гектара, ветровая эрозия почвы нанесла хозяйствам большой урон. Пришлось сократить поголовье общественного скота. Колхозы находили тогда дополнительные источники для пополнения запасов кормов. На берегах озер косили зеленый камыш, в березовых колках резали веточный корм. На фермах заработали кормокухни, где грубые корма измельчались и сдабривались. Солому и сено приходилось заготавливать в восточных районах края и других отдаленных областях страны. Упала продуктивность животных, овцеводческие фермы пришлось вовсе ликвидировать.

Чтобы уменьшить влияние погодных условий и поднять урожайность полей, хлебоборбы колхозов имени Ленина и имени Клары Цеткин включились тогда по примеру героя

Социалистического труда, бригадира колхоза «Страна Советов» Рубцовского района Александра Беккера в борьбу за высокую культуру земледелия и обязались наиболее полно использовать каждый гектар земли, применять научно-обоснованную агротехнику, эффективнее использовать сельскохозяйственную технику.

Многолетний опыт убедил хлеборобов, что в условиях засушливой Кулундинской степи зерновые рано сеять нельзя. Во всех бригадах колхозов велась кропотливая работа по внедрению новых методов обработки почвы с сохранением стерни.

Тем временем некомпетентное вмешательство в дела колхозов свыше продолжалось. Шел непрерывный процесс укрупнения колхозов и совхозов. Зарождалась гигантомания. Летом 1964 года колхозы имени Клары Цеткин и имени Ленина были объединены в один крупный колхоз имени Ленина. Председателем укрупненного колхоза был избран Гуго Эдуардович Роот.

Небольшой толчок для подъема экономики получил объединенный колхоз после мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года, который принял постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Новое постановление предоставляло колхозам и совхозам свободу творчества и инициативу. Снова были списаны долги с колхозов и совхозов, повышены закупочные цены на сельхозпродукты. Устранялись перегибы предшествующих лет относительно личного подсобного хозяйства сельчан. Все эти меры встретили поддержку крестьянства и оживили хозяйственную деятельность в колхозе имени Ленина.

Правлению укрупненного колхоза имени Ленина во главе с председателем Гуго Эдуардовичем Роотом, главным агрономом Федором Лещевым, главным инженером Петром Вольфом, главным зоотехником Андреем Нейфельдтом и другими специалистами надлежало тогда привести в действие созидательную силу тех пунктов решений, которые предоставили самим хозяйствам право определять, за счет каких резервов и какими средствами увеличивать производство аграрной продукции. Правление и специалисты колхоза были вольны в выборе технологических приемов и методов. Но, как оказалось, только на бумаге. На самом деле колхозу сверху продолжали диктовать. Продолжался прежний командно-административный

метод руководства сельским хозяйством.

В своей практической деятельности председатель колхоза Гуго Эдуардович Роот исходил из того, что основным источником доходов и подъема экономики хозяйства по-прежнему служит растениеводство. И под его руководством агрономическая служба колхоза внедряла тогда в бригадах научно обоснованный севооборот, пары, новые безотвальные методы обработки почвы, разумное применение удобрений, оптимальным срокам сева элитными и засухоустойчивыми семенами.

Следует отметить, что начиная с 1970 года в колхозе имени Ленина наблюдается рост и стабилизация урожайности. Достигнуто это было отнюдь не за счет улучшения погодных условий. Нет, природа на территории колхоза не изменилась. Как прежде, за год выпадало всего 250—300 мм осадков. Дело в том, что земледельцы хозяйства уже научились компенсировать хронический недостаток влаги высокой агротехникой, мастерством и трудолюбием. Если среднегодовая урожайность зерновых в 1966—70-е годы составляла здесь всего 9,5 центнеров с гектара, то в 1971—75-е годы она поднялась до 15,1 центнера. Для засушливой Кулундинской степи это неплохой показатель.

Все это говорит о том, что земледельцы колхоза научились бороться с засухой. Конечно, это результат работы не одного года. И со сроками сева в Орлове и Александровке внесли ясность. Многолетний опыт показал, что лучшие сроки сева зерновых — последняя декада мая. Колхозные хлеборобы знают, что на рост урожайности влияют внедренные здесь ранняя августовско-сентябрьская безотвальная зябь, кулисный пар, смена направления основной обработки почвы, снегозадержание зимой и своевременное боронование полей весной. В колхозе внедрены зональные методы земледелия и севооборот с короткой ротацией. Зерновые занимают в севообороте 60%, кормовые культуры — 23%, пары — 10%, подсолнечник — 6%, картофель и овощи — 2% от общей площади пашни. Агрономы, бригадиры и механизаторы колхоза знают свои поля, знают какое из них пахать плоскорезом, какое отвальным плугом, знают, где спровоцировать сорняки, а где применить гербициды, где увеличивать, а где уменьшить нормы внесения удобрений, определить сроки и нормы посева семян.

Осенью 1969 года в стране обсуждался проект нового примерного устава сельхозартели. В клубе села Орлово состоялось общеколхозное собрание. На полях колхоза и огородах кол-

хозников шли еще уборочные и осенние работы, но труженники колхоза оторвались на два часа от своих дел, чтобы вместе обсудить проект устава колхозной жизни.

С докладом выступил председатель правления Г.Э.Роот. Он отметил, что действующий устав колхоза устарел, что жизнь давно переросла его. В нем ничего не сказано о пенсионном обеспечении колхозников, о гарантированной оплате их труда и о других новых явлениях в колхозной жизни. В докладе проводилось много интересных и убедительных цифр и сравнений в отношении экономического и социального развития колхоза. С 1950 года основные фонды хозяйства возросли в шесть раз, денежные доходы — в семь раз. Энерговооруженность возросла в 15 раз. Значительно изменились условия труда и быта колхозников.

В Орлове и бригадных поселках было построено более 250 новых жилых домов, шесть начальных школ, сельские клубы, новые скотные дворы и ряд других зданий. Заканчивалось строительство сельского Дома культуры и Дома бытового обслуживания на центральной усадьбе колхоза, а также нового животноводческого городка.

Докладчик выносил на обсуждение каждый раздел проекта устава. Общее одобрение вызвало то, что в новом уставе расширены права и обязанности колхозников. Передовая доярка Екатерина Петерс сказала в своем выступлении, что колхозники особенно довольны тем пунктом нового устава, где говорится, что фонд оплаты труда колхозников формируется в первую очередь и что они будут получать гарантированную оплату. Общее собрание колхозников одобрило проект устава.

Выше уже сказано, что по всей стране шел процесс бесчисленных преобразований, укрупнений и разделений колхозов и совхозов, перестройки территориального управления и внедрения различных новаторских идей. В конце 60-х годов появилась идея о неперспективности маленьких сельских населенных пунктов. В результате началась массовая ликвидация таких сел. Эта затея не обошла и Орлово, где за несколько лет были ликвидированы бригадные поселки Черновка, Ольгино, Луговое, Ясное и Синеозерное. Люди из поселков переселились в Орлово. Но не просто давалось им это вынужденное переселение, особенно пожилым людям. Сколько сердечных, живых нитей связывало их с родными местами, где они родились и выросли!

Надо заметить, что правление колхоза и его председатель Г.Э.Роот не пошли тогда на ликвидацию всех бригадных

поселков, как это сделали в соседних колхозах. Поселки Александровка, Лесное и Дворское существуют и поныне. Были, конечно, объективные реальности, с которыми приходилось считаться при решении вопроса о ликвидации поселков. С одной стороны, было хорошо, что люди жили в бригадах рядом с землей и фермами, где они работали. В поселках у них больше возможностей для развития личных подсобных хозяйств и подворья. И, как считает ветеран колхоза Иван Генрихович Гизбрехт (бывший житель Синеозерного), маленькие бригады можно было бы легче перевести на арендный подряд.

Если посмотреть с другой стороны, то содержание маленьких поселков и бригад было бы распылением средств и сил. В каждом поселке была техника, жило немало семей, а это значило, что там надо было иметь гаражи, мастерские, склады, магазины, школу и клуб. Культурно-бытовое и медицинское обслуживание в бригадных поселках было затруднено. Сегодня, как известно, на эту проблему смотрят по-иному, считается, что ликвидация маленьких поселков была большой ошибкой тогдашнего руководства. Однако в Орлове это прошло не так болезненно, как во многих других местах. В связи с ликвидацией бригадных поселков и переездом населения на центральную усадьбу здесь развернулось широкомасштабное строительство жилья, животноводческих помещений и объектов соцкультбыта, для чего требовалось все больше денежных средств, что обеспечивалось, однако, высокой доходностью хозяйства.

Стабилизация урожайности полей, увеличение производства зерна и кормовых культур определили темпы развития животноводства. Из года в год хозяйство наращивало производство и продажу животноводческой продукции государству. И это происходило не только за счет увеличения поголовья животных, но и за счет роста их продуктивности. Все большее значение придавало правление колхоза кормопроизводству и строительству животноводческих помещений.

Северо-западнее Орлова вырос новый животноводческий городок с современными высокомеханизированными молочными комплексами и скотными дворами из кирпича и железобетона. Для работников животноводства создавались хорошие условия работы. В доме животноводов имеются гардеробные, душевые, комната отдыха, комната для приема

пищи, куда из столовой доставляются горячие завтраки и обеды. Работа животноводов организована так, что все доярки и скотники могут пользоваться двумя выходными днями в неделю и очередными отпусками.

«Не численность, а качество поголовья волнует нас в первую очередь, — говорит главный зоотехник колхоза Анна Ивановна Левен, — улучшение породности скота, создание надежной кормовой базы, увеличение удоев, привесов и получение максимального экономического эффекта от каждого животного».

Правление колхоза держит производство кормов для скота постоянно в центре внимания. Начиная с 1972 года, когда в колхозе началось орошение кормовых угодий, в хозяйстве практически не ощущается недостаток кормов для животноводства. С тех пор колхозные мелиораторы и земледельцы ежегодно припасают достаточно грубых и сочных кормов для общественного животноводства. Больше 70% кормов хозяйство получает с поливных участков, площадь которых увеличилась в хозяйстве с 830 до 1100 гектаров.

Ветеран труда, бывший главный зоотехник колхоза Андрей Иванович Нейфельдт вспоминает: «В памяти наших колхозников навсегда оставили след те тяжелые годы, когда из-за очередной засухи и бескормицы приходилось резко сокращать поголовье скота, то есть сдавать скот на убой или отправлять на зимовку в другие районы. Многие люди теряли уверенность в завтрашнем дне нашего хозяйства. Но, к счастью, это все позади. С тех пор, как мы ввели орошаемое кормопроизводство, наш колхоз получает независимо от погоды ежегодный гарантированный запас кормов для общественного животноводства и для скота колхозников».

Основными источниками доходов колхоза имени Ленина являются растениеводство и животноводство. Вместе с тем и подсобные промыслы дают хозяйству немало доходов и пользы. Главным подсобным предприятием колхоза является кирпичный завод, который обеспечивает все потребности многоотраслевого хозяйства в кирпиче. Годовое производство кирпича достигает 4,7 миллионов штук.

Из других подсобных предприятий колхоза следует назвать мельницу, маслобойку, столярный цех и звероферму, которые также приносят хозяйству немалый доход.

ПЕРЕДОВИКИ ПРОИЗВОДСТВА И ВETERАНЫ КОЛХОЗА

Улучшения в экономическом и социальном развитии колхоза имени Ленина, перемены в жизни немцев-крестьян пришли не сразу. Они складывались из многолетнего труда коллектива, специалистов колхоза. Трудолюбивыми руками колхозников создано все, чем богат этот колхоз. А главное богатство его — это труженики полей и ферм, ветераны труда. Когда в Орлове заходит речь о знатных людях колхоза, то в первую очередь называют людей, удостоенных государственных наград за многолетний образцовый труд.

Больше сорока лет проработал в колхозе Генрих Иванович Вибе. Подростком он начал свою трудовую биографию в Луговом в военном 1943 году. Был коногоном, пахал и сеял на волах, работал конюхом, заведующим зернотоком. А в 1957 году Генрих Иванович стал бригадиром в Луговом. Здесь он проявил себя как рачительный хозяин и организатор труда. Затем он несколько лет руководил Лесновской бригадой, а с 1970 до 1987 года бессменно возглавлял бригаду в Александровке. Сейчас он на заслуженном отдыхе. Его трудовые заслуги отмечены орденом Ленина, медалями «За освоение целинных земель», «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

Хорошо знают в Орлове Франца Исааковича Дерксена и Франца Яковлевича Забецкого — старейших механизаторов колхоза. Их мастерство и высокопроизводительный труд всегда были основаны на знаниях агротехники и машин, на любви к профессии хлебороба. С ними советовались товарищи по работе и специалисты колхоза. Они были шефами-наставниками молодых механизаторов. Их долголетний труд отмечен государственными наградами. Франц Исаакович Дерксен награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За освоение целинных земель», «Ветеран труда». Забецкий Франц Яковлевич награжден орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За освоение целинных земель» и «Ветеран труда».

Тридцать пять лет трудового стажа у токаря ремонтных мастерских колхоза Александра Макаровича Бодня. Его трудовые заслуги отмечены орденом «Знак Почета», медалями «За освоение целинных земель», и «За доблестный труд».

Еще в пятидесятые и шестидесятые годы Эльвира Яковлевна Завацкая заработала в колхозе право быть одной из лучших доярок района. Образцовую работу на ферме Эльвиры Яковлевны приходилось всегда сочетать с заботами многодетной матери, т.к. у нее было 10 детей и носила она на груди орден «Мать-героиня». Неутомимая труженица Эльвира Яковлевна Завацкая была награждена орденом «Знак Почета», медалями «За освоение целинных земель» и «Ветеран труда».

На протяжении 35 лет за баранкой колхозных автомобилей сидел Иван Гергардович Никель. За долголетнюю безупречную работу он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За освоение целинных земель», «Ветеран труда».

Славится в колхозе династия животноводов Рооров: Виктор Иванович, Петр Иванович, Александр Иванович, Валентина Ивановна и Ирма Ивановна Гардер. Они много лет трудились на Синеозерской молочной ферме. Валентина Ивановна Роор была лучшей дояркой района в 70-х годах. Ее примерный труд отмечен орденами «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени».

Известной крестьянской династией является в колхозе и семья Брауэров из Лесного. Абрам Петрович Брауэр 44 года прилежного труда отдал колхозному животноводству. За долголетнюю работу он удостоен ордена Трудового Красного Знамени, медалей «За доблестный труд» и «Ветеран труда». Свое трудолюбие, любовь к крестьянскому труду Абрам Петрович передал и своим сыновьям Петру, Андрею, Якову и Николаю, которые работают в родном колхозе в растениеводстве и животноводстве. В колхозе работают также братья Абрама Петровича: Генрих Петрович, Иван Петрович, Петр Петрович и их дети.

Около сорока лет механизаторского стажа у Петра Яковлевича Изаака. Высокое чувство ответственности, бережное отношение к технике всегда отличали Петра Яковлевича. Последние годы он возглавляет бригаду механизаторов в Лесном. Трудовые заслуги Петра Изаака отмечены орденом

«Знак Почета», медалями «За освоение целинных земель», «За доблестный труд».

Всю сознательную жизнь прожил в родном селе Абрам Абрамович Левен. Он родился и вырос в Орлове, с начала 30-х годов работал в колхозе «Ландман», стал механизатором. Только война и трудармия разлучили его на семь лет с колхозом. Первые месяцы войны он участвовал в боях, за что награжден орденом Отечественной войны II степени и пятью боевыми медалями. Трудовые заслуги Абрама Абрамовича Левена отмечены медалями «За трудовое отличие», «За освоение целинных земель», «Ветеран труда».

Уважением пользуется в колхозе семья механизаторов Паульс. Иван Корнеевич Паульс больше 40 лет водил по колхозным полям тракторы и комбайны. Его примерная работа была отмечена орденом Трудового Красного Знамени. По стопам отца пошел и его сын Корней — механизатор широкого профиля. 44 года отдал механизаторскому труду также Генрих Корнеевич Паульс.

Когда мы говорим о заслуженных людях колхоза, то следует назвать бывшего председателя Гуго Эдуардовича Роота и бывшего зоотехника Генриха Ивановича Нейфельдта.

17 лет Гуго Эдуардович возглавлял колхоз. Его заслуги отмечены орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалями «За освоение целинных земель» и «Ветеран труда».

Больше 25 лет работы посвятил колхозному животноводству Генрих Иванович Нейфельдт. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и «За освоение целинных земель».

Большой трудовой путь прошли ветераны колхоза имени Ленина. Их насчитывается здесь около 300 человек.

В числе лучших передовиков председатель правления колхоза Андрей Гергардович Пеннер назвал также ветеринарных работников Нину Яковлевну Классен и Гергарда Генриховича Клиппенштейна, рабочих кирпичного завода Елизавету Петровну Больдт, Розу Генриховну Веттштейн, Екатерины Корнеевну Госсен, Александра Петровича Госсена, Эрну Александровну Майер, Петра Ивановича Пеннера.

Среди лучших названы также шоферы Борис Яковлевич Гамм, Андрей Андреевич Варкентин, Алексей Корнеевич Мартенс, бульдозерист Иван Андреевич Першан, заведующий машинным двором Иван Яковлевич Варкентин, механик автогаража Петр Петрович Фризен, токарь Александр Макарович Бодня, кузнец Иван Корнеевич Фризен, бригадир сантехников Корней Корнеевич Феер, электросварщики Андрей Давидович Беккер и Анатолий Николаевич Гейдеберг и другие.

С конца шестидесятых — начала семидесятых годов достижения в экономическом и социальном развитии колхоза стали подниматься до уровня показателей передовых хозяйств района и края. Об этом свидетельствуют многие награды, которых колхоз был удостоен. Назовем лишь некоторые из них:

1. Дипломы II степени Главного комитета ВДНХ СССР за успехи в развитии сельского хозяйства в 1964, 1967 и 1976 годах.

2. Диплом и Почетная грамота Министерства сельского хозяйства РСФСР в ознаменование 50-летия образования СССР.

3. Диплом коллектива высокой культуры земледелия за внедрение передовых агрономических приемов и получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур.

4. Диплом о присвоении поселку Орлово звания «Населенный пункт образцового общественного порядка и высокой дисциплины».

5. Диплом II степени за получение высокого урожая в 1971 году. Колхоз был занесен на краевую Доску почета гвардейцев пятилетки и премирован легковым автомобилем.

ШКОЛА И КОЛХОЗ

Когда в 1966 году в Орлове было построено новое здание средней школы, то на стене у входа сразу появилась надпись «Наш шеф — колхоз имени Ленина». Все эти годы школа ощущала постоянное внимание и помощь со стороны колхоза. И не только Орловская средняя школа, но и начальные школы в бригадных поселках.

Говоря о содружестве и взаимоотношениях колхоза и Орловской средней школы, руководители колхоза рассуждают так: сегодняшний школьник — это в перспективе реальная рабочая сила для производства. Но чтобы ее не растерять по пути от школьной парты до производства, необходимо направленное воспитание, нужна профессиональная ориентация, которая заложит в сознание молодого человека интерес и уважение к профессиям земледельца, механизатора, животновода, строителя, шофера. Жизнь показала, что именно в труде дети проверяют полученные в школе знания, познают суть профессии. В труде мужает их характер, рождается любовь к родной земле.

«Орловская средняя школа уже давно стала своеобразным цехом нашего многоотраслевого хозяйства, — считает председатель профсоюзного комитета колхоза Борис Борисович Лепп. — И если наше хозяйство до недавнего времени не испытывало нужды в кадрах, то в этом большая заслуга нашей школы. Из школы к нам ежегодно поступает пополнение рабочей силы. Большинство выпускников школы остается в родном колхозе. Сегодняшние труженики колхоза — это в основном выпускники нашей школы».

В Орловской школе есть определенный опыт профессиональной ориентации школьников, подготовки их к труду и выбору правильного жизненного пути. Дети колхозников с малых лет приучаются к сельскому труду. Об этом заботятся их родители дома и учителя в школе, а также воспитатели детского сада.

Директор школы Василий Юлиусович Раабе говорит: «Колхоз оказывает нам большую помощь. От колхоза мы получили участки земли для выращивания картофеля и овощей, два трактора, необходимый инвентарь. Колхоз построил нам два гаража и кабинет для теоретических занятий по изучению сельскохозяйственной техники. Мы имеем оборудованные мастерские для обработки металла и дерева. Уроки труда проводятся здесь под руководством

учителя по техническому труду А.А.Саморядова.

Сельскохозяйственную технику и правила дорожного движения ученики изучают под руководством мастера производственного обучения И.Г.Нейфельдта.

В школе оборудован уголок профессиональной ориентации. Он раскрывает перед учениками особенности сельскохозяйственных профессий. Это помогает школьникам при выборе профессии и воспитывает у них чувство уважения к труду, к людям сельского труда.

Начиная с 1990/91 учебного года в программу производственного обучения включены домоводство и швейное дело. Для этого оборудованы специальные кабинеты, где занимаются девочки средних и старших классов под руководством Екатерины Дитриховны Пеннер и Елизаветы Францевны Гермышевой.

Все учащиеся школы занимаются общественно полезным трудом. Причем объемы и виды работ распределяются так, чтобы они были посильными для ребят и отвечали учебно-воспитательным целям. Ребята младших классов выполняют работы на пришкольном участке, учащиеся средних классов занимаются озеленением, уборкой территории школы, ремонтом книг школьной библиотеки, изготовлением наглядных пособий. Они шефствуют над детским садом и над престарелыми людьми села, участвуют в уборке свеклы, моркови и картофеля в колхозе. Девочки-старшеклассницы летом работают на молочных комплексах, подменяют доярок. Многие ребята работают на кирпичном заводе.

Правление колхоза по потребности направляет выпускников средней школы на учебу в профтехучилище, техникумы и высшие учебные заведения. Почти все руководители и специалисты колхоза учились в свое время в Орловской школе. На начало 1990 года в колхозе насчитывалось 19 специалистов с высшим и 32 — со средним специальным образованием.

Руководство колхоза старается удовлетворить все нужды школы и учителей для нормальной учебно-воспитательной деятельности. Все учителя обеспечены квартирами. Наравне с членами колхоза им продают пшеницу, овощи и другие продукты питания, а также корм для подсобного хозяйства.

Педагогический коллектив школы состоит из 47 учителей, большинство из них имеют высшее образование.

НОВЬ СЕЛА ОРЛОВО

Человек, не бывавший в Орлове 15—20 лет, сегодня может и не узнать его: так изменился, похоршел и раздался вширь этот степной поселок. Как на рекламной картинке, выстроились на шести улицах ряды новеньких нарядных домов из кирпича. Я знаю Орлово 30—40-х годов, когда здесь была одна улица с пятью десятками глиняных хат. Сегодня здесь ничто не напоминает о старой деревне. На ее месте выросло практически новое село, которое все более походит на рабочий поселок, на крупный сельскохозяйственный центр.

И ритм деревенский жизни стал здесь иным. Большая механизация и научно-технический прогресс ошутимо сказываются на всем образе жизни тружеников села. Рост материального благосостояния, коллективный труд изменили традиционный быт сельчан, их психологию, повысили уровень их культуры.

Все увеличивающиеся доходы от общественного производства, доходы от личного подсобного хозяйства позволяют колхозниками строить добротные дома, благоустраивать свой быт. Сельчан, испытавших на себе в прошлом всякое жилье (землянки из пластов, глинобитные и камышитовые хаты без всяких удобств), сегодня не надо заставлять строить себе хорошие дома. Теперь все хотят жить с комфортом, уютно и культурно. Застройка Орлова идет по генеральному плану, разработанному проектным институтом «Алтайгипросельстрой».

Колхоз строит в Орлове также двухквартирные дома с подсобными помещениями. В таких домах живут пенсионеры, молодые семьи, учителя, медицинские работники. Но предпочтение колхоз отдает личным застройщикам, которым предоставляются ссуды, строительные материалы, оконные и дверные блоки, транспортные средства.

Строить одному хозяину в одиночку жилой дом было бы трудно и заняло бы много времени. Поэтому обычно строят такие дома вместе с хозяином его родственники, друзья и знакомые. Устраиваются субботники и воскресники. В большой компании таких строителей всегда находятся свои

каменщики, штукатуры, плотники, кровельщики, электрики и сантехники. Сообща жилой дом возводится обычно за одно лето.

В своих домах застройщики предусматривают по 3—4 комнаты, кухню, водопровод, канализацию, теплые туалеты, ванную, водяное отопление, газ, кладовки, подвал и другие подсобные помещения. В быт сельских жителей прочно вошли холодильники, стиральные машины, телевизоры, легковые автомобили и мотоциклы.

Жилые дома в Орлове разных размеров и планировок. Одни вытянулись в длину, другие раздались в ширину, есть и двухэтажные. Некоторые построены из белого кирпича под расшивку, другие из красного кирпича и оштукатурены или одеты в «шубу». Жители села следят за чистотой своих домов и дворов. С обновлением быта и благоустройством села ушли в прошлое и многие старые привычки сельчан. На асфальтированную улицу кучу мусора или золы со двора ведь уже не высыпешь.

Вот что говорят старожилы села Орлово о своем житье-бытье. Левен Абрам Абрамович: «Мне, человеку, прошедшему все этапы развития нашего села и колхоза от ТОЗа «Ландман» до крупного сельскохозяйственного предприятия, приятно видеть большие преобразования и перемены к лучшему. Я радуюсь, что в домах колхозников появились достаток и благоустроенный быт. У нас в колхозе созданы хорошие условия труда и быта. Почти все тяжелые работы механизированы. У колхозников восьмичасовой рабочий день, все пользуются двумя выходными днями и отпусками».

Пройдем по улицам села. На всех улицах и переулках уложен асфальт, по обочинам летом растет зеленая трава. Вечером все улицы освещаются светильниками городского типа. Для пешеходов по обеим сторонам улиц сделаны тротуары. Все усадьбы сельчан озеленены. Раньше в Орлове и других деревнях крестьяне сажали в основном тополь. Сегодня в палисадниках растут стройные березы, сосны, ели и лиственницы. К зелени здесь отношение особое, весной и осенью высаживаются все новые деревья и цветы. В поселке проводятся конкурсы на лучшую усадьбу, выставки цветов.

Хорошее впечатление производят в Орлове здания общественного назначения — средняя школа, больница, детский сад-ясли, Дом культуры, Дом обрядов и кафе «Уют», где

проводятся свадьбы и другие торжества. За Домом культуры заложен молодой парк. Словом, на центральной усадьбе колхоза созданы все условия для нормальной жизни, работы и отдыха людей.

Имеется в Орлове участковая больница, построенная силами и средствами колхоза. Орловская участковая больница с 1929 по 1960 годы размещалась в переоборудованном жилом доме и магазине бывшего торговца Ивана Абрамса (раскулаченного и сосланного). С приходом в больницу врача Эдуарда Георгиевича Роота в Орлове было построено новое здание участковой больницы, которое прослужило 20 лет. А в 1981 году колхоз построил новое двухэтажное здание больницы на 50 коек.

Примечательно, что широкомасштабное строительство колхоз уже много лет ведет своими силами и средствами, т.е. без государственных ссуд и субсидий.

«Дальнейшее благоустройство центральной усадьбы и бригадных поселков, создание хороших условий труда и быта сельчан, удачное решение ряда других социальных проблем — сегодня глазная задача правления колхоза и Орловского сельского Совета», — считает председатель колхоза Андрей Гергардович Пеннер.

«Для этого, — продолжает председатель, — нашему хозяйству необходимо из года в год наращивать производство и продажу аграрной продукции и увеличивать тем самым денежный доход хозяйства. Интенсификации растениеводства и животноводства необходимо добиваться за счет прогрессивных технологий, улучшения кормления и содержания скота. Основным источником пополнения запасов кормов и впредь будут орошаемые поля. Больше внимания будет уделено выращиванию кормовой свеклы и нута. Молочное стало колхоза намечено довести до 1500 коров».

Отвечая на вопрос о перспективах дальнейшего развития колхоза, председатель говорит: «Сейчас раздаются голоса о том, что колхозы изжили себя, что надо отказаться от колхозов, раздать землю арендаторам, фермерам и крестьянским хозяйствам, я считаю такие предложения авантюристическими. Хорошо работающие, рентабельные колхозы разрушать преступно, да и колхозники этого не позволят. Экономическое состояние нашего крупного многоотраслевого хозяйства, сегодняшняя жизнь сельчан обновленного

Орлова и других поселков убеждает всех в том, что созданный 60 лет тому назад наш немецкий колхоз выдержал проверку временем и доказал свою жизнеспособность, хотя путь к этому не был прямым и гладким. Я считаю коллективное ведение хозяйства гораздо более прогрессивным, прежде всего в плане социального развития деревни.

Командно-административная система управления долгие годы тормозила развитие нашего колхоза, отчуждала крестьян от земли и средств производства. Но за последние годы наше хозяйство обрело самостоятельность. Переход на рыночную экономику требует от правления и специалистов колхоза совершенствования экономических отношений между производственными подразделениями. Необходимо приблизить людей к земле и к участкам, где они работают, обеспечить опережающий рост производительности труда по сравнению с его оплатой.

Но на пути к дальнейшему социально-экономическому подъему у нас возникли новые трудности. Беда в том, что коренные жители наших сел эмигрируют в Германию. Колхоз теряет работающих и опытных тружеников. Выезд этих людей теперь трудно остановить, потому что он проходит под предлогом воссоединения семей. А выехавшие за кордон люди приглашают и заманивают туда все новых и новых родственников. Выезду немцев в Германию способствуют еще и сложная кризисная ситуация в нашей стране, отсутствие перспектив у немцев на сохранение их национальной культуры и языка.

Орловский сельский Совет и правление колхоза вынуждены приглашать из других мест новые кадры механизаторов, животноводов, шоферов и строителей. Все это горько отзывается в душах тех коренных жителей наших сел, которые не собираются эмигрировать в Германию. Несомненно, наш колхоз будет существовать и дальше. В связи с переходом на рыночные отношения перед нашим хозяйством открываются новые возможности для наращивания производства продуктов сельского хозяйства и увеличения нашего вклада в решение проблемы продовольственного снабжения в нашей стране».

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

История села Орлово написана мною более шести лет назад, возможности ее издания появились лишь теперь. За прошедшие годы в нашей стране и в Орлове произошли события и изменения, о которых необходимо кратко рассказать в послесловии.

В заключительной главе книги приводятся рассуждения тогдашнего председателя Орловского колхоза Андрея Гергардовича Пеннера о перспективах развития колхоза, в которых он сетовал на появившиеся трудности хозяйства в связи с эмиграцией коренного населения и потерей опытных кадров и работающих хлеборобов, животноводов и строителей. Председатель уже тогда предвидел, что выезд немцев трудно будет остановить по причине нерешенности их национальных проблем, экономической и политической нестабильности страны. Так оно и получилось. Ни восстановление в 1991 году упраздненного в 1938 году Немецкого национального района с центром Гальбштадт, ни гуманитарная и финансовая помощь, ни строительство сыроварни в Орлове за счет Германии не остановили эмиграцию. На начало 1996 года коренного населения осталось в колхозе имени Ленина около 10 процентов. Уехал в Германию и сам Андрей Пеннер, проработав всего три года председателем колхоза. Очередным новым председателем был избран главный ветврач колхоза Александр Николаевич Красногеловенко.

За последние годы почти полностью обновился состав руководителей производственных подразделений и специалистов колхоза. Но численность населения Орлова, Дворского, Александровки и Лесного в целом за эти годы не сократилась. В Орлово хлынули переселенцы и беженцы из Казахстана и Средней Азии. Они же покупают дома у отъезжающих немцев. Многие дома покупает для переселенцев ГТЦ (Германское общество технического сотрудничества). Но переселенцы и новоселы в Орлове — люди различных национальностей, смешанных браков, среди которых не более 50 процентов немцев, да и те не владеют

немецким языком. Из-за этого и в Орловской средней школе пришлось отказаться от преподавания немецкого языка как родного.

В экономическом отношении колхоз держится пока на плаву. Несмотря на кризисное состояние в России минувший год хозяйство закончило с прибылью. Но облик села Орлово и бригадных поселков заметно изменился. Если в этих типичных немецких деревнях пять-шесть лет тому назад царили дисциплина и порядок, то сейчас здесь наблюдается другая картина. Газета Немецкого национального района «Новое время» писала, что в Орлове, Александровке, Дворском и Лесном растет преступность. Воровство общественного и личного имущества граждан и пьянство стали обыденностью. Воруют не только зернофураж из колхозных ферм, но и коров, которых забивают на мясо. В бывших немецких деревнях отчасти поселились люди с неизвестным прошлым, которые не работали в колхозе и понятия не имеют о немецких традициях и обычаях. Трудно предвидеть, как развитие этих сел пойдет дальше.

И. И. Шеленберг.

Июнь, 1996 год.

**История села Орлова
в фотографиях**

1. Петр Яковлевич Вибе — первопоселенец и основатель села Орлово в 1908 году. Он же проповедник менонитской общины и учитель, руководитель педагогического совета учителей Орловской волости.

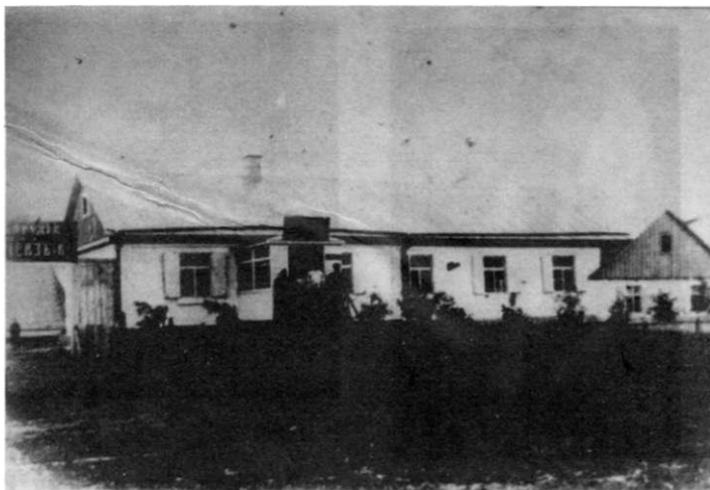
Lehrer J. D. Kempel

2. Яков Дитрихович Ремпель, учительствовал в Орловской сельской школе с 1912 по 1925 годы.

Bezirksversammlung in Orloff 1914.

3. С 1910 по 1924 год в Орлове работало волостное правление. На снимке: члены волостного правления после заседания летом 1914 года.

4. Франц Генрихович Дик построил в 1911 году в Орлове магазин, где новоселы всегда могли купить товары повседневного спроса. В 1928 году советская власть конфисковала у Дика магазин, имущество и жилой дом. Чтобы избежать ареста или ссылки, он уехал на Кавказ, где и умер через год. На снимке: Франц Дик и его магазин в 1914 году

5. Здание жилого дома и магазина Ивана Яковлевича Абрамса в селе Орлово, построенное им в 1910 году. В 1929 году магазин был конфискован. Семью Абрамса раскулачили, лишили права голоса и выгнали из дома, а летом 1931 года сослали в Нарым. Здание магазина было переоборудовано под сельскую больницу.

На снимках: супруги Абраме и их магазин в 1912 году.

6. С основанием поселений Орловской волости неразрывно связано имя Якова Абрамовича Реймера, который жил в Синеозерном. Благодаря его организаторской деятельности менонитские поселки за короткий срок (1908—1914 гг.) добились заметных успехов в хозяйственном и культурном развитии.

Русский публицист В. Вошинин после путешествия по Сибири в 1912 году написал: «Еду на северо-восток от Славгорода, начинаются

земли смежной орловской волости. Эта волость управляется знаменитым на всю округу старшиной Реймером, состоятельным менонитом, известным еще в Екатеринославской губернии. Задумав переселиться в Кулунду, земляки упросили и Реймера двинуться с ними. И вот он здесь, непоколебимый всеобщий авторитет, едва ли не абсолютная глава и власть не только менонитов, но и русских, украинцев и поляков, заселяющих территорию волости».

7 В годы первой мировой войны многие менониты воинскую службу проходили в лесничествах и на других предприятиях тыла. На снимке: Петр Вибе, крестьянин из Синеозерного, во время службы в Томске в 1916 году

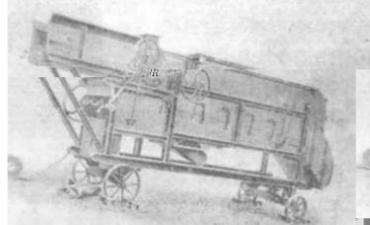
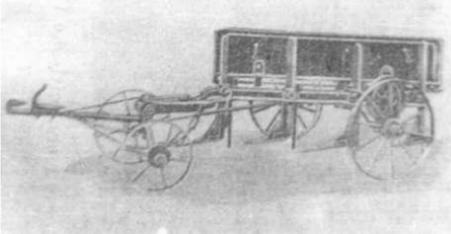
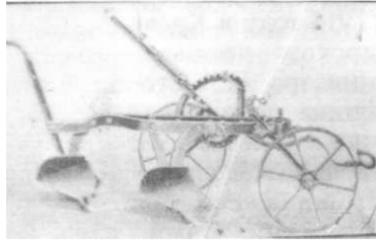
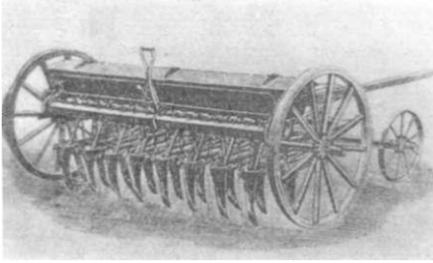
8. После убийства в 1911 году в Киеве царского премьер-министра П.А.Столыпина по инициативе волостного старшины Якова Абрамовича Реймера на усадьбе Орловского волостного правления был сооружен памятник в честь посещения Орлова председателем Совета Министров России.

На снимке: осмотр памятника чиновниками из Томска и Славгорода осенью 1912 г. Крайний слева Я.А.Реймер, на переднем плане стоит заведующий Славгородским переселенческим управлением В.М.Чернов. Надпись на памятнике: «1910 года 29 августа в память председателя Совета Министров П.А.Столыпина и Главноуправляющего Зем. и Земледелием А.В.Кривошеина, посетивших Орловскую волость. На сем месте были встречены с хлебом и солью дорогие гости тысячами переселенцев».

9. На этой карете возили царского премьер-министра П.А.Столыпина по селам Орловской волости 29 августа 1910 года. Подпись под снимком: «Петр Яковлевич Вибе на карете Столыпина».

10. Сельскохозяйственные волости в 20-е годы.

11. Бывший председатель Орловского сельсовета Мартин Ремпель, участник боев Красной Армии с Китаем в 1929 году на КВЖД (снимок из газеты «Ландман» за 1929 год) Надпись: «Бывший председатель Орловского сельсовета, теперь инструктор Немецкого райисполкома. Неоднократно премирован за хорошую работы по выполнению производственных и финансовых планов».

12. Эти женщины были действующими лицами в Орлове, Александровке, Луговом и Лесном с первого дня организации колхозов, в суровые военные и трудные послевоенные годы они трудились не покладая рук на всех участках колхозного производства. Их жизнь иначе как подвигом не назовешь.

Морщинистые лица этих тружениц говорят о их нелегкой доле. Их мужья стали жертвами сталинских репрессий в конце 30-х годов. Рано овдовев, эти женщины растили детей и работали на полях и фермах, получая мизерную плату. Сегодняшним поколениям трудно представить себе лишения, которые вынесли за свою жизнь эти женщины. На снимках (слева направо) Юстина Ивановна Варкентин, Екатерина Петровна Петерс и Екатерина Францевна Пеннер.

13. Пахота в колхозе «Ландман» (Орлово) весной 1931 года.

15. Молодые механизаторы колхоза имени Клары Цеткин (с. Ясное) в 1934 году. Сидят (слева) Иван Иванович Левен, Петр Иванович Левен. Стоят Яков Яковлевич Реймер, Екатерина Ивановна Левен, Иван Давыдович Унру.

16. Весной 1934 года была организована Орловская МТС, которая обслуживала 26 колхозов Немецкого района. МТС имела 55 тракторов и 11 автомобилей. При МТС был политотдел, который издавал газету «За социалистическую дисциплину» на немецком языке. На снимке руководители МТС. Сидят (слева направо): К.Шустер — заместитель начальника политотдела, А.Кнаус — директор МТС, Д.Гиберт — главный бухгалтер, П.Шафнер — главный механик; стоят: Г.Пеннер, П.Фризен, А.Горст (экономист), И.Валл, Я.Функ.

17 В 1938 повсеместно уродился богатый урожай зерновых. В счет сверхплановой сдачи хлеба колхозы впервые приобрели грузовые автомобили. Первый автомобиль в колхозе им. Ленина (Лесное). В кабине сидит шофер Генрих Роот. Около машины стоят председатель колхоза Генрих Дитрихович Фризен, бригадир Генрих Дерксен и счетовод Иван Изаак.

18. Хаты колхозников сел Орлово, Лесное, Дворское в 30-е и 40-е годы.

19. С упразднением Немецкого национального района в 1938 году были переведены на русский язык все немецкие национальные школы. А внезапный перевод преподавание всех предметов на русский язык вызвал большие затруднения у школьников и привел сразу к значительному отсеву их из школ. Если в Орловской восьмилетней школе до этой «реорганизации» было два шестых класса, то в 1938/1939 учебном году остался один небольшой 7-й класс (на снимке). Сидят в первом ряду (слева): Франц Завацкий, Давид Янц, Сергей Акимочкин, Иван Эверт, Иван Вольф; второй ряд: Анна Рихтер, Андрей Петерс, учителя И.И.Краузе и А.Д.Блеч, директор Г.Ю.Плетт, Зара Эверт; третий ряд: Елена Вибе, Мария Янцен, Маргарита Классен, Анна Гервих, Елена Шелленберг.

20. В конце 1920-х начале 1930-х годов по немецким селам прокатилась первая волна репрессий. Были арестованы многие проповедники религиозных общин и раскулачены зажиточные крестьяне. На снимке ссыльные крестьяне из Александровки, Лесного, Орлова и Углогого: сидят (слева) Иван Иванович Фаст, Абрам Гергардович Эверт; стоят: Яков Петрович Регерт, Генрих Иванович Петерс. Снимок сделан в 1933 г. в исправительно-трудовой колонии вблизи Прокопьевска. После 5 лет ссылки их отпустили домой, но в 1938 г. снова арестовали и расстреляли без суда и следствия.

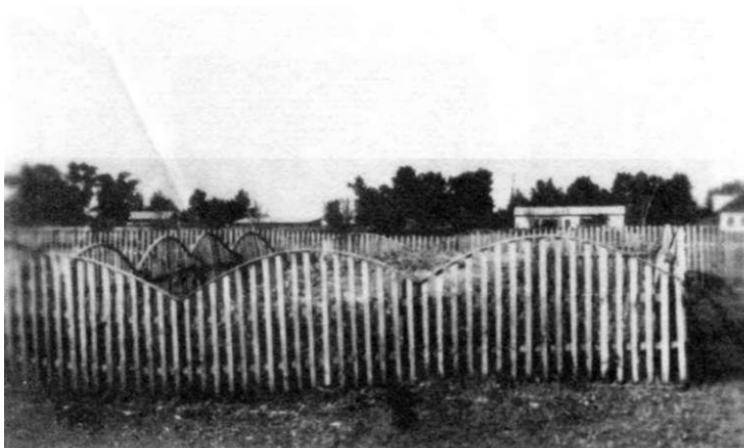
21. Вторая волна массовых репрессий 1937—1938 гг. с особой силой захватила немецкие села. Только в Орлове и семи бригадных поселках были арестованы 157 мужчин, а всего по Немецкому району — более 1500 человек. Все они были расстреляны или погибли в лагерях НКВД. Иван Данилович Левен работал в начале 20-х годов писарем Орловской волости, а в 1938-м (перед арестом) был секретарем Немецкого райисполкома в Гальбштадте. Екатерина Дитриховна Пеннер-Кран в конце 20-х годов была председателем Орловского сельсовета, а перед арестом работала в Гальбштадте библиотекарем райкома партии. Вскоре после ее ареста были арестованы и расстреляны три ее старших сына: Борис, Григорий и Дитрих. Все они посмертно реабилитированы.

22. Накануне Великой Отечественной войны многие российские немцы проходили действительную службу в Красной Армии. В первые месяцы войны они участвовали в боевых действиях. Но осенью 1941 г. по приказу Сталина все немцы были сняты с фронтов и отправлены в тыл в так называемую трудовую армию, где вместе с другими мобилизованными немцами-трудармейцами работали в тяжелых условиях. На снимке: красноармейцы из Орлова (слева) Абрам Левен, Иван Клипштейн, Иван Ремпель и Гергард Вейс незадолго до начала войны.

23. Девушки из деревень Орловского сельсовета в трудармии в г. Молотове (Пермь) в 1943—1946 годах. Слева направо: Екатерина Эверт, Елизавета Левен, Маргарита Гизбрехт, Лидия Абрам, Анна Классен.

24. Ограда вокруг братской могилы в Лесном, в котором зимой 1943 г. с голода умерли около 30 человек. В этой могиле хоронили, а точнее, туда сбрасывали вповалку трупы взрослых и детей, погибших самой страшной смертью — голодной. Поэтому никто точно не знает, сколько похоронено в этой могиле людей. Лишь некоторые уцелевшие тогда и сегодня уже доживающие свои дни люди смутно помнят то страшное время.

25. Руководители и передовики производства объединенного колхоза им. Клары Цеткин в Орлове (1962 г.). Сидят (слева): А.И.Нейфельд (зоотехник), И.И.Клиппенштейн, Елена Фризен, Э.А.Тейхриб, Г.И.Беккер (председатель), Ф.А.Лещев (агроном), А.Г.Гизбрехт (бригадир), Д.Д.Дерксен (зав. птицефермой); стоят: П.П.Фризен, И.И.Гиберт, П.Г.Петерс, П.И.Левен, А.И.Дик, Сюзанна Бергманн, Мария Янцен, П.Б.Лепп, Мария Фризен, А.И.Варкентин, Екатерина Фаллер (бухгалтер), Д.В.Цейзер, Ф.Я.Забецкий, А.И.Матис, И.И.Дик.

26. Передовики производства и члены правления колхоза им. Ленина на районном совещании представителей колхозов по обсуждения проекта нового устава колхозов, которое происходило осенью 1969 г. в селе Протасове.

27 Первомайская демонстрация в селе Орлове (1967 г.)

28. Бригады производственных подразделений колхоза в 1968 году Слева: Генрих Иванович Вибе, Арон Яковлевич Дик, Антон Антонович Яуфман, Иван Иванович Винс, Генрих Иванович Беккер, Яков Давидович Регер.

29. Выступает хор Орловского Дома культуры. Руководитель И.И.Буллер (1968 год)

30. Выступает детский хор Орловской средней школы под руководством Ивана Ивановича Буллера (1969 год).

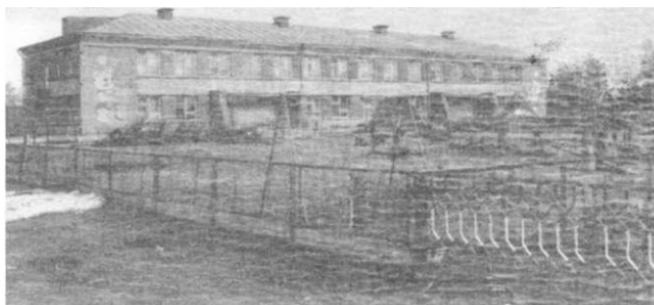
31. За 65-летнюю историю колхоза в Орлове сменилось несколько десятков председателей правления. Но дольше всех выдержал Гуго Эдуардович Роот. Под его председательством (с 1959 по 1976 годы) экономика колхоза заметно окрепла, хозяйство стало рентабельным., развернулось широкомасштабное строительство производственных помещений, объектов соцкультбыта и жилых домов для колхозников. Заслуги Гуго Эдуардовича отмечены государственными наградами. На снимке: чествование Г.Э.Роота в день 50-летия колхоза осенью 1981 г.

33. Сельская больница и аптека в Орлове (1989 год),

34. Братья Петр и Иван Лепп как колхозные стипендиаты окончили в 1972 году Барнаульский строительный техникум и с тех пор работают мастерами на стройках колхоза. Под их руководством построены десятки производственных помещений, объектов соцкультбыта и жилых домов.

35. Детский сад-ясли в Орлове (1985 год)

36. На снимках знатные и уважаемые женщины-труженицы колхоза. Слева Эльза Андреевна Тейхриб более 35 лет проработала в животноводстве, награждена орденом «Знак почета». Нина Яковлевна Классен более 12 лет работает ветфельдшером, заочно окончила Омский ветеринарный институт. Надо ли говорить, сколь хлопотна и ответственна работа ветеринара, когда в хозяйстве 4500 голов крупного рогатого скота, 2000 свиной и бесчисленное количество скота в личных подворьях сельчан. Елена Петровна Нейфельд 36 лет своей жизни отдала колхозному животноводству работала и дояркой, и свиаркой; награждена двумя медалями.

37. Врач Эдуард Георгиевич Роот много лет заведовал Орловской сельской больницей и пользовался большим уважением у населения Орлова и близлежащих сел.

38. Эти мужчины всегда ходили в передовиках колхозного производства. На снимках (слева): Петр Петрович Классен (работает столяром), Иван Корнеевич Фризен (кузнец), Александр Макарович Бодня (токарь ремонтных мастерских) Все они прекрасные труженики и мастера своего дела.

39. Заслуженные люди села Орлова. За многолетний безупречный труд они удостоены звания «Почетный гражданин села Орлова» и «Ветеран труда»: (слева) Франц Яковлевич Забецкий, Петр Борисович Лепп, Франц Францевич Дерксен, Анна Моисеевна Бодня.

40. Генрих Иванович Вибе (слева) более 30 лет руководил комплексными бригадами в Луговом, Лесном, Александровке. Его трудовые заслуги отмечены орденом Ленина и тремя медалями. Иван Гергардович Никель 35 лет водил грузовые автомобили колхоза, 6 лет отдал трудармии, награжден орденом Трудового Красного Знамени. Гергард Генрихович Тевс — механизатор и бригадир тракторного отряда колхоза. Его многолетняя работа отмечена многими медалями.

41. Борис Борисович Лепп (в центре) еще в 1927 году сел за руль импортного трактора и обрабатывал поля в артелях и коммуне соседнего села Чертеж. С образованием Орловской МТС в 1934 г. он стал бригадиром и механиком тракторного отряда. В годы войны работал шахтером в трудармии, а затем еще 18 лет слесарем в ремонтных мастерских. Сыновья его Борис (слева) и Петр (справа) получили высшее образование и стали инженерами колхоза. Петра Борисовича в 1976 г. избрали председателем соседнего колхоза в Протасове, а Борис стал механиком и диспетчером гаража в Орлове.

42. Оркестр народных инструментов Орловского Дома культуры под руководством Климентия Больша (1980 год)

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям этой книги	5
Справка	7
Давно минувшие времена	8
На просторах Сибири	10
Орловская волость	19
Школьное образование	26
Октябрьская революция и гражданская война	28
НЭП и кооперативное движение	32
Преобразования в общественной жизни	37
Немецкий национальный район	39
Сплошная коллективизация	42
Эмиграционное движение и раскулачивание	44
Трудное начало	53
Постепенный подъем	70
Суровые годы войны	79
Трудные послевоенные годы	91
В укрупненных колхозах	96
Передовики производства и ветераны труда	107
Школа и колхоз	111
Новь села Орлово	113
Послесловие автора	117
История села Орлова в фотографиях	119

Иван Шеленберг
История села Орлово

Редактор *Н.Резниченко*
Корректор *И.Лоскутников*
Художник *Д.Лисин*
Компьютерная верстка *И.Лоскутников*

Изд. лиц. №064634 от 13.06.96.
Подписано в печать 14.11.96. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56.
Тираж 1000 экз.

Издательство «Готика»
107370, Москва, ул. Бойцовая, 14-6-38.
Тел.: (095) 169-96-58, факс: (095) 169-97-58
Типография АОТ "Политех-4"
Москва, ул. Б. Переяславская, 46

